

МОНЕТА БОГА ТЕНЕЙ

AARON BYRNE
ISILWEN RAINEL

Темнолесье способно погубить любого, кроме тех, кто вырос в его вечном полумраке. Алистер Де-Ветт, бывший разведчик предательски разбитого Серого легиона родом из этих мест. Зная о своей смертельной болезни, он решает провести побратима Роланда в королевство Везерлех, где бывший легионер сможет начать новую жизнь и забыть о преследованиях. Но прежние сослуживцы, старые счеты и неожиданные обстоятельства мешают его плану. Стоит ли свернуть с пути и попытаться получить Монету, чтобы после смерти не оказаться на службе у Бога Теней, как все члены семьи Де-Ветт?

Глава 1. Век неоправданных крайностей

Осень 1670 года, Королевство Нортленд, вблизи границы с Темнолесьем

"Бегство от судьбы — всего лишь миф. Выбирая свою дорогу, мы верим лишь в иллюзию того, что попадем туда, куда хотим. К сожалению, конечный пункт выбран за нас, а все пути приводят в место, где мы хотели бы оказаться меньше всего." — Томас Маршалл, пропавший ярл, который боролся с королевским режимом.

— Видишь это? — Раздался грубый голос.

— Вижу, Роланд. — Незамедлительно ответил некто, мелькнувший между деревьев.

— Кто по своей воле бросит оружие?

— Возможно, виной всему стали разбойники, но они просто забрали бы его. Не ловушка ли это?

Дослушав, загадочный собеседник нашего героя окончательно пропал из виду. Обнажив собственный меч, Роланд подошел к брошенному клинку.

Он рассмотрел кровь на рукояти и на земле: дорожка из редких капель уходила в лес. Осмотревшись, он понял, что боя здесь не было: на нетоптаной траве почти не осталось следов, и они вели из чащи. На это указывала примятая растительность, а значит кто-то, скорее всего, несколько человек крупной комплекции или просто одетых в тяжелые доспехи, в спешке покидали здешние места. Роланд подумал, что оружие было брошено раненым, одним из нескольких пересекших лесную тропу, ведь кровь на рукояти наверняка принадлежала хозяину меча. Недолго думая, он сошел с дороги, все больше скрываясь в тени дубового леса и направляясь к тому месту, куда вел след.

Туда же мелькнул и темный силуэт невидимого глазу напарника. Роланд хотел ускорить шаг, но сломанные ветки, постоянно встречавшиеся на его пути, замедляли движение. Воин замечал редкие брызги крови на кустарниках и сломанные шляпки грибов, нелепо лежавшие у деревьев — все указывало на поспешное бегство. Возможно, что незнакомцы сами не знали, куда им направиться — животный инстинкт призывал оставаться вместе со стадом. В своей жизни Роланд видел многое. Такие мелочи он замечал не всегда, но опыт прошлых лет подсказывал ему не верить в простую случайность, а напарник научил видеть больше, чем доступно обычному человеку. Роланд шел уверенным, быстрым шагом, зная, что товарищ в любой момент придет на помощь. Да и смысла в скрытности не было: кровь уже успела высохнуть — значит, бой закончился давно, и победители ушли, ведь зачем оставаться на месте прошедшей схватки.

Спутника было не слышно и не видно, но он оставался очень близко, настолько, что Роланд буквально ощущал его взгляд на себе. Не было сомнений: Алистер видит то же самое, а возможно, замечает даже больше. Лучшей защитой для этого человека была не броня и не нападение, как обычно говорят бывалые воины: ничто никогда не убережет тебя так, как верный соратник. Его руки — дополнительное оружие на твоей стороне, а лишняя пара глаз — как глаза на затылке.

Из-за кустарника послышались стоны, стоило завернуть туда, и — перед Роландом открылась кровавая картина, словно написанная одними только алыми красками: небольшая вытоптанная лужайка, дюжина изрезанных тел, из них трое в бронзовых рыцарских доспехах. Бронза? Разве это подходящий материал для брони? — Подумал воин. Все залито

кровью, в кровавых лужах утоплены мечи и топоры. Даже слепой, по одному только запаху, поймет, что здесь была бойня. Роланд подбежал к единственному выжившему — рыцарю, который облокотился на чье-то изувеченное тело, из его груди торчало копье, точно угодившее в брешь бронзовой брони.

— Тебя послал Кроули? — С ужасом простонал умирающий рыцарь, пытаясь отползти от него. — Пришел прикончить нас? Я все равно дам тебе бой! — рыцарь захрипел.

— Нет, дружище, я без понятия о ком ты. — Роланд присел рядом и начал осматривать ранение. — Боюсь даже богам не помочь тебе, рана глубиной в две ладони, не пойму как ты еще дышишь.

— Я сэр Ричард, рыцарь ордена Пламенного сердца, на нас напали вон те парни. Да, те что украшают своими кишками кусты. Трое наших — предатели, а вторая половина, включая нас, перед вами. Я забрал с собой несколько этих крыс, но в отличие от них, боги с радостью меня примут. Я думаю, они знают, кто прав и видели настоящих героев.

— Если боги и есть, им явно не до вас. — Из-за спины Роланда прозвучал спокойный, мягкий, голос, словно шепот, но слышный всем. Последние лучи заката осветили фигуру Алистера. Это был темноволосый мужчина, выше среднего роста, с высокомерно поднятым подбородком. Его одежда была проста: черная кожаная куртка с самодельным наплечником, штаны с единственным наколенником, замшевые сапоги и темные перчатки без пальцев. С пояса по бокам свисали короткий меч и нож, из колчана, который он носил на спине, торчали стрелы с зеленым оперением, а на плечо был заброшен длинный ясеневый лук. Окинув поляну взглядом, полным презрения, черноглазый лучник хлопнул друга по спине, в знак того, что местность чиста. — Ненавижу рыцарей, магов, насекомых и прочих вредителей.

— Помогите мне... — Проскулил рыцарь, в попытках развернуть голову к Роланду.

— Я уже говорил, что не смогу, прости, но тебе не поможет даже лекарь: мы пришли слишком поздно и то не думаю, что сумели бы спасти тебя, Ричард.

— Мои раны мало меня волнуют, к черту их! В городе, к югу отсюда, мой брат, наш командир, он в смертельной опасности. У него находится то, что Кроули хочет заполучить любой ценой, ради всего святого, что у тебя есть, предупреди его.

— С чего ты решил, что мы столь великодушны? — Грубо ответил Роланд. Его компаньон, Алистер, не став дожидаться смерти рыцаря, приступил к обыску покойников, желая заполучить монеты. Ричард не придавал этому значения: боль, эхом отдаваясь у него в голове, мешала думать о чем-то кроме его основной задачи.

— Я вижу тебя насквозь, в ордене нас учат, как узнать о человеке больше, чем он хочет рассказать. В груди сурового воина бьется доброе сердце. Помогите моему брату в городе и получите награду, он найдет способ отблагодарить, ведь если вам не важна честь, то монеты точно сгодятся. Вы сделаете очень важное и доброе дело.

— Другой разговор. — Заметил Алистер. — Монеты хотя бы полезны. А что на них купить, уже не так важно, что-то плохое или что-то хорошее, не вижу разницы. Если принесло пользу — хорошо, верно же, так все и устроено. Что ваш орден забыл в этой глуши? Я слышал, вы ищете всякие волшебные вещи, прячете их, чтобы они не попали в дурные руки. Что такое можно было здесь спрятать? Чем оно навредило бы человечеству, которое еще не готово увидеть подобное? Неужели это та страшная жена трактирщика с большого холма или перегар Роланда? Их я бы спрятал в первую очередь.

— Хватит язвить. — Буркнул воин. — Тут человек концы отдает, имей уважение!

— Наш орден действительно занимается тем, что ищет и прячет вещи, которые, попав в дурные руки, станут опасны. В тайном убежище скрыты сотни артефактов, но мы прогнали изнутри. Кроули подбил большую часть ордена на измену, убедив речами о том, что эти предметы способны поставить на колени даже богов, сделать людей хозяевами своей судьбы. Он рвался к власти и с реликвиями, которые были собраны нами за много лет, это было вполне возможно.

— Они зачищают ряды. — Подумал вслух Роланд, на что рыцарь согласно кивнул. — Отличный ход: вырезать несогласных и заставить слабых склониться, чтобы стать настоящим королем над братьями по ордену. Настолько банально, что мне даже гадко это слышать, ведь когда-то мы с другом сталкивались с предательством соратников. Ты должен радоваться, что знаешь изменников в лицо, нам в свое время так не повезло. Увы, отомстить сам ты уже не сможешь.

— Сэр Титус, брат нашего ордена и командир отряда отомстит за меня и других, павших в неравном бою. У него чистое сердце, преданное чести и долгу. Ничто не заставит Титуса пойти против наших идеалов. Этому человеку можно доверять. У него сейчас хранится то, что нужно Кроули, проклятому грязному выродку. — Раненый рыцарь тяжело вздохнул, жизнь покидала его тело. — А теперь, прошу тебя, окажи мне последнюю услугу. — Дрожащей рукой он протянул Роланду меч, лежавший рядом. Короткий бронзовый клинок, похоже, это их стандартное вооружение — Думал Роланд, неужели по надежности он не уступает стальному? Последняя просьба. Роланд не нуждался в пояснениях, более того, окажись он на месте этого доходяги — попросил бы о скорой смерти намного раньше. Встав на одно колено, он взял меч и направил его в брешь доспехов, прямоком под сердцем. Движение руки, и рыцарь, в последний раз схватив воздух сухими губами, закрыл глаза.

— Достойная смерть.

— Как для умирающего глупца, он был слишком болтлив. — Фыркнул Алистер. — Нет ничего достойного в смерти, особенно от твоей руки. Мы живем и умираем, а вдобавок еще и убиваем. Весь контраст наших злоключений. Если бы смерть была грязью, мы были бы не в силах от нее отмыться. Может ты, еще и похоронить его хочешь? А как насчет того, чтобы подмыть его? Люди обычно портки пачкают, когда из их груди торчит огромное копьё.

— В тебе уже давно угасла душа, но сердце все еще гонит по венам кровь. Ледяную кровь, мой друг. Такое разве возможно, Алистер? Сказать человеку, лежащему на смертном одре, про жену трактирщика...

— Поправка: рыцарю, а не человеку.

— Тебе не понять, какой честью для воина является смерть в бою за благое и праведное дело. — Встав на ноги, Роланд оглянулся по сторонам. — Постоянно забываю, ты же не коренной северянин. Такие аморальные нравоучения заставляют меня считать тебя еще тем гнойным наростом на моем заду.

— Именно так, друг. Как можно ближе к мозгу! Это же практически прямой путь к твоему сознанию, чтобы ни один из преподаваемых мной уроков выживания не был пропущен. А теперь расслабь задний проход, чтобы лучше меня слышать и вникай в сказанное. Придавай меньше смысла чести! Когда-то это спасет тебе жизнь. Я всего лишь стараюсь уберечь тебя, заставить не поддаться зову горячей крови. Как всегда: только ты видишь дверь в новые приключения на свой мягкий тыл, обязательно норовишь в нее зайти.

— И что?

— А то, что когда-то ты постучишь в очередную дверь, а спустя пару часов... —

Алистер указал на замаранные кровью кустарники. — ...будешь украшать кусты. Верно, запомни, рыцари — это воины, не имеющие своего мнения, такие же как все.

— Попробуй иногда проявлять человечность, ну хоть иллюзию создай. Этот человек был на пороге смерти, но думал о брате по оружию. Смог бы ты думать о других, лежа в агонии?

— Великий Алистер не окажется в таком положении, недоверие — лучший доспех. — Сказав это, он поднял ладонь к небу, словно ждал благословения богов или оваций.

— Смейся, но ты доверяешь мне. — Улыбнулся Роланд. — Вот твоя брешь.

— Прошу тебя. — Усмехнувшись, ответил он, стерев улыбку с лица собрата по оружию. — Да и если я буду лежать весь в своих кишках, крови и испражнениях, твое поросычье рыльце — последнее, что мне захочется увидеть перед смертью.

Оба, засмеявшись, пошли назад к тропе, спокойно переступая тела.

На рассвете они были уже в небольшом городке, где жили лесорубы. Это единственное населенное людьми место в округе и рыцарь мог говорить только о нем. Вторым вариантом был шахтерский городок, но его явно нельзя было назвать близлежащим. В отличие от Алистера, вопрос чести для Роланда был очень важен. Нередко он сам представлял, что когда-то, умирая, попросит дать клятву или обещание сделать что-то для него. Не столько для определенной цели, как для придания трагичности своей кончине. Его соратник был полной противоположностью воина и явно не желал почить ранее столетнего возраста, где-то в роскошном поместье, в объятьях десяти дев, после плотного ужина. Ведь дороже своей шкуры Алистер ценил только золото. Он мог зайти в горящий дом, который вот-вот рухнет, если там было нечто ценное. За серебро? — только в больших количествах и при условии, что есть, в чем его унести.

Город пустовал, как показалось с первого взгляда: никто еще не проснулся, кроме самых трудолюбивых лесорубов, которые давно уже покинули свои дома, уйдя вглубь леса. Именно эта теория всплыла у гостей городка в первые минуты странствий по пустым улицам. Годы опасных путешествий по землям севера научили их сравнивать первое впечатление с более поздними выводами, сделанными уже после того, как вся грязь всплывет наружу. Это изначально позволяло понять, где скрывается ложь. Крайне полезно для людей, не желающих наступать на те же грабли.

Дома лесорубов, естественно, деревянные, были не выше двух этажей. Под каждым вторым из них стояли стопки бревен, и уже при входе можно было насчитать две лесопилки. Общее дело держало местечко на плаву, на вырученные деньги закупалось зерно, ткань и снаряжение для рубки дерева. Алистер был против того, чтобы идти сюда, это он выражал недовольной миной, словно обиженный ребенок. Он постоянно твердил Роланду: "Мы не успеем пересечь границу", бросал аргументы, а точнее, кашу из ругани и предположений о неблагоприятном исходе приключения, которые воин принял как благодать. Роланд тщательно оглядывал каждый дом в поисках людей, всматривался вглубь улиц, поглядывал на деревья, росшие у ворот городка. Нужно осматриваться, где бы ты ни был, хорошо ориентироваться на месте — значит чувствовать себя в безопасности.

— Где мог остановиться рыцарь, как не в трактире? — Подумал вслух Роланд.

— Свинарник, как мне кажется. Но если без сарказма, я и трактира тут не вижу.

Лесопилка и рядом еще одна лесопилка, часовня и колодец, дом, еще дом, и еще дом, опять дом, еще одна лесопилка...

— Да я понял! Не обязательно перечислять все, что видишь.

— Ну, если тут и есть трактир, то уверен, что там подают опилки, разбавленные водой. А еще оmlет из опилок и шашлык из бобра, заведомо набитого опилками. Роланд, ты вообще уверен, что это не был бред? Простая агония? Не раз видел, как на пороге в загробный мир люди несли несусветную чушь. Вспомни тех же братьев Червей из долины, они просили аудиенции короля, которым считали горного козла, стоявшего на холме. — Алистер хотел добавить что-то еще, но замолчал, уставившись на небольшую горку нарубленных дров, пень и топор, встрявший в него — все это находилось практически на самой грязной дороге. — Топор.

— Топор в городке лесорубов, странно, не правда ли? — С сарказмом спросил Роланд. — Ты обижаешься на меня, словно ребенок, сколько можно? Теперь будешь дурачиться все время?

Алистер вытащил из-за спины лук, зарядив его стрелой из колчана. Она была непростая: необычно удлиненный наконечник, тонкий, идеально подходящий для стрельбы на дальние дистанции. Стрела подобной формы хорошо рассекает воздух, благодаря своей низкой настильности. Тяжело выдохнув, дабы не признавать свою неправоту, воин сделал шаг вперед и стал переминыться с ноги на ногу.

— Если доверяешь моей интуиции, обнажи меч. — Попросил стрелок. Роланд так и сделал, прислушавшись к совету. Алистер по призванию был следопытом, и замечать обычные для простого человека мелочи стало для него весьма полезной привычкой. Бросив лишь один высокомерный взгляд, Алистер узнавал о человеке все, что ему нужно. — Первое, на что тебе стоит обратить внимание: никто не оставит свой инструмент на улице. Можно было бы предположить, что уровень доверия тут сказочно высок, но я на это не рассчитываю. Это же лесорубы. Какой воин оставил бы где-то свой меч, отправившись собирать грибы? Принцип, по которому ты предвидел неладное в лесу, прост: применяй его не только к людям и начнешь видеть большее. Станешь реже попадать в передраги, понимаешь? Я говорю про то, что лучше вовремя увидеть стрелу, чем потом пытаться вытянуть ее из груди. — Едва заметным жестом, Алистер указал куда-то в сторону часовни. — А ведь еще лучше, заметить стрелка до того, как он ее выпустит. Взгляд напарника засиял пониманием, он мельком глянул на часовню, а затем с улыбкой кивнул разведчику.

— Допустим, мне уже все понятно, но что еще ты видишь?

— Отбросим в сторону правило топора, допустим, он был общим для всех. Скоро будет дождь, а сырость и влага не столь хороши для этого городка.

— Ты про древесину? Ее бы спрятали под навесы, чтобы не промокла. Если они не только зарабатывают на ее продаже, но и используют дрова, чтобы согреться холодными ночами. Верно? — Следопыт согласно кивнул. — И да, самый очевидный и настораживающий аргумент. — Заметил Роланд, указав лезвием меча на куст шиповника, из-за которого выглядывала чья-то рука, нездорового бледного цвета. Алистер со скрипом натянул тетиву. — Это западня, и если они думают, что мы жертвы, то пусть подумают еще раз.

— Похоже, твой рыцарь существует, я просто хочу поскорее с этим закончить.

Медленно проходя по широкой улице городка, Алистер ни капли не ослабил тетиву, а Роланд ни на секунду не опустил меч. Как оказалось, не зря, ведь только послышался гул летящей стрелы, меч северянина взметнулся вверх, отразив ее, а Алистер выпустил из цепких пальцев оперение и тетиву. Именно на это намекал его напарник, указав на часовню, сам-то Роланд ничего подозрительного не заметил, но игра слов, при которой были упомянуты лучник и стрела, своеобразный тонкий намек, понятный только им двоим, сделал свое дело. Кто-то стремительно полетел с крыши часовни, попутно ломая ребра о выступы здания, чтобы с хрустом упасть на ступенчатую каменную кладку. Зазвенели колокола, это был сигнал о нападении, непонятный нашим героям механизм захлопнулся.

Из-за лесопилки показались два рыцаря ордена Пламенного Сердца, при оружии, с угрожающими гримасами, застывшими на лицах. Звеня своей броней, они сломя голову побежали в сторону бывших легионеров. Роланд отцепил красную железную маску с пояса и не торопясь надел: времени было более чем достаточно. Конечно, на ней было несметное количество следов от ударов мечей, местами краска осыпалась, но это лишь придавало маске угрожающий вид и подчеркивало грозный, взгляд готового к бою человека. Алистер накинул серый капюшон, торчащий из-под черной куртки, завязал черный платок на лице, после чего, в мгновение ока, еще раз натянул тетиву и практически не целясь, отпустил. Одетый в бронзу увалень рухнул, моментально набрав скорость, и взрыхлил собой землю, не успев даже охнуть.

Вот оно, преимущество носить шлем. — Думал лучник, но беспечного бойца было не жалко. Ведь это рыцарь! Богатенькая бронзовая свинья, которая, по версии Алистера, сидела в своем поместье и от скуки слагала легенды в свою честь. Ударившись лысой головой о землю, противник только глубже загнал попавшую в глаз стрелу. Роланд уже был занят вторым нападавшим, успевшим приблизиться. Словно танцуя, северянин парировал все взмахи вражеского клинка. Несмотря на свою силу и массивность, он никогда не побеждал грубостью и глупостью, неважно кем был соперник: простым крестьянином или рыцарем.

Его технику можно было назвать агрессивной, только из-за боевого исступления, резких выпадов, усиленной взмаха в сантиметре от цели и дерзких переходов от обороны к наступлению. Из-за поворота уже бежало подкрепление.

— Алистер! Это хорошие или плохие парни?

— Одним богам известно. — Процедил лучник, проводя пальцами по оперениям стрел, выискивая подходящую. Он довел свое мастерство лучника до такого уровня, что, словно ремесленник имел для каждого дела отдельный инструмент: стрелу нужной формы и длины. — Если что-то пытается меня убить, оно сразу же становится для меня плохим.

На мгновенье Роланду показалось, что Титус уже давно лежит лицом вниз, залит землей кровью. Как и бывает в бою, мысли словно утихли, в голове осталось только холодное спокойствие, не допускающее в сознание ничего лишнего. Роланд вошел в драку с энтузиазмом, сделав кувырок вперед и сократив расстояние до цели ровно настолько, сколько потребовалось для очередного удара. Подобный выпад также выглядел как кувырок, следовавший за перекатом. Движение лезвия в воздухе по едва заметной диагонали — и бегущий противник лишился левой ноги, с криком перевалившись через Роланда. Напарник северянина, найдя нужную стрелу, выбросил ее из колчана, поймав пальцами, которыми уже натягивал тетиву, и тут же выстрелил. Сложно было представить, какие мысли могли пронестись в этот короткий промежуток времени, пока металлическое острие не прорвало

кадык бегущего.

Где-то вдали, из-за поворота вылетел один из нападающих, за ним показался некто седой, а с другой стороны приближались остальные, скрывавшиеся в засаде. Сомнений не было — это и был тот самый Титус в бронзовых доспехах ордена, ведь кто еще мог вступить за них в бою. Он выбежал из-за другой лесопилки, сходу срубив голову одному из предателей топором лесоруба, за мгновение до этого вырванным из пня — это выглядело довольно зрелищно в глазах северянина. Роланд оттолкнул очередного "партнера по танцам" к Алистеру, а сам отразил замах другого напавшего, после чего крепким ударом левой руки снизу, сломал ему нос. Хруст был омерзителен, да и последствия выглядели не лучше. Переносица рыцаря-предателя словно утонула в черепае, и он рухнул, словно мешок с зерном.

Подаренный Алистеру противник, уже пытался остановить кровь из пореза на глотке, лежа и дергаясь на земле, словно рыбешка. Сам воин стоял, держа короткий тонкий меч, с лезвия которого струйкой стекала кровь. Напарники встретились взглядами, причем черные глаза разведчика словно говорили: "Я же тебя предупреждал". Алистер вытер клинок об одежду покойника и пошел за Роландом навстречу седому рыцарю, который отбросил в сторону топор.

Молодой человек с белоснежно-седыми волосами был одет в бронзовые доспехи, уже слегка повидавшие виды. Друзья заметили, что у воина был разбит висок, а на исхудалом лице со светлыми, на грани белого, глазами, читалась озадаченность. Рыцарь пытался собраться с мыслями и осознать все произошедшее: нападение союзников, потеря артефакта, который он защищал, двое странных путешественников, не настолько безобидных, как ему показалось вначале.

— Я сэр Титус, рыцарь-командир ордена Пламенного Сердца. — Представился он, ожидая, что так же официально представятся и незнакомцы. Однако, они просто переглянулись, не издав ни звука. — Вы прибыли сюда не в лучшее время, но вижу, способны за себя постоять. Больше здесь не за что сражаться, поэтому я советую немедленно покинуть город.

— Так вот она какая, рыцарская благодарность. — Иронично произнес воин.

— И мы тут неспроста, а вроде как спасаем тебя. — Добавил следопыт. — Да, знаю, самому смешно.

— Думаю поздно говорить, что ты в опасности. — Добавил Роланд, снимая маску и пытаясь отряхнуться от кровавых брызг. — Да и про предателей знаешь, как я понял. Разумеется и...

— Понятно как узнал я, но вы? Кто вы? — Перебил рыцарь, сделав шаг навстречу незнакомцам, тем самым насторожив их. — Назовите себя так, как это сделал я. Желая знать, кто сражался против моих врагов, напомним — не ваших.

— Самые обыкновенные странники, которых судьба привела к тебе. Мое имя Роланд, а это Алистер.

— Обыкновенные странники не косят рыцарей, словно пшеницу. Светловолосый, коротко стриженный, и довольно невысокий Роланд казался ему полной противоположностью Алистеру.

— Без обид, но рыцарская манера сражаться — это не эталон воинских умений. — Вмешался Алистер. — Ну, вы, конечно, красиво машете своими мечами, но это показательное действие не помогает против закаленных бойцов. Более того, подобный пафос может обломать даже радушный фермер, зарядив вашему брату по голове тяткой. Крайне

эффективное оружие, не правда ли? По дороге от реки, мы встретили рыцаря из твоего ордена, некого Ричарда, который просил предупредить тебя. Мы рассчитывали на награду.

— Он мог бы и сам мне это сказать, стоило только прийти.

— Может быть, он и пришел бы, но, увы, не смог подняться. Ричарда слегка прибило к земле копьем, может его, конечно, предупреждали о подобном, но выглядел он удивленным. — Засмеялся Алистер, но быстро перестал, заметив, что смеется один, разведчик неловко почесал затылок через капюшон. Он уже не был таким мягким, как семь лет назад: умение сочувствовать со временем переросло в цинизм. — Из него совсем немного торчит копье, думал, это звучит забавно. Замазать глиной и будет, как новый, правда, разговаривать не сможет, но зато тишина в доме.

— Кто из них Кроули? — Стал осматриваться Роланд, словно выискивая его труп. Этот вопрос должен был перебить напарника, дабы он не спровоцировал рыцаря на бой.

— Как бы я ни хотел, тут его быть не может. Он бежал, прихватив с собой вещь, которая принадлежит нашему ордену. Предавший все, что мы ценили. Кроули еще пожалеет, что не убил меня сразу, пока у него была такая возможность. Изменники перерезали всех, кто был на улицах, пока искали меня. И некоторые жители, успевшие укрыться в домах, узрели падение нашего ордена.

— Они видели не только это и найдут, что рассказать страже. Я так понимаю, награды не будет, и мы зря потратили драгоценное время. — Подметил лучник, пытаясь снять золотое кольцо с пальца убитого лесоруба, но оно все никак не поддавалось. — Придется довольствоваться трофеями. Наверняка кто-то бежал из города и позвал стражу, нам нужно уходить отсюда. А тебе, Титус, если память мне не изменяет, дам совет: жители видели только, как парни в бронзе режут и рубят их соседей на куски, так что ты не докажешь свою правоту лоботрясам-стражникам, когда они придут. Сними латы, набрось любые лохмотья, покидай это место.

— Носить доспехи ордена — честь!

— Да? Рыцари ордена сравняли свою честь с грязью, перерезав половину городка. — С неохотой, согласился с ним воин. — Это было интересное короткое приключение, и хоть мой друг слегка заносчив, он прав. Я согласен с ним в том, что нам троим, уже давно пора находиться подальше от этого места.

— Я должен отыскать Кроули! За ним кровный должок.

— Выбирая месть, идешь скользкой дорожкой.

— Ему не нужны твои нравоучения, Роланд. Он и сам наверняка знает, что поливать кровью ступени, по которым идешь — не лучшая идея. Но иной реакции на предательство никто и не ждал, ненависть самое сильное чувство, и раз этот Кроули такой, каким его видит Титус, изменнику не избежать своей участи.

— Как для одержимого грехами, ты говоришь дело. — Заметил Титус, взглянув как Алистер отрезает покойнику палец с золотым кольцом. — Мне не нужны душеспасительные советы, я хочу лишь успеть в храм нашего ордена раньше Кроули, иначе быть беде.

— Через границу? — Удивился Роланд. — Не знал, что орден Пламени ищет, что-то и тащит за тридевять земель, чтобы спрятать. Не прими мои слова за обиду, но это странно, что может так заинтересовать заграничных соседей?

— Жена трактирщика. — Быстро ответил Алистер, заставив рыцаря задуматься. — Артефакт страшной силы, им разве что богов пугать. — Роланд с упреком взглянул на напарника.

— Как мне пересечь границу, сократив путь до предела? — Проигнорировал вопрос и ответ рыцарь. Оглянувшись по сторонам, он понял, что не знает даже нужного направления. Карта была утеряна, как и прочее его снаряжение, а из-за тумана, который сгустился в небе, он не смог различить даже солнце. Свет просто лился с неба, освещая местность.

— Способ есть, но твоих навыков выживания не хватит, чтобы уцелеть. — Стал улыбаться Алистер, глядя на Титуса, как на безумца, периодически осматриваясь по сторонам, выискивая что-то ценное.

— Не вынуждай меня спрашивать, какой.

— Темнолесье. Место, где рождаются кошмарные сны и сомнительные легенды. Собственно говоря, и мы родом из тех земель, по крайней мере — я. Знаем тамошние места как свои девятнадцать пальцев, да и выживали там последние семь лет.

— Хотел сказать двадцать?

— Девятнадцать, это долгая история. Не бери в голову, у меня было красочное прошлое. В любом случае ты, в своих-то доспехах, спустя пару дней станешь мишенью для стражи — весомая причина, почему я не звал бы тебя с собой. А если и дойдешь до леса, будешь, словно дикий зверь, зашедший в лагерь охотников. Или вообще доспех потянет тебя в болотную трясину намного раньше. Ну, допустим, ты незаметно дойдешь, в своих-то блестящих бронзовых доспехах, которые сразу бросаются в глаза. Разумеется без нас. Аккуратно пройдешь топи, чтобы все равно погибнуть в Темнолесье. Я уже сказал тебе, чтобы ты не навязывался нам? Есть много других способов покончить с собой. Туда, чтобы ты понимал, даже королевские войска не ходят. Мы и сами той дорогой не идем, только по старинке, через границу. Если тебя там не убьют разбойники, не разорвет медведь, не укусит змея, не растерзают волки...

— Истина на моей стороне! — Перебил с интересом Титус.

— Но не удача! Слышал легенду о Скитальце? — Таинственно произнес Алистер.

— Черт! Да ты сам в него не веришь! — Разозлился Роланд, он нервно оглядывался по сторонам, словно мальчишка, воруящий яблоки, в саду. — Городская байка, как ты ее сюда приплел?

— Да ему и так колоссально везет: с ним что угодно может приключиться. — Алистер засмеялся, а оба собеседника тяжело вздохнули. — Ну, а потом горный хребет, на который не каждый поднимется. И опять же, эти латы, считай, что ты будешь взбираться с тяжелой ношей, словно на тебя насел кабан или жена трактирщика.

— Выбора нет. — Тяжело вздохнул Титус, оглянувшись назад, где линия горизонта была скрыта горами. Именно за ними располагается королевство Везерлех, имеющее не самые теплые отношения с севером, особенно после войны, которая закончилась семь лет назад. Титус — рыцарь ордена соседних земель, но родился он в Нортленде.

— Мы родом из Темнолесья и сочли бы за честь позвать тебя с собой где-то пересидеть ночь, варианта лучше у тебя все равно нет. — Заметил Роланд, на что другой уроженец темных лесов тихо выругался себе под нос. — Когда-то давно, при древних королях, в Темнолесье ссылали всех преступников и убийц, не давая им выйти. Никого шанса на амнистию. Возможно, это всего лишь сказки, но в любом случае, место очень опасное. Вместо дня там вечные сумерки. Мне повезло больше: я жил в городке на

окраине, а Алистер со своим отцом чуть глубже. Намного глубже, если честно.

— Не так-то долго я с ним жил. — Добавил Алистер. — Там невероятно высокие деревья, густые кроны которых не пропускают солнечный свет. И если на то пошло, дабы

дожить до всего этого и узреть лес своими глазами, пора уходить.

— Верно, друг. Со всех окон постоянно кто-то поглядывает, надобно поскорее покинуть открытое место, познакомимся поближе на привале. Стражники не могли не услышать звон колокола, а значит, они скоро будут здесь.

Орден, в котором состоял Титус, был на службе у короны Везерлеха. Его называли Орденом Пламени, Пламенного Сердца, Пламенного Солнца, как кому больше нравилось, и каждое из названий приобрело свою репутацию. Орден оставался верен королю Везерлеха по сей день, ведь если верить уцелевшим свиткам, рыцари служили еще древним королям, которые первыми начали передавать свою власть по наследству. Главной целью рыцарей всегда был сбор древних манускриптов и других, вещей, несущих в себе угрозу, и поиск людей, наделенных даром, чтобы обезопасить их от гнета инквизиции, которая уже тогда была способна здорово насолить магам.

Сегодня Титус был раздосадован тем, что братьев по оружию становилось все меньше. Отличием, указывавшим на принадлежность к рыцарям, были бронзовые доспехи, да и в тех нельзя больше показываться на городских улицах. Горечь предательства грызла его изнутри, но теперь нужно было отвлечься от этого, ведь еще до наступления вечера все трое оказались вдали от злополучного городка. Настолько, насколько позволило время. Продолжать диалог на месте преступления, каким его посчитает стража, было нерезонно, глупо и сравнимо с самоубийством. Лил проливной дождь, поэтому спутники были вынуждены укрыться под отвесной скалой, разжечь костер и развесить свои вещи на торчащих из земли корнях рядом с огнем, чтобы они высохли до восхода солнца. Все это было сделано, чтобы попутчики смогли выступить пораньше, дабы уйти от города как можно дальше. Титус сидел у костра в одних бронзовых поножах, на рельефном теле не было ни одного шрама — только уйма синяков и ушибов. Он упорно отчищал кровь своих бывших братьев по оружию от бронзового нагрудника. На лице чередовались сострадание, сомнения и уныние, можно было наблюдать, как он подавляет в себе яростный крик.

— У тебя ни единого пореза, привык считать это доказательством боевого опыта. — Заметил Роланд, сидевший в одной лишь светлой тряпке, завязанной в узел на бедре, занятый тем, что точил свой меч. Его тело было более мощным, чем у рыцаря, воин играл мышцами в свете костра. Роланд почти весь был покрыт шрамами и рубцами — последствиями неприязни к доспехам. — Не подумай, что ставлю под сомнение твое воинское мастерство, просто считаю, что шрамы украшают. — Оправдался воин, но рыцарь продолжал молчать, тщательно счищая кровь мокрой тряпкой. — Этот белый цвет волос, ты таким родился?

— Все нет, они были цвета древесной коры. Но волосы седеют, когда видишь нечто ужасное. Все что происходило со мной в прошлом, напоминает страшный сон, только вот пробудиться, мне не удастся, словно засыпаю все крепче. А сны все страшнее. — Титус отвлекся от своего занятия, уставившись в глаза воину. — Пусть доказательством моих слов станет цвет волос.

— Тогда, ты повидал многое.

— А вдобавок, я голоден, но армейский паек остался в таверне. — Вдруг заметил Титус.

— Ничего, скоро вернется Алистер, принесет нам ужин. Лучшего охотника в этих землях не найти...

— Куда вы направляетесь?

— Через границу, туда, где мы начнем новую жизнь.

— Ты уверен, что через нее пустят беглых легионеров? — С интересом процедил рыцарь, глядя, как собеседник замер, уставившись в костер. — Границы закрыты указом короля, все тщательно проверяется, а корона все еще точит на вас зуб, поэтому я настоятельно рекомендую избегать основных кордонов.

— Ты знаешь, что это значит? — Спросил Роланд, проведя пальцем по черному рисунку в виде крылатого меча, вытатуированному на шее. Удивило не то, что рыцарь знает, кто он, а то, что помнит битву, произошедшую семью годами ранее, после которой он и десятки других легионеров дезертировали, якобы предав корону. — Скажи, стоит ли мне готовиться к поединку с тобой?

— Можешь не поглядывать на свой меч, я не представляю для тебя угрозы. Ты один из командиров Серого легиона, и как офицер офицеру отвечаю: нападать я не собираюсь, мне абсолютно все равно, кто ты и какое преступление совершил. — Пожал плечами рыцарь. — Я верю в то, что люди не всегда делают то, что им хочется, иногда есть только один вариант. Вас часто ставили в пример как плохих ребят, когда тренировали новобранцев, но я не придавал этому особого значения.

— Что же именно вам говорили? — Вмешался Алистер, он стоял в одних штанах, босыми ногами на мокрой земле. На его лице было злобное выражение. Рыцарь удивился, ведь никто не слышал поступи разведчика, даже когда Алистер шел по лужам и веткам. Казалось, он уступал двум другим в силе, но, тело было выносливым и закаленным, подобное называется сухими мышцами. Золотая середина — считал сам Алистер. Как и Роланд, он имел метку Серого легиона на шее, но из шрамов было лишь два рубца на груди, около сердца. В одной руке он держал три кроличьих тушки, наколотые на одну стрелу, в другой — лук.

— Мол, смотрите, так нельзя поступать. Я не презираю вас и никоим образом не был намерен оскорбить. Корона, за которую вы сражались, не стоит того, чтобы... — Алистер сплюнул, после чего бросил на него проницательный взгляд.

— Ты хотел преподать нам урок истории. — Вернулся к прежнему разговору Роланд, ему было не по себе. Эта тема слишком давно не поднималась даже в их личных беседах с Алистером. Семь лет тому назад, неужели кто-то еще помнит об этом? Титус продолжил, пока Алистер, не отвлекаясь от рассказчика, стал свежевать кроликов. Руки крепко держали нож, готовые в любой момент устремиться к горлу рыцаря, и он это чувствовал. — Начинай повесть...

— Начну с самого начала. Как и в любой балладе, было у короля два сына, старший, от первой королевы, ныне покойной, смелый и сильный, но зависимый от мнения отца, а другой сын, от второй королевы, худой и болезненный. Классика. Когда они выросли, первый сын, вдохновившись легендами о святом Легионе, ведомый идеалами отца, создал армию, объединившую многие земли севера. Он сделал это, чтобы укрепить свой престол: каждый монарх должен обзавестись элитной армией, как королевская гвардия в Везерлехе. Легион изначально был создан для войны с кровожадными дикарями, живущими в горах — других врагов в то время не было, а после и до войны с Везерлехом дело дошло. — Титус нарочно спровоцировал старых друзей, услышав, как скрежетали зубы Роланда, он продолжил. — Но как-то раз, семь лет назад, после военных действий во время возвращения домой, когда война только закончилась...

— На нас напали. — Закончил предложение разведчик.

— Да, на легион принца напали дикари. В этот день погибли все, включая самого наследника престола, ну кроме дезертиров, которые трусливо оставили его на погибель. — Титус оглянулся на Алистера, который ярым, словно пронизывающим до костей, взглядом, смотрел ему прямо в глаза. — Поправь меня, если я в чем-то ошибаюсь.

— На нас напали, но точно не дикари и не повстанцы, это были одетые в броню воины, хорошо подготовленные и вооруженные, словом, сильные противники. Они воспользовались истощением войск Легиона с выгодой для себя. Как ты знаешь, жители гор не забирают своих погибших, а на месте резни не осталось никого, кроме наших павших братьев. Но во всем обвинили варваров, которые остались преданны свергнутому ярлам и конунгам.

— Я не говорил, что все было именно так, как мы привыкли считать.

— Это произошло в лесу, шел проливной дождь и никаких следов не осталось. Дело было после утомительной осады крепости, которая длилась больше месяца. Сил не было, многие уже были больны, голодны, мы везли раненых. На нас напали и застали врасплох. Да, мы бежали с поля брани, но не по своей воле. Такой заносчивый святоша и знать не знает, что мы пережили в той схватке. Видишь эти два рубца у меня на груди? — Продолжал Алистер, рыцарь, пожав плечами, покачал головой. — Там было два арбалетных болта, я сражался и даже не думал бежать. А теперь взгляни на него, половина шрамов осталась с того самого дня.

— Я пытался спасти как можно больше своих братьев. — Пояснил Роланд, он говорил искренне, Титус это видел — используя одну из техник их ордена, которая помогала распознавать лжецов, чувствовать их и определять признаки вранья по выражению лица собеседника. Роланд говорил правду, он был уверен в этом, но Алистер сомневался в сказанном, поэтому рыцарь не мог "прочитать" его. Все жесты разведчика, указывали только на то, что он был нечитаемым, а, может и вовсе сумасшедшим — человеком, не поддающимся законам эмоций и морали. — Мои приказы никто не слышал. — Продолжал Роланд. — Мне приходилось идти в схватку в первых рядах, чтобы дать более молодым шанс на жизнь. Но в пылу сражения, я увидел знакомый силуэт, который рухнул на спину в грязь, это был Алистер, из его груди торчало два болта. — Титус неловко опустил взгляд на костер, чувствуя себя в неудобной ситуации, понимая, что выставил себя не в лучшем свете. — Да, я дезертировал, чтобы спасти того, кто не раз спасал меня. Даже поверить не мог, что Алистера могут ранить, до того момента я был уверен, что его хранят все известные мне боги.

— Я вам верю.

— Спасибо огромное, какой ты великодушный. — С отвращением процедил Алистер, начав свежевать последнюю тушку. — Благодаря дождю, который топил наши следы, он утащил меня подальше от того места, в Темнолесье. — Пояснил Алистер, слегка остыв от неловкой ситуации, которую ощущал рыцарь, и это успокаивало его. — Он дотащил меня до поселка и нашел хороших людей, которые оказали помощь. Я был в чем-то подобном сну не одну неделю, пока не пришел в себя. На нас охотились, винули в смерти принца, сравнивали с худшими из людей. Но самым горьким наказанием стали следы, что оставил тот день на нашей памяти, ведь в битве погибли наши друзья. Нам никогда не снится ничего другого, кроме того дня. Единственной отрадой сейчас является то, что о минувшем стали забывать. И вот, пришел умник в медовых доспехах и рассказал, как все было на самом деле. А мы, глупцы, не знали. — На лице разведчика появилась улыбка. — А вообще, не забивай голову

ерундой, мы не в обиде. Просто до ужаса нравится заставлять смущаться таких всезнаек, как ты.

— Тем не менее, хотел бы извиниться. — Признался Титус. — Не так давно, до короля дошли слухи, что не все бежавшие наказаны, кто-то, где-то, видел серого легионера, и поспешил об этом рассказать. У рыцаря, оказывается, хватило наглости носить полный комплект брони кавалериста. Местами, его прозвали стальным человеком, на счету которого убийства таких же легионеров, как вы. В общем, суть в том, что у короля пригорело мягкое место, и он как-то собирался натравить инквизицию на бывших легионеров. Такие слухи нисколько не придуманы. Это старческий маразм, первый тревожный звонок о том, что он одной ногой в могиле, как и вся северная монархия.

— Как инквизиция? Истребители магов, собираются искать нас? — Удивился Роланд, ведь все что он слышал об инквизиции, так это то, что лучше не быть магом, и все будет хорошо. — Из необычных талантов у нас только способность попадать в передряги.

— А еще тащить рыцарей в дом. — Добавил Алистер, сам рыцарь это за оскорбление не принял, а лишь наоборот натянуто улыбнулся. — Мамочка! Можно я оставлю этого рыцаря себе? Я буду его выгуливать и убирать после него! — Пошутил Алистер, на что Роланд схватил из костра уголек и бросил в друга, но он был пойман пальцами разведчика, а затем отправлен назад в костер. — Не трать угли! Роланд, чем славятся инквизиторы? — С иронией спросил он, держа в руках тушку кролика, во время жестикуляций она напоминала тряпку, которой тот беспорядочно размахивал по сторонам. — Ну что ты смотришь на меня? Они чувствуют магию за версту, вспомни, чем нам делали эти символы на шее? — Роланд исступленно перевел взгляд с Алистера на Титуса.

— Камнями. — Задумался тот. — Нам выжигал их придворный маг какими-то камнями.

— Злая шутка судьбы. — Согласился Титус. — Руны, редкий вид магии. Их дивная энергия оставляет едва заметный след. Рунические печати даже трудно назвать волшебными, они просто остались от древних рас, которые царствовали здесь. Это осложнит вам путь через границу, особенно, если за поимку Легиона возьмется инквизиция.

— Что ты предлагаешь, умник? Ты ведь теперь тоже вне закона, я более чем уверен. Мы с тобой в одной лодке! Хочешь сказать, что нам вместе придется тащиться через Темнолесье, совсем с ума сошел? Я хотел умереть совсем не так.

— Законы королевства, как и гнет инквизиции, имеют власть только в этих краях, а вот за границей уже другой расклад. Расстановка сил изменилась, теперь между двумя нашими странами не пунктир, а жирная черная линия, продавливающая карту насквозь.

— Разумно. — Согласился Алистер. — По глазам вижу, что ты уже построил план, которым так сильно хочешь с нами поделиться. И не волнуйтесь девочки, ни один отбитый на голову стражник, не пойдет за нами в Темнолесье. Незачем бросаться в крайности, на одной лишь границе до старости доживают далеко не все.

— Вы проводите меня через опасные земли, а я делаю так, чтобы там, вдали от родины, вам легче дышалось. Никаких проблем и беззаботная жизнь, прямо за горами, без гонений стражи и безумных королей. Думаю, это будет честная сделка.

— Как мы можем быть уверены, что ты сдержишь слово?

— Я рыцарь, который пообещал услугу за услугу. А вы дезертиры, так какого черта вам не поверить мне? Я вижу, что вы хорошие люди, надеюсь мое доверие взаимно. Хотя бы потому, что мы нужны друг другу, это ведь весомый аргумент для тебя, Алистер? Там, я догоню Кроули, а вы станете свободны, сможете безмятежно жить и наживать добро любым

доступным для вас способом. И пусть после резни в том городке война между нашими королевствами снова станет неминуемой, вас она не коснется. У рыцарей, есть такое понятие как честь: я сдержу обещание, если не сгину по дороге, о чем вам и придется позаботиться.

— Хорошо, пусть так. — Роланд пожал руку Титусу, а Алистер, неохотно улыбнулся, принявшись готовить. — Раз такое дело, сделаю все возможное, чтобы ты дожид до выполнения своего обещания, так что ужинаем, спим и на рассвете выдвигаемся в самый мрачный поход в твоей жизни. — Титус искренне улыбнулся, уставившись в костер, в котором потрескивали угли. Кроули тоже увидит похожую картину — подумал рыцарь — когда я сожгу его живьем. Роланд облокотился на поросший мхом камень: он питал приязнь к истинным воинам, каковым сам себя считал. Видя во всем знаки судьбы, бывший легионер искренне верил, что эта встреча с Титусом была неслучайной, а значит нужно пойти с ним одной дорогой. Еще бы бутылку вина — задумался он. Алистер был погружен в приготовление мяса, как могло показаться с первого взгляда. Но в голове разведчика словно звучал голос, глушивший все прочие мысли: интересно, сколько золота скрывает в себе их храм?

Инквизиция — это орден на службе у короны Нортленда, главная цель которого — полное истребление магии. Уничтожение всего, что несет в себе магическую энергию — смысл жизни каждого члена ордена. Воспитание молодых инквизиторов начинается с восьмилетнего возраста, их подвергают мучительным тренировкам, превращая в хладнокровных убийц, охотников на магов — хранителей природного баланса. Исключением выступают шкуродеры, их помощники, которые просто любят причинять боль живым существам. Это не только заключенные, обреченные на казнь, но и обычные наемники, желающие работать в паре. Имен инквизиторов не имеют и обязаны обращаться друг к другу исключительно по званиям и порядковым номерам, в то время как шкуродеры знают свои имена, но не произносят их. Все строго по уставу. На вооружении ордена — самые новые изобретения, которые позволяют его членам победить любого, даже самого сильного волшебника.

Магия — всего лишь особая энергия, об этом написано много книг и научных трактатов, однако большинство верит в ее исключительно мистическое происхождение. Магическая энергия, не теряя свойств, с легкостью проходит через медь и растворяется от контакта с серебром, а особая ткань, разработанная инженерами и алхимиками — Шкура Инквизиции, вовсе ее игнорирует. Подобную взаимосвязь религиозные культы пояснить не могут и даже не пытаются, словно не желают признать очевидное. Поглощать энергию магов и использовать ее в своих целях инквизиторам позволяет особое медно-тканевое снаряжение. А лишать своих противников врожденного преимущества помогают хитрые механизмы из серебра.

Орден был основан более трехсот лет тому назад и насчитывает около сотни бойцов. Но только для одного сегодняшняя ночь станет началом неожиданного пути, о котором он пока еще не подозревает.

Уверенные шаги эхом отдавались в коридоре королевской темницы. Сидевшие в камерах заключенные, опускали взгляд вниз, стараясь не смотреть на проходящего мимо

инквизитора, который насвистывал веселую мелодию. Его тяжелая поступь приводила их в еще большее отчаяние. В темноте едва заметно мелькало черное инквизиторское пальто, а обвиняемые в использовании магии, не успевшие опустить глаза, замечали медный шлем с бордовыми окулярами, испускающими легкое свечение — это были очки ночного видения, созданные совсем недавно, в их изготовлении участвовали представители нескольких стран, поддерживавших инквизицию. Дойдя до конца коридора, он зазвенел ключами, отрывая решетку. В камере, избитый и потерявший волю к жизни, лежал заключенный в изорванном бушлате, измазанном не только кровью. На шее, под коркой грязи, был едва заметен символ Серого легиона.

— Прошу, не надо! Только не снова, прошу вас! — Умолял он, прикрыв разбитое лицо окровавленной рукой. При этом некоторые пальцы были неестественно согнуты и искривлены, а на месте вырванных ногтей виднелись гнойники.

— Я всего лишь выполняю свою работу. — Неправдоподобно оправдался мучитель, с голосом как у аристократа — надменным и высоким. Говоривший был шкуродером: они одевались так же, как и инквизиторы, но заключенные не могли знать об этом. Выказываемое отвращение к пыткам звучало, как насмешка. Увидев, что под жертвой растекается моча вперемешку с кровью, инквизитор улыбнулся. — Вернее, не совсем свою работу, ну ты должен понимать, что я служу короне, и это дельце вполне могли подкинуть кому-то другому. Молить о пощаде не стоит, в рабочее время я не человек. — Посчитав свою шутку смешной, он повторил ее еще раз, но никак не развеселил свою жертву. — Думаешь, маги не умоляли меня, перед тем как я казнил их? Да каждый второй. Мы здесь уже больше двух дней, ты еще жив, а я так и не услышал то, что могло бы меня заинтересовать. Я спрошу еще раз, где второй легионер?

— Просто убей меня...

— Ну и придумали же вы бежать в разные стороны. Пожалуй, я не стану этого делать, умрешь сам: истечешь кровью или тебя доконает жажда, я еще не решил. Есть слух, что искусный в пытках наемник, живущий в дальних землях, мучил свою жертву полтора месяца. У него было интересное имя: Износил, Изменил, Измаил, верно, кажется, Измаил. Хотел бы я с ним когда-нибудь встретиться, обменяться опытом. Это ведь почти мой кумир. Возможно даже, я побью его рекорд. Эх! Пойми же, мне нравится тебя пытать, жалкий трус. Я презираю дезертиров, и король со мной солидарен. В той битве вы предали корону, принца, да и самого правителя, будь он неладен. За каждый кусок кожи с символом Легиона я получаю почти сотню золотых и полторы сотни за живого, это вдобавок к удовольствию, которое испытываю за свежевание таких как ты. Знаешь, что с тобой сделают? Много плохих вещей, не только с волей, но и с телом. — Мучитель не умолкал, страдалец поднял взгляд и увидел свое несчастное изувеченное лицо в отражении красных очков. — Но у тебя есть выход, расскажи мне, куда направился твой товарищ, и я смогу получить сотню монет, а не полторы. Даю клятву, что убью тебя быстро и безболезненно. — Шкуродер встал на одно колено перед заключенным, не боясь измазать черные штаны в крови и моче, снял медный шлем с окулярами и взгляделся в его мокрые от слез глаза. Это был крепкий, бледный мужчина, с выбритой наголо головой. На мерзком лице играла улыбка, выражая неподдельное наслаждение, которое он не стыдился показывать.

— Деревня за болотом, на границе Темнолесья. Один день верхом, до рассвета будешь там, если выехать прямо сейчас. У нас там было что-то вроде лагеря, около пятнадцати человек. Однако, многие покинули стоянку, отправившись вглубь леса. Мы остались

вдвоем. — Простонал заключенный, после чего инквизитор достал из сапога изогнутое лезвие, невероятно острое.

— Я дал клятву человеку, не сдержавшему свой обет. Не жди, что я поступлю с тобой иначе. — Заключенный завопил, когда острое лезвие стало медленно срезать символ Легиона, все другие заключенные вздрогнули от ужаса, стараясь не издать и звука. — Или замолчи, или кричи громче! Тебя никто не услышит! Я получу намного больше монет, вернув и символ, и тебя.

— Прошу тебя! У меня дети! — Инквизитор остановился, но продолжал натянуто улыбаться, это больше было похоже на что-то нервное. — Просто знай, что ты сделаешь их сиротами. Инквизитор — просто меч в руках убийц и тиранов.

— Я бы с радостью убил и твоих детей, но за них я ничего не получу. — Резким движением, срезав кусок кожи с символикой, мучитель оскалился. От заключенного были слышны лишь всхлипы. — Вот и все, мой друг. Придет лекарь и сделает все возможное, чтобы ты не умер до рассвета. А завтра я загляну сюда еще раз, после чего тебя отправят в охотничье угодье короля, где ты будешь делать то, что умеешь лучше всего — бежать со всех ног, вспоминая имена всех богов...

Выход из темницы вел в обычный с виду подвал, с той лишь разницей, что находился он в замке. Доступ сюда имели лишь люди, верные инквизиции, их пленные и сам король, но только последний ни разу не спускался сюда. На выходе, сложив руки на груди, стоял инквизитор с длинными каштановыми волосами, собранными назад. Кожа этого человека была белоснежной, ведь он почти не бывал на солнце — откуда взяться загару? Толстая дубовая дверь распахнулась, из нее вышел бледный, словно поганка, шкуродер с нездоровой улыбкой, и измазанными в крови руками и коленями. Настоящий инквизитор окинул своего помощника спокойным взглядом.

— Дело сделано, отправляемся в топи. — Произнес бритоголовый наемник, едва не прыгая от счастья и раскручивая в руках медный шлем. — Там было что-то вроде лагеря, представь себе, более дюжины легионеров, я смогу построить дом из чистого золота!

— Я просил тебя быть гуманнее к заключенным. — Спокойно заметил длинноволосый. — В следующий раз делай так, как говорю, я все еще твой офицер. Но, ты простой мучитель, нанятый инквизицией — сам не знаю, чего от тебя жду. Мелкая вошь на моей ноге, которая копошится в редких волосках. А теперь расскажи, что ты узнал, тугодум?

— Топи, там должен быть еще один легионер.

— Как же мне не по себе от того, что мы убиваем людей без магического дара. — Спокойно произнес старший офицер, не спеша поправив волосы. — Не забывай, что наш враг — магия, но если король хочет кровавый ломоть мяса, он его получит. Поэтому не стоит еще и перчить его, такой энтузиазм неуместен. Они всего лишь люди, а ты получаешь удовольствие, пытая их. Будь ты на месте этих несчастных, я бы с радостью свеживал тебя от восхода до заката.

Спустя четверть часа, ровно в полночь, офицер, не слишком довольный своим новым напарником, был принят главой инквизиции. Он вошел в кабинет, находящийся здесь же, в подземелье, но полностью изолированный. Обстановка помещения поражала роскошью: всюду была дубовая мебель, на стенах — синие и фиолетовые шелка, тут и там стояло множество медных кувшинов. За массивным дубовым столом сидел старик в черном одеянии с бронзовыми заклепками. Он был слеп, белые зрачки смотрели в пустоту. Когда-то его лишил зрения один маг. Ходили слухи, что старец чувствует того, кто находится рядом с

ним, различает людей.

— ...но почему он? Пусть отныне мы убиваем простых людей, но ведь не на пару с головорезом. С жалким шкуродером! — Продолжал диалог офицер. — Думал, мы набирали их как информаторов и дешевую поддержку, а вы доверяете наши спины наемникам и сумасшедшим. Да, нас учили пытаться, заставлять страдать, но впервые вижу, чтобы кто-то из инквизиторов был этому так рад.

— Мы взяли его неспроста. — Пояснил старик. — Среди рядовых инквизиторов ходят слухи, что ты начал сомневаться в праведности дела. Стал более мягким, а про чрезмерную гуманность все только и галдят. Вот мы и решили поставить непредвзятого бойца в качестве наблюдателя за твоей персоной. Он жесток, что хорошо компенсирует твой изъян, который, замечу, был у тебя не всегда. Ибо тут в тебе все души не чают, считают героем инквизиции, а некоторые просто завидуют. — Зная, что куратор не может видеть его, приглашенный отвел глаза в сторону, и посмотрел на деревянный манекен, одетый в офицерскую форму. Это подтверждало, что когда-то, собеседник был такого же ранга, как и он. — Будь осторожен, высказываясь при своем помощнике, он будет докладывать все старшим офицерам и тем, кто метит на место любимчика. Я привел тебя сюда еще ребенком, и можешь не сомневаться в моей поддержке. Но если несколько офицеров проголосуют против тебя — жди казни. И я не смогу препятствовать этому.

— Мне это очень не нравится. — Вздохнул инквизитор.

— Мне тоже, но мы рождены для такой жизни. Не забывай, кем являешься. Видел ли ты мотыльков?

— Да.

— Когда-то, я тоже их замечал. Пока вообще, хоть что-то видел. Суть в том, что мотыльки всегда летят на огонь, нередко сгорая в нем. Им, как и нам, не дано другого выбора. Мы видим свет и летим на него, как чертovy насекомые.

— Это ваше очередное учение о предназначении?

— Да. — Улыбнулся старейшина. — У нас нет имен, у нас нет лиц, все узнают инквизиторов по этим шлемам. Наш облик вызывает опаску у простых людей и ужас у магов. Мы одни из немногих, кто обладает такими изобретениями и навыками, которые в чужих руках не были бы использованы во благо. Король, словно старый лис, исхитрился и отыскал лазейку в законе против магии, придумал нечто невероятное, заставив инквизицию потакать себе, охотиться на людей, до которых давно никому нет дела. Мол, руническая магия, все же давала что-то, им, бойцам Легиона. Хоть ранее сам же убеждал всех в ее безвредности, называя печати шалостью, оправданной намерениями его сына принести хоть какую-нибудь святость Легиону. Он стар и прощается с рассудком, и пока на троне сидит безумец, который скоро окажется на смертном одре, мы будем убивать и дальше.

— Пусть так, но знайте. Я не нахожу благого умысла в убийстве людей, которые не смогли принять смерть в бою и бежали, часть из них были простыми новобранцами и попросту хотели вернуться домой. К своим матерям, женам, детям. Не будь принц столь самоуверенным, ничего подобного не случилось бы. Черт! Они ведь уже отправлялись домой, война была окончена— легионеры имели право на жизнь.

— Возможно. — Согласился старик. — Но не вздумай сказать об этом на улицах города. Слухи расходятся быстро, и это касается всего. Не хватало инквизиторской головы на плахе. — Замолчав, старик нащупал на столе какой-то свиток. — Гонец принес мне весть, что на прошлой неделе в каком-то лесном городке орден наших не столь приветливых

соседей уничтожил почти все население. — Проведя пальцем по рельефному шрифту, куратор словно перечитывал его. — Что это, если не демонстрация силы? Поэтому будь осторожен, если рыцари все еще там, это может быть военная вылазка, и мы как солдаты короны тоже окажемся под огнем изменников. Враг не пощадил даже детей, городок словно вымер. Лесорубы, простые трудяги.

— Я слышал, что это сделал орден Пламени. Говорят, они любят и лелеют магию, хоть сами с ней не в ладах, верно? Не можем искоренить волшебство — защитим, пусть все думают, что так и надо.

— Вроде того.

— Это может быть мне на руку. — Задумался инквизитор. — Когда разойдутся вести о новом сезоне охоты на Легион, дезертиры, словно крысы ринутся к границам. Но из-за военного положения кордоны будут перекрыты. А значит, у них останется только два выхода: попытаться пересечь горный хребет за землями Темнолесья или уйти по воде. В порт никто не сунется, даже слабоумному ясно, что там будут расставлены посты инквизиции и королевской армии. Не говоря уже о кораблях, флот блокирует все судна, включая торговые. Столь агрессивное выступление против магов, мы сможем оправдать реакцией со стороны ордена, который в них души не чает.

— Ты всегда был самым прилежным и смышленным учеником. — Со всем радушием произнес старик. — Я отдал приказ некоторым инквизиторам отправляться в портовые города и думал, что ты займешься горами. Все равно ведь направляешься в ту сторону. Но не переживай, в горы идут еще отряды. Шесть десятков инквизиторов, из них три офицера, кроме тебя. Сколько шкуродеров — никто не считал, пропадет пару человек и дело с концом, используйте их как мясо.

— Мясо? — Натянуто улыбнулся он. — Как расходный материал? Да я с радостью, своего вообще в первую очередь брошу на амбразуру, даже рад, что об этом зашла речь. Может ли резня в городке лесорубов привести к войне?

— В политике, очевидно да, военного положения не избежать. А касательно магов: их и так не признают, а после такого, что сделали их защитники у нас в стране — значимость инквизиции возрастет, и она получит еще больше золота от короны. Ты как всегда прав, сынок.

— Никогда не был в Темнолесье.

— Темнолесье — это небезопасное место, но я уверен, что ты справишься. — Куратор замялся, судорожно комкая свиток с донесениями. — Я просто старик, который теряет хватку. Сегодня — мой финальный выход, словно у актера. Я мотылек, который почти долетел до костра. Скоро мне придется передавать свой кабинет и я хочу, чтобы ты отличился в этом походе, тогда никто не усомнится в моем решении.

— Вашем решении?

— Ты возглавишь инквизицию.

— Я? — Искренне удивился инквизитор. — Есть куда более интересные кандидаты, взять, к примеру, двенадцатого и двадцать четвертого офицера, почему именно я?

— Талант, все дело в твоём потенциале. Я боюсь, что стану последним куратором, следящим только за соблюдением традиций и подбором состава. Что, если следующий, кто поведет за собой инквизицию, будет пользоваться новыми знаниями и деньгами, чтобы покорять чужие земли. Создаст анклав, который станет навязывать свой режим простым людям.

— Это будет легкий старт военной компании. — Согласился он.

— Я желаю тебе удачной охоты. А теперь сходи в оружейный зал и взгляни, какими игрушками мы обзавелись не так давно. К такой операции нужна хорошая подготовка. Эта вылазка не на один месяц, и малыми жертвами тут не обойтись.

Светало, и демонстрация нового оборудования утомляла его все больше. Глаза офицера были полузакрыты, он часто посматривал на небольшую узкую выемку под трехметровым потолком, ожидая узреть, как из нее пробьются солнечные лучи восхода, багровые, нагнетающие уныние при мысли о том, что его ждет. Офицер инквизиции ненавидел это подземелье, он думал, что лучше бы их штаб находился в башне. Суставы ломило от вечной сырости и редкого отдыха. Вокруг стояло еще двадцать бойцов — это будет его подкрепление там, в горах за Темнолесьем. Было бы чудно, если хотя бы десяток из них дошел — подумал он.

Снимать шлем запрещалось, поэтому офицер-инквизитор не выделялся из толпы, он слишком долго шел к своему званию, а поэтому безоговорочно следовал уставу. Снятие шлема — невеликое нарушение, но все же... Просторное помещение, стены которого увешаны факелами и различным оружием: от мечей и топоров, до алебард и обычных арбалетов. В углу, у ящиков, стоял молодой парень, рыжий, полный, было не похоже, чтобы он мог убежать даже от стаи хромых собак — думал офицер, уже ненавидящий его за затянутую речь о том, что он якобы создал шедевр, который обещает показать уже через пару часов. А до наступления этого часа, видимо, собиравшийся кормить окружающих пустяками, вроде рассказов об улучшенной защелке на шлеме или новом покрытии на рукояти персональных серебряных мечей.

— Зачем мы носим медную броню? — Спросил с задором толстяк.

— Чтобы она пропускала через себя магическую энергию! — Выделился боец, а офицер закатил глаза.

— Верно! Выпущенную магом энергию. Но куда она уходит?

— По медным проводам к батарее!

— Да, а зачем? — Радовался инженер инквизиции, ведь он очень долго репетировал перед зеркалом эту сногшибательную, как ему казалось, речь. Это выводило офицера из себя, ведь инженеру не нужно было через пару часов отправляться в поход, который обещает стать самым опасным за последнее столетие.

— Чтобы зарядить перчатку, надетую на нас. — Вмешался офицер. — А затем пропустить такой же разряд, только в десять раз мощнее, способный сжечь или разорвать на куски сердце выродка. Неизвестно, что с ними происходит, но засранцам сразу приходит конец. Как правило, маг успевает обделаться. — В зале наступила гробовая тишина. — Ты столько времени распинаешься, толкая речь о своем недопонятом гении. А на рассвете я и другие бойцы выдвигаемся, чтобы устроить настоящий геноцид, не только магам, но и бывшим воинам. Это отчаянные рубаки, способные справиться с более серьезными противниками, чем ребята, стоящие сейчас за моей спиной. Им будут к хрену лысому все твои примочки! Поэтому ублажи мои потребности и наконец-то покажи, что именно мешает мне пойти вздремнуть часик до мобилизации! — Инженер, нахмутив густые брови, полез в ящик, сначала вытащил батарею, которую можно было носить на спине наподобие рюкзака, затем подсоединил идущие от нее провода к перчатке, которую спешно надел. Не проронив ни слова, дабы не злить нервного офицера, инженер обиженно достал из ящика, набитого сеном, некое подобие ружья. Это было почти метровое оружие, внешне схожее с

огнестрельным мушкетом из меди с деревянной рукоятью. Стержнем служила продолговатая стеклянная колба с тонкими металлическими проволоками, свернутыми в пружину.

— Это, уважаемый офицер, практически, как перчатка, с той лишь разницей, что подходить к магу не требуется. Чтобы, как вы выразились, разорвать сердце, достаточно метко выстрелить. Порох и свинец для этого не нужны, оружие заряжается от рюкзака.

— Впечатляет. — Цинично вздохнул офицер-инквизитор, нарушив молчание зала. — Но как это поможет нам против легионеров? Прикажешь таскать с собой пленного мага и периодически просить его подзарядить твое чудо-ружье? Что-то вроде такого, мол, дружище, трахни меня молнией — мне нечем стрелять? Или мне может носить с собой два ружья? На всякий случай.

— Ваша ирония тут неуместна, офицер. — Обиделся рыжеволосый инженер. — Мои коллеги создавали нечто подобное годами, чтобы обезопасить наших людей от воздействия магии. Знали бы вы, сколько времени ушло на то, чтобы сделать это оружие точным.

— Возможно, но сделали ли вы его безопасным?

— Оно безопасно в большинстве случаев.

— Оно безопасно в большинстве случаев? — Иронично и переспросил собеседник, забросив каштановую гриву назад. — Мало того, что наша одежда отлично поглощает энергию магов, но не способна защитить даже от ржавого кортика, так еще и ружье, которое в большинстве случаев поможет тебе, а не убьет. Отлично! Вдумайся только, как это звучит: вот вам палка, из нее можно стрелять, если повезет, а повезет почти наверняка.

— Мы проверяли на истощенных магах, заключенных в темницах. Это действительно смертоносное оружие, которое может покалечить не хуже обыкновенного огнестрельного ружья. Если силы заряда достаточно, урон от выстрела будет не меньше, чем от гаубицы.

— Неужели батарея не раскаляется от такого заряда? Она же оставит ожоги. — Не сдержав эмоций, инквизитор нахмурил брови. — Шедевр.

— Да, согласен. Было не совсем безопасно пользоваться нестабильным оборудованием на протяжении стольких лет, но все не так плохо. — Оправдывался он.

— На моих глазах, один новичок скончался, даже не поняв, что его убило. Он проглотил слишком много энергии. Так вышло, что на одном из первых боевых заданий, ему попалось сразу трое волшебников. Честно признаться, маги шторма больше всего перегревают батареи. И его снаряжение просто взорвалось. А ведь он радовался, смеялся, когда противники пытались убить его, инквизитору было все равно, но веселье длилось недолго. Мы так и не собрали его позвоночник. — Пояснил офицер, на что другие отреагировали синхронным монотонным перешептыванием. — Хлопок, звон в ушах, а потом пришлось с отвращением переступать куски его легких на лесной тропинке.

— Мы использовали более стабильные материалы для создания батареи. Такого более не должно повториться, скорее всего, разорвет энергетическое ружье. — Инженер бережно похлопал ладонью по своему творению, наблюдая, как на сонливом лице офицера расплылась улыбка.

— Лишиться рук вместо хребта. — Начал хлопать в ладоши офицер, качая головой и с улыбкой осматривая своих соратников. — Это действительно прогресс, друзья, поблагодарим наших инженеров, ведь теперь, мы будем с целой спиной, правда, почесать ее будет нечем. Но ведь это не страшно, да, друзья мои?

— Самое ужасное, что может случиться: от напряжения лопнет стекло цилиндра и заденет глаза. Вам, кажется, выдают медные шлемы для их защиты, а окуляры с линзой

помогут этого избежать, если пользоваться ими, конечно же. Кажется, мы и их делаем, точно, мы! Вы, нам, инженерам, должны, как купцы страже. Взять только ваши шлемы, которые боятся увидеть маги всей нашей проклятой страны. Тут вам и фильтры от ядовитых веществ, и линзы, незаменимые в ночных вылазках, а стиль исполнения какой! Я показал Вам оружие, которое явно опережает свое время, а вы кривите мины и воротите носы.

— Не хотел вас обидеть, но я слишком устал, чтобы по достоинству оценить изобретение. Я не боюсь будущего, просто мне не дают покоя мысли, сколько нас сложит головы в этом рейде, а сколько сгинет в Темнолесье? Простите, но меня трудно чем-либо порадовать, не сегодня уж точно. Сколько экземпляров ружья вы сделали?

— Энергетического ружья! — Поправил толстяк. — Не так много, как хотелось бы. Некоторые ресурсы очень редкие и открыты нашими рудокопами не так давно. Вот этот черный кусочек металла на конце, вместо ствола еще не имеет названия, но мы обнаружили, что он проводит через себя энергию лучше любых других веществ. Своеобразная линза, собирающая внутри энергетический луч, направляет его, куда нужно стрелку. Ружья будут выданы каждому десятому инквизитору.

— Энергетические ружья! — С улыбкой поправил офицер, воодушевив толпу.

Темнолесье — Самый большой лес Нортленда, известный своими необычайно высокими деревьями. Со всех сторон он окружен труднопроходимыми горами и болотами. Населяющие его преступники и головорезы стали главной причиной, по которой об этих местах слагают легенды, часто противоречащие друг другу. Еще одной особенной чертой Темнолесья можно считать тянущиеся вдоль него горы, которые являются своеобразной границей между двумя враждующими странами, и этот рубеж не нуждается в обороне — обитатели леса сама по себе защита, работающая в обе стороны. Офицер инквизиции не мог сомкнуть глаз, зная, что утро наступит через час, через два будет пора собираться, а через три он уже окажется на пути к топям, а затем и Темнолесью.

Следовательно, не будет возможности поесть перед мобилизацией, что лишь увеличит степень его усталости. Встав с кровати в своей подземной спальне, он босиком прошел к письменному столу, ступнями ощущая холод камня. Тусклый свет наступающего утра проходил сквозь щель под низким потолком. В такой комнате жил каждый офицер, а солдат селили этажом ниже, в общем помещении, куда не проникал солнечный свет. Он обитал там давно почти десять лет назад, но и сейчас не может забыть мерзкий запах пота, стоявший в казарме. Худощавое лицо, обрамленное каштановыми волосами, отразилось в зеркале. По всему телу — старые точечные синяки, симметрично размещенные на плечах, ребрах и груди.

— Как меня зовут? — Полушепотом привычно спросил офицер. Он не помнил своего детства, лишь тренировки, тренировки, тренировки. Но был момент, который не выходил у него из головы день изо дня. Он закрыл глаза, пропуская его через свою память, снова и снова. Ему было шестнадцать лет. Он молод, инквизиторы запускают его с серебряным мечом в камеру для узников, где находились два мага, старые женщина и мужчина. Несмотря на то, что они знали: он пришел, чтобы их убить и пройти свой экзамен, отчего-то радовались.

— Мы любим тебя. — Твердили они в унисон, понимая, что собственный сын сейчас убьет их. Инквизитор винил себя, винил их, но не мог обвинить инквизицию. Сомнения в своем ордене и начались после того, как он понял, кем были те люди. Почему я не осознал всего это раньше, еще тогда? — Мучил он себя. Что я наделал? Внутренние противоречия

душили его каждую ночь, но стоило ему выйтить другим инквизиторам, и он превращался в человека, преданного своему делу. Раздался стук, офицер смахнул скую слезу и повернулся к двери.

— Эй! Зануда, ты спишь? — Послышался голос. Слова принадлежали шкуродеру, его напарнику, отчего страдание на лице инквизитора вмиг сменилось гневом. Больше чем этого изверга он ненавидел лишь себя.

— Убирайся! Мать твою! Живо! — Выругавшись что-то про себя, офицер схватил свой меч и швырнул в дверь, но он наполовину встрял в древесину.

— Черт, ладно! — Крикнул удаляющийся по коридору голос, в котором была нотка удовольствия. Наемнику нравилось выводить из себя своего напарника, и он это понимал.

Молча подойдя к двери, выдернув меч и отбросив его к постели, офицер сполз спиной вниз по стене, оказавшись на темном полу. Так он просидел довольно долго. Иногда проходящие по коридору стражи с факелами что-то насвистывали. А щель от меча, появившаяся в двери, пропускала лучи света. Пальцами офицер проверял болезненность мелких синяков, которые оставляли доспехи инквизиции, но почему-то от этого страдал только он. В чем же дело? — серебро. Оно не только растворяет магию в воздухе, но и способно притягиваться к источнику энергии. Металл вытягивает силу из магов, так обстоит дело и с ним. Экзамен инквизиции заставил убить родителей — волшебников, от них он унаследовал свои способности, не может быть, чтобы главы ордена не знали об этом — так к чему такой эксперимент? Очнувшись от своих мыслей, офицер понял, что давно не моргал. Сжав глаза двумя пальцами, чтобы уменьшить жжение, он, зашевелил губами.

— Кристофер. — Шепнул он, вот какое имя было под запретом с самого детства, с восьми лет. Услышав шаги, он вскочил на ноги и открыл двери, к которым сразу подошло двое инквизиторов. — Пора в путь ребята? — Радостно встретил их офицер, тем самым насторожив пришедших. Дверь была приоткрыта ровно настолько, чтобы собеседники не могли его как следует разглядеть.

— Полная мобилизация, мой офицер. У Вас все в порядке?

— Пожалуй, да. Как никогда раньше. — Инквизиторы откланялись и пошли дальше. После того, как они исчезли из виду, в конце коридора офицер увидел выглядывающего шкуродера, с улыбкой смотревшего на него. Подумать только, какое неуважительное отношение с его стороны. Захлопнув дверь, инквизитор потратил всего сорок пять секунд на то, чтобы одеться, обуться, схватить оружие, включая новое ружье, надеть шлем и предстать в коридоре перед шкуродером, который уже ожидал его в полной боеготовности. Пара секунд — так мало, но ровно столько они смотрели друг на друга, устроив настоящую перепалку взглядами, противнику это занятие показалось слишком затянувшимся. Взгляд офицера был не такой как раньше, в нем читалось не презрение, а нечто другое.

— Хорошее настроение? Твое девичье лоно перестало кровоточить? — Промолвил шкуродер, ожидая, что другие инквизиторы, стоящие позади, поддержат его и тоже подшутят над офицером. Ведь когда он говорил с ними пару минут назад, они яро поддерживали его в том, что инквизитор стал мягкотелым, вовсе не таким, как раньше.

— У тебя гнилое утро. — Процедил инквизитор сквозь зубы, после чего вмиг оказался перед наглецом. Схватив шкуродера за воротник, вспомнивший свое имя Кристофер, прижал наемника к стене коридора, тем самым напугав пару его сторонников. — Знай свое место, выродок. Что же тебя так изменило, превратило в настоящую мразь? Блуд твоей матери или запойное пьянство отца? Не смей говорить со старшим по рангу в таком тоне! Что пережало

тебе мозги? Дай мне еще хоть один повод, хоть малейшую причину усомниться в твоей лояльности к своему офицеру, а именно ко мне, и я побью рекорд того, о ком ты так часто вспоминаешь.

— Измаил? — Неуверенно спросил шкуродер, все ожидая, что за него кто-то вступится.

— Именно он, великий мастер пыток. Ты сомневаешься во мне, а вот я в своих навыках — нет.

— Нет, я просто...

— Молчи, мразь! — Перебил офицер, сжав его воротник так, что шкуродер больше не мог дышать. — Еще хоть раз сделай то, что я тебе не приказывал, и ты узришь настоящий гнев пса инквизиции. Так вы меня называете за спиной? Очень тебя прошу, дай повод: хоть что-то, что позволит мне сделать с тобой абсолютно негуманную вещь. — Другие инквизиторы сделали пару шагов назад, а офицер бросил шкуродера на пол и ударил его коленом в бровь, послышался хруст, на скулу хлынула кровь, попутно заливая левый глаз.

— Черт! — Простонал шкуродер, сползающий по стене и придерживающий бровь.

— А вы двое... — Обратился он стоящим позади инквизиторам. — Вы видели? Видели как он врезался в стену, засмотрелся куда-то. У него просто ужасная координация, как только его взяли в инквизицию.

— Разумеется, все было так, как вы сказали. — Согласился один из них.

— Нужно аккуратнее ходить. — Добавил второй, сглатывая слюну.

— Да. — Весело процедил Кристоф. — А теперь оттащите эту соплю к лекарю, пусть зашьют бровь, а если хватит ниток, то и рот тоже. Нам скоро выступать, а он тут разлегся, как под трактиром.

Рассвет только наступал. Зевак во внутреннем дворе не было, только инквизиторы — совсем не так, когда на охоту или войну выдвигалась королевская гвардия, тогда многие пришли бы, чтобы провести героев в бой — сейчас все обстояло иначе. Инквизицию в народе не любили. Около сотни воинов верхом на черных скакунах ждали приказа, построившись в боевом порядке. На деревянный помост вышел лидер инквизиции, тот самый слепец. Он не мог ничего видеть, но знал, что король смотрит с балкона своей спальни на то, как срабатывает его хитрый механизм. Ему не очень нравилось то, что сейчас придется сказать, но корона, как всегда, знала, на что надавить.

— Инквизиция! — Воскликнул старик, возводя руки к небу. — Сегодня мы идем на охоту не только на зверя в сердцах одержимых людей... — Он неслучайно отозвался о магах именно так, все узнали эту строку из Писания, именуемого догматом инквизиции. — ...но и на людей, предавших корону. Как сказал правитель, именно магическая печать побудила их к бегству и предательству! Назначенные заранее группы пойдут в двух направлениях. Полсотни отправятся для удержания портов и курирования городской стражи, проверки блокад, а другая половина устроит засаду в Темнолесье, на горном перевале. Отправляйтесь в путь и возвращайтесь безымянными героями.

Колонна инквизиции сорвалась с места, воинам не нужны были никакие почести, например: медленно проехать через столицу, чтобы все успели с ними попрощаться и забросать цветами, выкрикнув несколько раз какую-то нелепую фразу. Они галопом пронеслись по улицам и выехали в заранее открытые ворота. Никто не задерживал на инквизиторах взгляд, никто не махнул платком: их просто проигнорировали. Развилка перед столицей заполнилась всадниками, которые разделились на группы, после чего каждый поехал своей дорогой. Все знали — куда, все знали — зачем.

Глава 2. Дороги Темнолесья

Осень 1670 года, окраина Темнолесья

"Глупцы становятся на тропу войны под знамена любого цвета, руководствуясь словом лжеца и лицемера, который готов платить. Но стоит лишь обрести рассудок и самому выбрать сторону — ты сразу станешь предателем, ведь сражаешься не за ту страну, в которой рожден." — Последние слова Леонарда Железнобокого, казненного за измену родине.

Алистер поглядывал на двух своих компаньонов: Роланда, которого знал с самого раннего детства и Титуса, вовсе не внушавшего доверия. Многообещающая сделка с седоволосым рыцарем была сомнительна: никаких гарантий, а значит — оставалось слепо следовать к границам, с надеждой, что хоть что-то из обещанного он все же выполнит. Титус изрядно надоел разведчику своими вопросами, рассуждениями о морали, которую Алистер в гробу видал, и повествованиями о принципах, не прошедших проверку временем.

Они уже успели дойти до Темнолесья, найти ночлег в небольшой пещере и поужинать пойманной лисой. Бесспорно, такое мясо на любителя: путники не расценивали его как деликатес, но голод способен сделать каждого человека неприхотливым в еде. Так как из провианта оставались лишь перец и вода, выходом из неприятной ситуации стали остановки у кустов с ягодами. Чтобы скрасить время в пути мужчины обсуждали разные темы: от политических взглядов до предпочтений в женщинах. Отдельно для себя, Роланд подчеркнул тот факт, что Титус никогда не был с девушкой, так как слишком неловко общался на эту тему и все время пытался перевести разговор в другое русло, никак не поддерживая рассуждения своих товарищей.

Из пещеры, в которой они в очередной раз остановились на ночлег, были заметны высокие необъятные стволы деревьев темного леса. Из-за густого тумана почти ничего не было видно. Вечерние туманы в Темнолесье были не редкостью, но каждый раз завораживали своей красотой и таинственностью. В том, что это был именно вечерний туман, рыцарь уверял себя сугубо интуитивно. Отвлекаясь от своих мечтаний, Титус вернулся к очередному разговору:

— Алистер, разве может женщина быть такой, как ты описал? — Рыцарь держал руки над костром, а сам сидел на своих бронзовых доспехах, сложенных в кучу. Было довольно прохладно, огонь не сильно согревал Титуса, а сырость время от времени заставляла его кашлять. — Ты, как мне кажется, описываешь тролля, а не женщину.

— Скорее, лысого медведя. — Заметил Алистер. — Нет, я сам не верил, пока не увидел «Это» своими глазами. Действительно! Она похожа на лысого медведя, только с грудью, а запах изо рта еще хуже, чем у зверя. Такая женщина в постели и бедра тебе сломает, зуб даю. Не то, что психику. Может, она ведьма? А как еще объяснить то, что здоровый умом человек, еще и зрячий, женился на ней. — Разведчик пожал плечами, подчеркнув свое непонимание, скулы зашевелились, словно он пережевывал сказанное и хотел поскорее сплюнуть. — Брак мужчины с женщиной невозможен, а мужчины с не пойми чем, как оказалось, приветствуется.

— Уж больно ты расстроен. Может, хватит уже о жене трактирщика? — Вмешался Роланд. — Видал чудищ и пострашнее. Так что это уже не смешно!

— Вот как раз трактирщику и не смешно. — Заметил Титус, после чего всех сразил

смех, якобы от его остроты. Алистер засмеялся неискренне, лицемерие уже стало для него привычкой, да и раскрывать свою истинную натуру не было смысла. Немного отдышавшись от хохота, рыцарь всмотрелся вглубь пещеры, игнорируя презрительный взгляд разведчика, который он попросту не хотел замечать. Ранее Титус не видел подобного, ведь пещеры в горе — норма, а вот в холме, как эта, небывалая странность.

— Что-то увидел?

— Алистер, что это за пещера?

— Почему спрашиваешь не меня? — Поинтересовался Роланд. — Я ведь тоже здешний.

— Всю дорогу нас вел он, рассказывая, что за растения вокруг, и где какой зверь оставил следы. Раз Алистер так хорошо ориентируется в лесу, то есть шансы, что и о происхождении места нашего ночлега знает больше тебя, только без обид. Это поверхностные суждения.

— Согласен. — Подтвердил разведчик. — Не обижайся, Роланд, но ты больше мастер по выпусканию кишок, и если нашему рыцарю захочется украсить свой двор кровью, внутренностями и костями, он непременно позовет тебя на помощь. Титус, это не пещера, а нора. — С гордостью пояснил высокомерный разведчик. — В скалах пещерами называют расколы, созданные природой. В земле такое случается редко, исходя из этого, большинство длинных проемов в земле — норы. Здесь жил медведь, а благодаря корням, убежище до сих пор можно считать надежным.

— И ты посчитал это место хорошим ночлегом?

— Верно, ведь зверя тут больше нет. Остался лишь его запах, мы не сможем учуять его, а вот более мелкие твари способны на это, а значит — даже не сунутся сюда. В норе безопасно настолько, насколько позволяет само Темнолесье, которое может быть смертоносным, но для некоторых — это самое спокойное место на земле. Свежих следов нет, не исключено, что медведя сразил более крупный зверь, или охотник. Медведь в Темнолесье, практически безвреден, по сравнению с другими тварями. Мелкие обитатели этого леса порой куда опаснее, некоторые ядовиты и изворотливы, другие берут количеством, но во всех случаях, человек здесь — самое безобидное создание. В любом другом месте, в любой стране или королевстве, он — высшее звено пищевой цепи, но тут, зачастую — ее основание. Как тебе вообще эти места, не пугают?

— Ни капли, давно я не видел такой потрясающей красоты. — Вздохнул рыцарь. — Когда вчера на рассвете мы зашли в лес, удивляющий высотой своих деревьев, видимых за многие версты — я ощутил себя, словно во сне. Темная громада возвышалась из-за горизонта и с каждым пройденным метром вырастала еще больше, все сильнее поражая ум. Мы зашли в чащу, когда было светло, но чем дальше углублялись в нее, тем темнее становилось. Таким образом, день сменился ночью буквально за считанные минуты. В голове не укладывается то, что говорят об этих местах. Здешним землям приписывают статус наземного ада, падших небес, пустыни вечной ночи, но я бы назвал их одним из чудес, созданных природой. Раньше вы жили здесь, выходит, неподалеку есть селения?

— Если так рассуждать, о Темнолесье говорят лучше, чем там есть на самом деле. — Вмешался Роланд, невольно начав жестикулировать, рассказывая о родине. — Здесь всего три города, небольших, но довольно старых, со своими законами. Какое-то время мы жили в поселении Драканий клык, в самом сердце леса.

— Странное название.

— Однако, его можно считать вполне подходящим, учитывая главную

достопримечательность городка. — Радостно ответил воин, почесав грубую щетину. — Ты, наверное, сейчас скажешь, что драконов не существует. Будет разумно так думать, но ты возьмешь свои слова назад сразу же, как увидишь центр города. Из земли, метра на четыре, торчит клык, по преданиям — принадлежавший дракону, которого убил сам Скиталец.

— Скиталец значит, в нашу первую встречу Алистер упомянул о нем.

— Воин, убивший чудовище. В этой битве он и приобрел бессмертие. По легендам, человек, сразивший дракона, никогда не получит того, чего желает больше всего. А скиталец пошел на войну за древних королей, желая погибнуть.

— Имя у него есть?

— Если верить легендам, есть. Но он настолько давно блуждает по миру, что забыл его.

— Бред. — Возмутился Титус, хотя дело его жизни, связанное с артефактами, лишний раз подтверждало некоторые легенды. — Человек, обретший бессмертие, будет стремиться к власти в любом месте, в любое время — это удел людей. Если он обладает такой силой, маловероятно, что о нем никто не знает, поэтому рассказанная история — простой миф, цель которого — привлечь внимание путешественников.

— Да никто и не говорит что это реальность, но самые старшие в жители города по сей день считают легенду правдивой. Если вспомнить историю нашего поселения, то именно Скиталец основал его, на том самом месте, где убил дракона. Якобы раньше это была равнина, простые зеленые поля, но, когда дракон рухнул с небес и издал свой последний визг, из земли стали пробиваться сосны, которые не прекращали расти, пока глаза чудовища не остекленели.

— Легенды — вещь занятная, но что касательно других городов?

— Еще есть безымянный город в горах, через него нам предстоит пройти, чтобы пересечь границу. Кто там только не живет, но разбойников нет. Хотя наше поселение было рядом с ним и кишело головорезами, они туда не совались. — Пояснил воин. — Ничего необычного, кроме людей всяких национальностей. Постоянных жителей там почти не бывает, нередко путники остаются только на зиму, чтобы по весне продолжить путь.

— Что-то вроде аванпоста?

— Пожалуй, сравнение уместно. — Пожал плечами воин. — Последний в списке — город под скалой. Угадай его название, подскажу, это что-то из ряда вон выходящее.

— Город-под-скалой?

— Именно. — Кивнул и улыбнулся Роланд, подняв вверх массивный подбородок. — Под скалой, окружающей половину Темнолесья, есть подземные воды, которые вымыли камень, образовав арку, превратившуюся в настоящие городские ворота. Туда можно попасть, лишь переплыв реку на лодке, но нам так и не пришлось побывать в Городе-под-скалой, откуда, если верить слухам, по сети каналов можно попасть в любую точку Темнолесья. Правда или миф — не знаю, но звучит интересно.

— В Темнолесье все названия незатейливые и очевидные, и как я посмотрю, риск умереть в любой момент слишком преувеличен. Просто независимые земли необычайной красоты со своей захватывающей культурой, недаром о них сложено столько легенд. Все это просто говорит: «Не суйся сюда», поэтому никто не приходит: и население довольно, и политикой никто не травится.

— Первое впечатление. — Пояснил Алистер, а его товарищ утвердительно кивнул, словно это должно было сказать рыцарю что-то больше или подтвердить очевидное. — Это все только первое впечатление.

— Почему ты так считаешь?

— Да, потому что я прав. Первое впечатление всегда неполное или неправильное, ему нельзя верить, но часто оно показывает, что будет дальше. Вот, например, с чем у тебя ассоциируется тишина?

— Со спокойствием. — Признался рыцарь.

— Не совсем, приятель. — Подсел ближе Алистер, он уже не ощущал такую неприязнь к рыцарю, попросту временно забыв о ней, чтоб прояснить некоторые моменты. — Мир, в котором мы живем, преподносит тишину как предупреждение к шуму. Ты идешь по лесу, слышишь животных, но редко обращаешь внимание на то, как они затихают. И продолжаешь чувствовать себя спокойно, безопасно, просто идешь дальше.

— Это и есть первое впечатление, ты про это?

— Да. Тишина, иллюзия спокойствия, на самом деле, в ней нужно распознать подвох, куда больший, чем в шумной подворотне столицы. Животные не издают звуков, только если угроза по-настоящему близка. Ты видел хоть одного зверя, который при виде хищника не затихает? Тишина в лесу — это признак опасности, но и другие места — не исключение. Если море стало слишком спокойным, команда на судне начинает готовиться к шторму. Вот, допустим, я с радостью убил бы тебя в нашу первую встречу. Не только из-за того, что присмотрел что-то ценное в твоём облачении, а просто потому, что не люблю рыцарей.

— А сейчас нет? — Улыбнулся Титус, восприняв сказанное как предисловие к комплименту.

— Убил бы, но с сомнениями. Ну, знаешь, если бы ты начал размахивать мечом перед моим носом, хоть парень ты и неплохой. — Отвлёкшись от беседы, Алистер начал копошиться в сумке, так и не закончив говорить. Спустя минуту молчания разведчик извлек горсть ягод. — Держи, съешь пару.

— Они уже подсохли.

— Не волнуйся, так их и едят. — Просьба не волноваться заставила Титуса задуматься еще больше. — Эй, если хочешь убить кого-то, травить его ягодами — не лучшее решение. Да и яд у меня в другом кармане, держу подальше от съестного. Эти ягоды помогут слегка расслабиться и успокоить твой озноб.

— Алистер, ты говорил, что они закончились. — Возмутился Роланд, сунув руку в сумку, схватил горсть и закинул в рот, начав тщательно пережевывать, поглядывая то на рыцаря, то на напарника.

— Чтобы спасти их от твоего бездонного желудка. — Проследив, чтоб любитель бронзы проглотил ягоды, разведчик продолжил. — Понимаешь, Титус, первое впечатление о Темнолесье зачастую оказывается последним... Ради своей же безопасности, если хочешь дойти хотя бы до горного хребта, следуй простым правилам выживания. Во-первых, пей только ту воду, которую пьем мы. Во-вторых, ешь только те ягоды, которые едим мы. И еще — старайся избегать даже мелких царапин.

— Вода, что с ней не так в этих землях?

— Пауки. — Заявил Роланд, на что Алистера передернуло. — Ты ведь про них говоришь?

— Пауки, как же я их ненавижу. — Согласился рассказчик. — Видишь ли, эти маленькие твари, от природы обделены умением плести обычную паутину. Она у них слишком жидкая, но ядовитая. Под Темнолесьем несколько сетей подземных вод, питающих многочисленные источники. Недостаток, превращенный пауками в огромное преимущество,

позволил им жить в норах под землей, вблизи чистых родников.

— Они травят воду?

— Титус, ты схватываешь все на лету. Это странно для рыцаря. Именно, травят воду, а их яд парализует животных, которые приходят на водопой. Сами пауки, размером с кошку, кстати говоря, вылезают после полуночи и пожирают плоды своего труда. Терзают парализованных, еще живых животных, которые почему-то не чуют яда.

— Что-то вообще пить расхотелось.

— А это, возможно, от ягод. Они заставят тебя пропотеть, их для этого и едят. Они содержат малую дозу яда, так что, фактически, мы теперь отравлены. Я подсушил их, чтобы смертельное вещество потеряло свою концентрацию и было не опасно.

— Какого черта? — Возмутился Титус, в иной ситуации он выхватил бы меч, чтобы всех покромсать, но ведь они тоже ели ягоды, значит, знали, что делают. Светлые глаза, слегка притупленные легкой тревогой, смотрели на собеседников.

— Ягоды разогревают твоё тело, это хорошо помогает холодными ночами. Взгляни на себя, у тебя скоро слизь носом пойдет. Будет обидно, если непобедимого рыцаря убьет не лес, а обычная простуда. Ведьмовские ягоды расслабляют мышцы и вырабатывают иммунитет к яду, знаешь, как это происходит? Малые дозы яда заставляют тело привыкнуть к нему, приучают бороться. Это рассказал нам один вор из нашего города, он даже еду приправлял этой отравой. Понемногу, разумеется. — Алистер говорил с рыцарем без раздражения в голосе, не так, как обычно отвечал Роланду — все потому, что Титус в отличие от друга, не переспрашивал по несколько раз. — В общем, добрый мужик был.

— Глупец, я бы выразился именно так.

— Не сказал бы. — Заметил Роланд. — В итоге, когда в него выстрелили отравленной стрелой, которая за несколько часов отравила бы на тот свет даже медведя, наш герой всего лишь слегка замарал штаны, ну подумаешь, неделю ходил под себя жидким и теплым, но зато — выжил.

— У вас в городке, наверное, были прекрасные соседи.

— Были у Роланда, а я переселился туда намного позже. Дракониий клык, сам по себе, населяли семьи охотников, наемников, алхимиков — поэтому у нас с ним довольно широкий запас знаний. — Алистер вскочил на ноги и стал надевать куртку на голое тело, справившись с этим, он взял колчан и лук, лежавшие костра. — Нужно добыть еду.

— Мы же уже ели.

— Ягоды непростые, поверь, скоро ты сам начнешь думать о пище. Кровь в твоём теле течет сейчас быстрее обычного, согревает, а это отнимает много сил. — Рыцарь и воин провели добытчика взглядом, пока он постепенно скрывался в тумане, набирая скорость и перескакивая через корни.

Где-то в глубине Темнолесья стояла часовня. Она единственная в этих землях была символом богов света, пока пять лет назад все их служители не были жестоко убиты. Заброшенное строение скрывалось в самом сердце леса, увы, теперешние прихожане утратили веру, даже если когда-то и поклонялись богам. Она служила кое-чему другому, вполне земному и настоящему. Единственный просвет в кронах освещал крышу храма, дивное зрелище — некая пыльца спускалась через этот луч, что напоминало легкий снегопад. Тропа к храму давно заросла, падавший на нее свет делал видимыми кусты,

миновав которые, можно было добраться до постройки с башней и колоколами. Часовня еще не утратила свой величественный облик, наверное, многие художники захотели бы прийти на это место, только лишь для того, чтобы перенести красоту здания на холст.

Прихожанин храма, некий Бернард Борн, спешно зашел в часовню, не обращая внимания, что втаптывает в грязь белые цветы. Бернард был одет в тяжелые латы из черной стали — довольно редкого металла, месторождения которого располагались только в этих краях. У него были каштановые волосы, а глаза имели необычный цвет: один из них был синий, другой — светло-коричневый, почти медовый. Стоило одетому в черное воину переступить порог и отворить массивную дубовую дверь, перед ним предстал человек, похожий на священника, могло показаться, что он давно ожидал гостя. Служитель храма был слегка потрепан: от вина на рясе остались красные пятна, коричневые же напоминали свежую кровь. Мужчина был рыжеволосый, коренастый. Его коротко стриженные волосы не скрывали небольших шрамов на лице и шее. Монах повернулся лицом к посетителю, а его черные глаза, казалось, были способны прожечь собеседника насквозь.

— Измаил?

— Ожидал увидеть в моем доме кого-то другого? — Насмешливо спросил названный Измаилом, подойдя к гостю вплотную. — Разве ты удивлен, Бернард?

— Не могу привыкнуть к твоему новому образу, вот и все. Наемный убийца маскируется под святошу из храма света, кому скажи, воспримут как шутку. Дикость. Ты меня знаешь, я не поболтать заскочил, у меня есть для тебя работа, заказ одного из моих знакомых.

— Видал я твоих знакомых в глубокой могиле, которую лично бы вырыл.

— Из-за твоего «плохого опыта», ты не обращаешь внимания на детали. Не вижу прежнего задорного подхода, ради которого я и обращаюсь за твоими услугами. Я считаю тебя деловым человеком, не пытайся разубедить меня в этом, а лучше выслушай.

— Последний раз, когда я работал на твоего друга, треклятого принца, я убил своего родного брата, всадил два арбалетных болта ему в самое сердце. Так что я не особо горю желанием продолжать сотрудничество, обещаю хоть золотые горы. И советую тебе убраться подальше, пока есть на чем сапоги носить.

— Кто мог знать, что твой брат сунется в Легион? Он же простой вор, а его смерть — лишь совпадение. Никто ведь не знает о контракте? Помни, заказчик заплатил достаточно, чтобы ты молчал. Хотя представляю, как хочется похвастаться своим участием в засаде на Легион.

— Бернард, друг мой. — Вздохнул Измаил, отойдя и присев на деревянную скамью. За ним последовал и гость, уставившись на разрисованные красками стены: рисунки изображали всех известных богов, но были выполнены в непривычном стиле, в некоторых местах, на штукатурке, виднелись засохшие пятна крови. Внутри храма было темно, редкие лучи света доходили до поросшего травой пола, они пробивались через мелкие трещины в черепице. Зал был заставлен деревянными скамейками, часть была перевернута, часть разбита, а некоторые вовсе поросли лианами. — Тот контракт был воистину грандиозен, готов признать это. Продуманный план с неизвестным мотивом, однако, я не горжусь участием в нем. Я убил принца, зарезал многих серых легионеров, которые, прошу заметить, были великими воинами. Но никто не сможет вернуть мне брата.

— Я знаю, что способно облегчить боль потери. — Заметил Бернард, невзначай положив между собой и наемником кожаный кошель, полный монет. — Разве родня не продается? Тем вечером, ты не только потерял брата, которого, насколько мне известно,

бросил еще в детстве, как и его отец. Тогда некий Измаил обогатился на несколько лет вперед. Не каждому выпадает шанс так заработать. Да и вообще, если хочешь изображать страдальца и не заключать контракт, не ищи для этого повод.

— Кто наша жертва?

— Рыцарь.

— Черт, зачем столько информации!

— Сарказм?

— Нет, что ты. — Возмутился Измаил. — Конечно это сарказм, продажная ты скотина.

Говори, кого нужно убить и как, потом назови, за сколько и где. Я тебе не сказочная фея, мне нужна точная информация, если ты хочешь заказать человека, понимаешь? Не думай, что я способен читать мысли, выродок ты эдакий! — Сплюнул Измаил, чуть не попав Бернарду на сапог.

— Рыцарь Ордена Пламенного сердца, некий сэра Титус, седой и безукоризненно правильный. Настолько, что мне тошно становится, когда слышу о нем. В общем, этот образец чести должен умереть, и я, считай, заказал ему надгробие, поэтому не оплошай.

— Ясно, нужно убить старика-рыцаря. Кому-то тростью пригрозил?

— Он молод, предан идеалам ордена. Седина не от долгих лет, тебе стоит ожидать серьезного отпора с его стороны. Заказчик — мой старший брат Кроули, ты наверняка слышал о нем, недавно он зашел ко мне с просьбой прикрыть его отход через границу. Даже подумать не мог, что нелегкая приведет предателя в Темнолесье. Я дал ему своих людей, знающих безопасный переход через границу, но твоя цель, как думает Кроули, тоже пойдет через эти гиблые места, в надежде поймать своего врага. Вот такая вот Титус заноза в заду.

— Кроули Борн, он же тоже рыцарь ордена Пламенного Сердца? Недолюбиваю этих рубак, они, сволочи, убили нашу с братом мать, оставив только отца, который тоже исчез спустя пару лет. Все печально, у меня такая история — впору с девушками знакомиться, на жалость буду давить. Хотя знаешь, не волнуйся, его, скорее всего, убьет лес, так как сам он не дойдет даже до его середины, тамошние животные любят путешественников.

— Как и разбойники. Возможно, ты прав, но не расслабляйся. И, кстати, не все рыцари так плохи, странно слышать подобные высказывания от братоубийцы. Рыцари, зачастую, доблестные люди, преданные идеалам.

— Особенно ты, как же. Или твой брат, просто мессия. Ну, вот сам посуди, есть исключения? Пожалуй ты прав, есть. Вот! Например, одного хорошего рыцаря мне только что заказали. Просто такими быть не выгодно, героям везет только в легендах. — Оскалился наемник. — У него есть соратники? Какая-то подмога, может телохранители?

— Откуда? — Засмеялся Бернард — Люди брата всех вырезали, затем устроили засаду в городке, где обитал Титус. Так что, если он отправился через границу, проблемы с законом гарантированы. Но воин почему-то не рассчитывает на успех своих подданных. Титус хорошо владеет мечом, но по его словам, часто справляется и без оружия.

— Посмотрим, способен ли этот хвостун справиться со мной, как он должен умереть?

— Как угодно.

— Скучный подход к делу, мог бы попросить о длительной пытке, смерти от переедания, например.

— Что, прости?

— Не важно, вспомнил кое-что, веселый контракт был.

— Ты сумасшедший. — Заверил Бернард.

— Так же намного романтичнее. Вот, например, пять лет назад, мне попался один святоша, нужно было прийти в храм, дожидаться пока все послушники разойдутся по своим селениям, после чего убить его, но не просто так. Разумеется — не сразу, попросили попытаться, чем дольше, тем больше мне заплатят. По расценкам заказчика, я получаю пять монет за день страданий жертвы.

— И насколько ты оказался жаден к золоту?

— Достаточно. — Улыбнулся Измаил, его нездоровый оскал вызывал чувство опасения у Бернарда. — Тот скончался, только это заняло целых два месяца. Заказчик не стал платить больше, чем за неделю мучений жертвы, пришлось пытать и его. Глупец недооценил меня, и они оба зарыты под этим храмом, ведь при жизни были братьями.

— Брат заказал своего брата, притом священника. Зачем ему это понадобилось?

— Хотел забрать себе храм, в итоге получил, но уже в качестве собственного склепа. Ох, уж эти верующие, говорят о чистоте души, а сами марают ее грехами. Собственно, что насчет оплаты? — Поинтересовался наемник, обняв нанимателя, словно свою возлюбленную, отчего заставил его попятиться назад.

— Пять сотен, сможешь заказать себе золотую броню.

— Будем считать, что ты предложил на пару сотен больше. Как я получу деньги?

— Немного же тебе нужно для счастья. Знаешь город Драконий клык?

— Я там рос, пока присматривал за братом. Конечно, знаю, да и вообще, все равно нашел бы, город — не иголка в стоге сена, даже если ты не слышал о нем раньше. Да что там иголку, я бы отыскал и проблеск света в твоей темной натуре.

— Измаил, что не так с моей натурой?

— Ты главнокомандующий форта Черный пик, северянин, рыцарь. Помогаете преступнику бежать через границу. При этом занимаешь должность главы единственного форта королевства вблизи Темнолесья и мог бы получить более высокое звание, поступив согласно уставу. Но куда там: занимаешься работоторговлей, насилуешь молоденьких служанок, твою последнюю «любовь» я однажды нашел в лесу. И я не думаю, что она сама вскрыла себе горло. Ты настоящий демон. А семь лет назад подбил меня сражаться против Легиона, чтобы убить наследника престола по приказу другого принца, опять же — брат заказал брата, это безумие. Из этого мог бы выйти занятный рассказ, если бы у какого-то сумасшедшего хватило фантазии описать подобный бред в своей книге.

— Книга о том, что происходит, происходило, и будет происходить?

— Да, ты бы не почитал подобную рукопись?

— Пожалуй, нет. — Недолго думая, ответил Бернард, опустив взгляд на испорченную проросшими корнями мраморную кладку. — Столь безумный сценарий тяжел для восприятия. Слишком много греха, понимаешь меня, Измаил?

— Как и в убийстве своего же брата, верно?

— Мало заплатили? Хватит меня в этом обвинять, не я натягивал тетиву твоего лука.

— У меня был арбалет, выродок. Я лучший стрелок во всем Темнолесье, но предпочитаю арбалет, а не лук, ведь мощь выстрела оправдывает любую точность. Да нет, ты заплатил вполне достаточно, просто я потерял больше, чем обрел. И я вовсе не обвиняю тебя, иначе давно бы тебя прикончил. Я ненавижу себя, но не могу решиться на самоубийство, знаешь почему?

— Нет. — Поинтересовался Бернард.

— Моя семья славилась своей точностью в стрельбе. Отец, брат и я были мастерами на

этом поприще, наша точность — родовой дар, который передается по наследству. Словно предок, чье имя записано у корня семейного древа, продал за это душу.

— Как это связано с самоубийством?

— Связано это с тем, что я лучший стрелок в Темнолесье, а может быть и на всем севере, как преступный мир выживет без такого наемника? Покажи мне стрелка, более точного, чем я, и он умрет от моего выстрела. А, Бернард? Покажешь мне более точные руки, чем мои?

Стрела была готова к затяжному полету, сорваться ей не позволяла лишь цепкая рука Алистера, сосредоточенного на лесной тьме, в которой таилась цель. Он отлично видел во мраке, этому его успел научить отец, перед тем как канул в неизвестность. Хоть потом исчез и брат, его место занял сын кузнеца Роланд, ставший ему почти родичем. Он был потомственным воином, из которого северяне пытались вырастить кого-то другого: библиотекаря или писца, однако его рука тянулась к оружию. Терпение, вот чего не хватало Роланду. Это качество было у Алистера, поэтому друзья дополняли друг друга. Но у разведчика напрочь отсутствовало рвение к чему-либо. Он был способен ударить в спину, убить женщину, ребенка, если это хоть как-то было ему на руку. Эти мысли часто посещали его, Алистер регулярно предавался воспоминаниям, пытаясь воскресить в памяти что-то из своего детства, лицо матери и наставления отца или просто то, чем можно будет себя пытаться.

Но как только он натягивал тетиву и прицеливался, все раздумья куда-то исчезали. Он становился хищником, сливаясь с луком, ветром и природой. Не стоит даже говорить, что любая цель превращалась в часть его сознания, а сам стрелок — в источник, готовый выпустить смертоносную стрелу. Вокруг все исчезало, важной оставалась лишь дистанция. Тетива становилась натянутым нервом, а древко лука — продолжением тела. В течение получаса Алистер подкрадывался к кабану сзади так, что ветер дул со стороны их будущего ужина. Ведь запах мог разоблачить человека, оставляя двух спутников и его самого голодными. Нюх и слух у этого неуклюжего животного были достаточно хороши, любой охотник знает о преимуществах дичи, ведь самая легкая нажива, как правило, несъедобная. Алистер учел дистанцию и направление ветра, его дыхание стало едва ощутимым, а разум очистился, подготовившись к выстрелу. Огрубевшие и побелевшие от тугой тетивы пальцы разжались, тихо засвистев, стрела исчезла во тьме — дикое животное истошно взревело. Зверю не хватило реакции и интуиции, за что он и поплатился. Алистер считал это обычным делом, ведь все основывалось не только на естественном отборе, но и на принципе пищевой цепи. Сильный ест более слабого, менее быстрого, после чего отправляется на ужин тому, кто окажется сильнее, ловчее и умнее его. Эта же схема работала и с людьми, поэтому он не был одним из тех, кто поддавался эмоциональным привязанностям, не шел на поводу у совести и чести, а просто старался прожить несколько лишних дней без приключений.

Когда охотник вернулся к Роланду и Титусу с добычей и бросил тушу у костра, воин ничуть не удивился. Ведь времена, когда они были еще детьми и вдвоем шли на охоту, чтобы поймать хотя бы оленя, раненного волком, давно прошли. Тогда друзья подолгу не решались убить несчастное животное. Сейчас все было иначе, Роланд еще не встречал человека, более искусного в охоте, чем Алистер, Стрела торчала точно из растекшегося глаза кабана, крови почти не было. А шкуру зверя, вполне можно было бы продать, если бы только у них было

достаточно времени. Седой рыцарь, вытерев пот со лба, кивком указал на добычу.

— Как ты так близко подошел к животному, не спугнув его?

— Я и не подходил. — Ответил Алистер, копаясь в сумке в поиске ножа для свежевания. Титус мельком глянул на Роланда, но он кивнул, якобы соглашаясь со стрелком.

— И ты угодил прямиком в этот маленький глаз, при такой-то темноте?

— Как и у любого другого человека, у меня есть определенный талант. И говорю тебе, вовсе необязательно дышать зверю в затылок, чтобы не промазать.

— А если нет? А если нет никакого таланта?

— А если нет, человек становится священником или рыцарем.

— Сделаю вид, что не слышал этого. — Вздохнул рыцарь. — Хочешь сказать, у тебя талант к стрельбе?

— Скорее, талант делать мертвое из живого. Это касается не только бедных животных, но и людей. Разница лишь в том, что звери не заслуживают смерти, мы убиваем их для собственного выживания. Они рождены для этого. Талант к стрельбе нельзя назвать врожденным даром.

— В таком случае это меткость?

— Не только она, Титус. — Алистер искренне улыбнулся, рыцарь смог это прочитать. — Это талант к выдержке, ловкости и скрытности. А вообще, у меня талант терпеть байки Роланда, немногие способны дослушать его до конца.

— По тому, как ловко ты рыщешь по карманам покойников, можно было предположить, что ты и воровать умеешь. Что скажешь, сможешь подрезать кошелек?

— Да, я вор. — Признался Алистер. — И знаешь, я отличный вор. Это скорее мировоззрение, чем талант, чтобы ты знал. Некоторые воры язвят о том, что они не крадут, а берут займы. Это выводит меня из себя, ведь присвоение чужого — это искусство, как убийство или созидание чего-либо. Мир переполнен красками, не люблю, когда их наносят нелепыми штрихами. Да и попал я в Серый легион только из-за того, что предпринял не самую удачную попытку кражи, как показал опыт — единственную неудачную.

— Как же получилось, что вор стал разведчиком Легиона? — Поинтересовался рыцарь, подобный каламбур не укладывался в его голове. Серый легион — элита королевских войск, и тут такое, все это походит на красивую ложь, сказку, но его собеседник говорил правду. Несомненно, Алистер хороший лжец, но некоторые проявления в мимике выдали бы его, будь сказанное вымыслом.

— Как-то близ Темнолесья, принц Уильям разбил лагерь. Порядка двух десятков солдат, двенадцать палаток. За вечер стоянку обнесли частоколом, выставили часовых и занялись обычными делами, на которые я плевать хотел. Я был молод, но уже многое умел. Об этом знала и одна очень плохая компания в нашем селении. — Алистер наклонился к костру, радостно протянув руку над жаром, на указательном пальце блеснул золотой перстень. — Меня заставили украсть это.

— Перстень? — Удивился слушатель, поморщившись, Титус попятился назад, глядя на собеседника как на безумца. — Сунуться в военный лагерь Легиона ради жалкого кольца? Как тебя заставили? Чем подкупили или шантажировали, что могло заставить тебя пойти на такое безумие?

— Это королевская печатка, мне обещали хорошо заплатить.

— Что бы еще могло заставить его рисковать? — Засмеялся Роланд, потеряв свою щетину.

— Ну, допустим, ты принял этот бредовый заказ, и?

— И? — Улыбнулся Алистер, приступив к свежеванию кабана. — И я украл его, это был просто прекрасный момент. Увы, попытка не увенчалась тем успехом, на который я рассчитывал. Сердце билось так, словно вот-вот должно было выпрыгнуть из груди. Мгновенье, когда я проскочил за спиной часового, показалось мне вечностью. Со временем я слегка не угадал, пробрался слишком рано, принц еще даже не готовился ко сну. Тогда я решил подождать в темноте, за палаткой, где были сложены ветки и бревна. Легионеры собирались пировать, а я ждал все это время.

— В ветках за палаткой принца?

— Да. — Покачал головой Алистер, он уже вырезал большие куски мяса и выкладывал их на тряпку около себя. — Все тело чесалось, виной тому были мелкие жуки, ветки, чертова крапива, но я терпел. И когда все офицеры стали расходиться, я понял, что принц не пьет.

— Это плохо?

— Это говорит о том, что сон у него чуткий, легко разбудить. Да он и не выглядел сонным, так что да, плохо. Я, такой терпеливый, пролежал там еще несколько часов, пока не услышал громкое сопение королевских ноздрей. Маленьким ножиком, которым обычно подрезал кошель с монетами, вскрыл палатку, благо шов был рядом со мной. Старался делать все как можно тише. Так же бесшумно пролез в отверстие, очутившись под кроватью принца. Подумай только! Черт, принц возил с собой треклятую кровать!

— Зажиточные, сволочи. — Заметил Роланд, не отрывая взгляда от сочного мяса.

— В общем, везение на этом не закончилось. Я знал, что мое терпение окупится, спокойно лежа под кроватью, с которой свисала рука с перстнем. — Рассказчик поменялся в лице, словно насмехаясь над собой. — Я стал верить в богов, был в восторге от себя и стечения обстоятельств, но только потом меня озарило. Я подумал: ладно Алистер! Молодец! Но как теперь снять кольцо с пальца, не разбудив принца?

— И как же? — Улыбнулся Титус, помимо самой истории, его очень радовала честная и искренняя улыбка Алистера, которую он даже не рассчитывал увидеть, ведь с каждым словом разведчик все больше сиял, появлялись вспышки каких-то эмоций, которых, он, очевидно, избегал.

— Да никак. — Поник Алистер, сдерживая смех и не отрываясь от приготовления. — Логично было бы взять масло и полить палец, чтобы аккуратно скрутить с него кольцо. Но масла нигде не было, я осмотрел все, что только мог. Затем я попробовал снять перстень, у меня не вышло. И тут, была допущена критическая ошибка— паника, которая была вызвана часовым, направлявшимся, к палатке: я решил не медлить и очень сильно дернул перстень.

— Получилось?

— Да, в каком-то смысле — получилось. Украл перстень, а заодно сломал палец самому принцу, после чего попытался удрать через разрез в палатке под неслыханные ранее высказывания наследника престола и припадочные крики часового. Передать не могу то, что испытывал в тот момент, страшнее мне никогда не было. Часовой нырнул под кровать и схватил меня за сапог, который так и остался у него в руке, а я, словно скользкая рыба, вынырнул из палатки. Я был пойман, но уже на частокоче при попытке перелезть через него. Они бы казнили меня на месте, только Легиону нужен был человек, который хорошо знал здешние края. Что-то вроде проводника, ведь карты Темнолесья никто не составлял. Выбор был невелик: между плахой и службой короне, я предпочел жизнь. Могли, как минимум, руку отсечь, но и этого не стали делать, проявили милосердие.

— А перстень?

— Я сослужил Легиону довольно хорошую службу, незаметно проведя целую толпу к лагерю дикарей, обойдя несколько засад разбойников, после этого принц лично наградил меня. Смеясь, попросил больше ничего ему не ломать. После исполнения долга я мог вернуться домой, но не стал, ведь служба в разведке Легиона имела определенные плюсы.

— А Роланд?

— Встретил его в столице, как одного из рекрутов королевской стражи. Замолвил за друга словечко и потащил за собой. Рассчитывал, что теперь мы заживем не хуже королей, но спустя две недели, началась война с Везерлехом.

— Я несколько не расстроен. — Пожал плечами Роланд. — Мы прожили отличную жизнь и уже имеем то, что будем вспоминать, когда придет старость. Я был стражником, и кроме патрулирования улиц мне не поручали совсем ничего: просто броди, да говори какую-то чепуху проходящим путникам. Я тогда год не видел Алистера, не знал даже, жив ли он. Думал написать ему письмо, но в город пришел Серый легион. Я как раз был на посту, недалеко от ворот. Помню, как гордо шли легионеры, и как я завидовал им. И вот смотрю — один из солдат покинул строй, и двинулся прямо на меня.

— Это был Алистер?

— Да, я впервые увидел его в светлой одежде. — Признался северянин, рыцарь искренне улыбнулся, постаравшись представить тот момент. Они тогда вернулись после зачистки горного хребта от дикарей. Приехали в столицу получать заслуженные почести. На нем была парадная форма: кольчужная броня с легкими стальными пластинами, поверх нее — светло-серая туника и лук из белого дерева.

— Где же он его потерял?

— Сломал. — Вздохнул Алистер. — Сломал, а не потерял. Луки из белого дерева, знаешь ли, практически невесомы, но вот удар топора не выдерживают. Спустя несколько недель, при очередной зачистке убежищ варваров, со мной столкнулся противник. Лоб в лоб, я не ожидал такого и не успел достать клинок, дабы парировать удар. Прикрылся тем, что было в руках, а после, придушил сволочь тетивой разрубленного пополам лука.

— А где был тогда Роланд?

— Я уже договорился, чтобы его взяли в Легион. Он проходил обучение в столице, и присоединился ко мне лишь спустя месяц. — Алистер замялся, потеряв затылок. — Тогда столько друзей были живы, трудно поверить в то, что их больше нет, хоть и умирали они на наших руках.

— Смерть соратников, всегда дается тяжело. — Согласился рыцарь, однако не был уверен, стоит ли об этом говорить. — Пока на севере верят в то, что если погибнуть в бою, то ты отправишься в эдем для воинов, где ждут сражения, горы еды и реки из вина, у нас — верят в рай для всех.

— Что значит, для всех? — Удивился воин, слегка оскорбленный иноверцем.

— Все работает просто, если при жизни ты был хорошим человеком — то попадаешь в лучшее место, из всех, которые только можно представить. Невероятно красивые сады, безусловно хорошая погода, и отсутствие каких-либо проблем.

— А если ты, как Алистер? — Поинтересовался воин, хлопнув разведчика по плечу.

— Их ждут вечные муки в преисподней, где томятся проклятые души нечестивых и грешных людей, которым никогда не суждено увидеть солнце. — Рыцарь пожал плечами. — А во всем прочем, нашего бога считают самым гуманным и милосердным.

— Надо же, хорошо, что ничего подобного не существует. — С облегчением вдохнул грешник.

— А что, если существует? — Опечалил его северянин.

— Тогда, мой друг, для меня там уже греют место.

Спустя пару часов, у костра осталось лишь двое. Роланд спал у края норы, натянув на лицо свою красную железную маску, так и не выпустив из руки эфес меча. Алистер сидел с закрытыми глазами, а между его пальцев мелькала серебряная монета. Титус долго следил за монетой, пытался уснуть, насвистывая мотив песни из трактира, которую услышал года два назад, но отдохнуть так и не сумел.

— Алистер. — Шепотом он окликнул по имени спутника. — Ты спишь?

— А что, похоже на то? — Не открыв глаз, ответил разведчик.

— Я не могу уснуть. Просто не могу, как только не ворочался, мне попросту неудобно.

— Мне рассказать тебе сказку или раздобыть кровать?

— Да я не о том. Просто хотел спросить, почему Роланд спит у края норы, а не в ее глубине?

— На нем маска, если за нами кто-то и следит, то идея прийти и напасть, которая может возникнуть в их голове, умрет в зародыше, когда они увидят этого воина с мечом. А не спишь ты из-за ягод, это все толика яда, что они содержат, отчасти, они делают тебя бодрее.

— Ты тоже из-за них не спишь?

— Я, так же как и Роланд, привык к этим ягодам. А не сплю из-за того, что у меня задание доставить тебя живым, а без прикрытия ты не дойдешь. Ты наобещал достаточно, чтобы я не спал, верно? Так что, сначала спит Роланд, потом я, будем чередоваться.

— Алистер, я рыцарь, могу о себе побеспокоиться, мне нужны не телохранители, а проводники. Не переживай, я сделаю что обещал, когда мы перейдем через границу, ты и Роланд будете в полной безопасности. Вы станете свободными людьми.

— Надеюсь.

— Чем хочешь заняться в свободном мире?

— Я? — Удивился Алистер, глаза открылись с невероятно широкими зрачками. — Залягу на дно.

— Твои зрачки...

— А что с ними не так?

— Они слишком большие, это из-за ягод?

— Отчасти да, но не совсем. Отец научил меня хорошо видеть в темноте, для этого нужно долго тренироваться. Найди что-то тонкое, поднести близко к глазам. Для начала, сконцентрируйся на нем, после сосредотачивайся на чем-то отдаленном, за предметом. Лезвие клинка подойдет, тебе пора бы обрести такой навык.

— И как такие упражнения помогут видеть в темноте?

— Отец не раз говорил, что человеческий глаз, как и все мускулы, подлежит тренировке. По его теории, у глаза тоже есть мышцы. Когда ты в темноте, зрачок расширяется, поглощая больше света, но это происходит медленно. Рассеивает тьму перед собой. На свету же, наоборот, зрачки становятся меньше и не дают солнцу тебя ослепить. — Алистер снова закрыл глаза. — Говорят, когда человек умирает с чистой душой, он видит свет, зрачки превращаются в точку, и взгляд стремится к небу. Я убивал многих, в основном, грешников, их глаза всего лишь застывают, а взгляд опускается к земле.

— Смотреть в глаза умирающему человеку — не страшно?

— Роланд этого боится, он суеверный. Боится, что побежденные враги запомнят его и будут ждать по другую сторону жизни, оттого он и носит свою маску.

— А ты?

— Если меня там и будут ждать мои жертвы, то они уже знают, что от меня нужно держаться подальше.

— А ты... — Хотел уже что-то сказать рыцарь, но раздался крик, не давший ему договорить, он был слышен в тумане, далеко в темноте. Роланд вскочил, будто вовсе не спал, Титус начал быстро надевать бронзовые латы, а Алистер продолжал спокойно сидеть. — Что это?

— Разбойники. — Шепнул Роланд, вглядываясь в непроглядный туман. — Кого-то грабят среди ночи, или кто-то набрел на зверя. Титус, я не такой эгоист, как Алистер, но видя твой взгляд, посоветую то же, что скажет и он — даже не думай. Темнолесье далеко не цветущий сад с оленями и бабочками, не стоит, сломя голову, нестись на помощь.

— Я учту. — Заметил рыцарь и рванул прочь, зацепив сапогом горсть углей из костра. Алистер тяжело вздохнув, проследил за исчезающим в тумане силуэтом. В это время воин в маске, как пес, переминался с ноги на ногу, не понимая, что ему делать. Дилемма: с одной стороны честь призывала к спасению и помощи отважному герою, а с другой было желание сохранить свою шкуру, как подсказывал здравый смысл

— Титус! Черт! Алистер, он сделал это!

— Я вижу, что теперь? — Тяжело вздохнув, стрелок начал неспешно собираться, медленно надевая куртку, поправляя пояс и черные брюки, взяв колчан со стрелами. — Не жди, мой друг. Если его там что-то убьет, нам свободы не видать, как своего затылка. Будь аккуратнее. — Роланд уже без следа скрылся в тумане, оставив товарища собираться в незапланированный путь.

Титус не видел ничего, кроме тумана, слух воспринимал только хруст веток под сапогами и звон бронзовых лат. По бокам мелькали высокие стволы деревьев и силуэты кустарников. Сзади слышались выкрики Роланда, он мог предугадать это, ведь само присутствие Титуса сильно воодушевляло северянина, который не скрывал радости от путешествия с рыцарем, да и сам по себе воин был хорошим человеком, но воспитанным на идеалах своего друга, что слегка портило картину. А что Алистер? — подумал Титус, ведь разведчик слишком обезопасил себя от заботы об окружающих и скорее всего не прикроет даже товарища, не то, что его.

Истошный крик можно было различить все лучше, рыцарю нисколько не показалось — кричала женщина. Вдруг через туман стала различима следующая картина: молодая девушка, вопя, лежала на спине, светлое платье было измазано грязью и травой. Над ней стояли двое немолодых мужчин: один был вооружен щитом и топором, а другой держал факел. Обидчики даже ничего не успели сообразить, когда один из них вдруг упал. Другой мог поклясться, что его товарища снесло что-то бронзовое и блестящее. Девушка истошно закричала, словно сменив голос, наверно подумала, что нападавшим был какой-то зверь, а соучастник сшибленного с ног налетчика прижавшись к щиту, попятился назад. Аккуратней! — Взревел Роланд, появившись из тумана и одним единственным ударом плеча, сбил другого разбойника на землю к его товарищу, которого теперь было не узнать — рыцарь раскрасил его лицо красными красками, несколько раз ударив бронзовой перчаткой.

— Это стоило того? — Тут же спросил Роланд, оглянувшись на Титуса. После воин

взглянул на налетчика, которого сшиб с ног. Мужчина рухнул грудью на торчащий из земли сук, который сразу же пронзил его. — Титус!

— Конечно, стоило. — Вздохнул рыцарь, слезая со своей жертвы. — Вы целы? — Та лишь ошарашено кивнула, даже не пытаясь подняться на ноги. Двое спасителей стали осматриваться по сторонам. Было темно, туман даже не собирался рассеиваться, казалось, что он становится все гуще. Из его пелены на свет брошенного на землю факела легкой походкой вышел Алистер, устремивший на девушку пронзительный взгляд.

— Рыцари, добавить больше нечего.

— Алистер, ты особо так не спешил, верно? — Раздраженно спросил Титус, рассматривая небольшую вмятину на своем наплечнике.

— Вы и сами справились, разбойники даже ничего не поняли. Роланд, ты вырос тут и не заметил подвоха?

— Что за подвох? Мы спасли девушку, ее могли убить.

— Платье в крови, но она не ранена, они тоже не были ранены, более того, кровь успела засохнуть уже давно. Но это еще не все. — Алистер натянул тетиву, стрела была направлена точно в сердце девушки, а спасители не отрывали взгляда от напарника. — Дорогие мои глупенькие братья, понимаете, если бы это была не засада, ей бы прикрыли рот. Мы не так глубоко в лесу, чтобы позволять своим жертвам кричать. Это банальная засада на путников, ведь тропа совсем недалеко. Голос у нее как у женщины, а на вид довольно молодая девушка. Охрипла от постоянного крика, верно?

— Ты, правда, хотела нас ограбить? — Удивился Титус, он следил за ее взглядом, но девушка его скрывала, иногда посматривая на мертвых соратников. — Значит да, это ужасно подлый трюк. Видно эмоции не дали мне разглядеть ложь. Да и времени на это не было.

— Ты не знала, кто однажды клюнет на этот трюк, и пожалеешь об этом. — Промолвил Алистер. Спорим, что она не ожидала такой интересной реакции? Никаких разбирательств — сразу к делу. Боюсь, к красным и зеленым пятнам на платье, добавилось одно коричневое.

— В любом случае, мы не узнаем об этом, пока обманщица не встанет. — Гневно добавил Роланд.

— Не встанет. — Холодно сказал лучник и отпустил оперение стрелы. Тело девушки растянулось на траве, а рыцарь, заскрежетав зубами, глянул на убийцу. — Извини, но если бы ты оставил ее в живых, то подойдя ближе, оказался бы с рыбацким ножиком в шее. В лучшем случае, она просто нашла бы себе новых напарников.

— Сумасшедший! С чего такие выводы? Почему именно рыбацкий?

— Почему рыбацкий? — Улыбнулся Алистер, краем лука он указал на руку мертвой девушки: в кулаке был сжат маленький нож, форма которого позволяла очень удобно счищать чешую. Седой рыцарь не стал признавать свою неправоту и просто опустил глаза, глядя на землю. — Может где-то там, среди знати и богачей, запутавшихся в своих титулах, ты сможешь подсказать мне, как выжить. Но здесь, в Темнолесье, в этом богами забытом месте, советую прислушиваться к моим словам. Боги, черт бы их побрал, не видят эти земли с высоты небес — уж больно кроны густы. Они не в силах помочь тебе выжить, если рядом не будет меня: моих советов, моих стрел, моего взгляда, смотрящего в твой бронзовый затылок. Ты носишь на себе металлический гроб, на бедре не болтается меч, а твоя добродетель сияет в темноте, приманивая проблемы, как мотыльков.

— Алистер! — Перебил его Роланд.

— Что?!

— Успокойся, чего ты так взъелся на него?

— Я не хочу лишиться жизни, только из-за того, что какой-то герой, вроде этого рыцаря, захотел спасти девицу! Черт, да зачем тебе это было нужно? Женской ласки захотел? Дерзай же Титус! Дерзай, она еще не остыла. Но в следующий раз постарайся так меня не подставлять, мир сильно изменился с тех пор, как были написаны книги, на которых ты воспитывался. Больше нет героев, нет злодеев, в каждом есть понемногу от первых, и от вторых. Это Темнолесье, твою мать! Тут нет башен с драконами, рогатых воплощений зла, желающих уничтожить мир, нет страшных чародеев! Тут попросту реальность, которую сложно принять, если ты в здравом уме.

— Должна же быть в тебе хоть капля понимания! — Возмутился рыцарь.

— Должна? Это тебе не баллада о героях и великих свершениях, это выживание. — Алистер резко подошел к трупку девушки, и, вытащив из ее горла стрелу, показал рыцарю. Воин старался не вмешиваться и не становиться на чью-либо сторону. — Смотри! Вот что спасает жизнь!

— Стрела?

— Инструмент выживания! Это оружие, оно нужно для того, чтобы не сложить голову, позволяет дышать, ходить, видеть и тому подобное. Одной веры мало, чтобы выжить. У тебя здесь только один бог — это я, Титус, и я не говорил, что спасти кого-либо — это хорошо. Тут слепо следуй моему слову, а не тому, которое ты шепчешь про себя.

— Ты просишь меня стать эгоистом?

— Я прошу тебя оставаться живым. — Процедил сквозь зубы разведчик, после чего перешагнул тело девушки и ушел в темноту. Двое спутников молча, последовали за ним.

Начинался рассвет. Измаил один шел вверх по холму, нужно было занять удобную позицию, с которой было бы видно границу между Темнолесьем и болотными землями. Он уже делал так, а поэтому знал: там, на вершине, есть высокое дерево, с которого хорошо просматривалась тропа. Позади послышалось тяжелое волчье дыхание, оглянувшись Измаил убедился в этом. Неужели я ранен? Волк почуял кровь и теперь выжидает, пока мое тело ослабнет? Серые хищники не бродят в одиночку. Измаил думал быстро, соображая на лету, ведь его сознание было наполнено десятками голосов. Они постоянно шумели в голове, не утихая ни на минуту, но он настолько привык к ним, что научился получать от этого пользу. Ты не ранен — прозвучало в каше голосов. Черного волка это мало волновало, похоже, это вожак и ему нет дела, умирает человек или нет. Стоит зверю захотеть, остальная стая ринется в бой.

За спиной мелькнула еще пара волков. Было бы хоть немного светлее, чтобы пересчитать их и быстро разобраться с опасным врагом при помощи метательных ножей, но вдруг хищников намного больше, нежели он думает?

— У тебя глаза моего брата. — Заметил Измаил, глядя на подходящего вожака, словно заговаривая зубы, но он продолжал двигаться уверенно и грациозно. Рука медленно потянулась к пояснице, чтобы достать несколько метательных ножей, быстрые движения могли заставить животное напасть, а это было лишним. Пробьет ли череп его метательный нож? Или придется целиться в другое, более уязвимое место? Сердце не поразить, а предугадать движения волка сложнее, чем человеческие, дабы попасть точно в глаз. Все было просто, когда ножи нацелены на человека, он почти гарантированно отскакивал вправо

от себя, на это указывал его личный опыт. Позади, с обеих сторон раздался хруст — волков было уже двое, но вожак нападет первым, это неизменный звериный закон. Несмотря на опасность ситуации, на лице Измаила появилась улыбка, которую он не мог контролировать, иногда это даже раздражало его. Оскал расплзался по лицу, губы судорожно подергивались. Где-то в стороне послышался громкий хруст, но было непохоже, что приближается еще один волк или другое животное. Медведь? Вряд ли. — Подумал Измаил, он сопровождал бы свое появление тихим ревом. Вместе с волками глядя сторону, откуда которой доносился хруст. Вышедший навстречу человек был около двух метров ростом, закованный в латы Серого легиона, отражавшие тусклый вечерний свет. Измаил видел эти доспехи, лет семь тому назад, когда его наняли участвовать в истреблении Легиона, и дали задание: под шумок убить офицеров. Тот роковой день, когда он лишился рассудка и брата. На спине выступил пот, неужели это просто призрак из прошлого? Действительно ли нечто пугающее предстало перед ним, или это очередная галлюцинация? Тяжелый стальной рыцарь спокойно шагал к Измаилу, игнорируя волков. Единственное слабое место — подумал Измаил — прорезь для глаз. Звери это тоже понимали, из-за чего начали отступать.

— Решил покормить волков, коротышка? Опасно путешествовать в этих местах. — Заметил стальной рыцарь, который был намного выше Измаила, проходя мимо — даже не обернулся на спасенного путника.

— Опасно путешествовать где угодно, в таких-то доспехах. — Заметил наемник.

— Что не так с моими доспехами? — Рыцарь продолжал стоять боком, медленно развернув массивный шлем к рыжеволосому путнику. Это движение сопровождалось металлическим скрежетом, что заставило безумца прищуриться от мерзкого звука.

— Ну, знаешь, закон не любит бежавших легионеров, и даже если ты простой путник, неизвестно зачем надевший эту броню, тебе будут не особо рады. А где же оружие, чтобы отбиться, хотя зачем отбиваться от стражи, это ведь все усугубит. — Размышлял он. — Как минимум, назначат штраф, но как знать, может, тебя ожидает виселица или того хуже.

— Ты слишком много болтаешь.

— Это моя особенность.

— А это мои доспехи. — Донеслось из забрала, массивное стальное тело зашагало дальше.

— Ты бы снял их. — Засмеялся он.

— Сниму, когда узнаю как. — Угрюмо проговорил стальной рыцарь, даже не замедлив шаг. Но интерес рыжеволосого наемника нельзя было удовлетворить, пробурчав что-то себе под нос, собеседник только сильнее разжег в нем интерес. Хоть у Измаила были срочные и важные дела, нельзя было просто пройти мимо. Он быстро догнал незнакомца.

— Эй, стой! — Рука упала на тяжелый наплечник громилы. — Да ладно тебе, я хоть должен узнать имя своего спасителя. — Измаил замер, преграждая дорогу. — Если ты вправду воин Легиона, то о чести забывать нельзя. Хотя какая честь у дезертира. — Едва слышно, но намеренно сказал он, легионер замер, после чего злобно рыкнув, схватил наглеца за черно-красный воротник и приподнял на полметра вверх. Невиданная сила, как показалось наемнику, ведь поднять человека лишь одной рукой — очень сложно.

— Меня зовут Кастиэль! — Гневно процедил рыцарь, после чего открыл забрало свободной рукой. От увиденного у Измаила сбилось дыхание: лицо человека было выпалено до кости, отчего приобрело бордовый цвет, кожи не было, губ — тоже. Казалось, что рыцарь когда-то горел заживо. Забрало открывало лишь нижнюю часть лица, скрывая взгляд

закованного в броню человека. — Я не дезертировал, меня сожгли живьем в горе трупов, приняв за мертвеца.

— Поразительно. — Улыбнулся он.

Рыцарь гневно отшвырнул Измаила, словно тряпичную куклу, отчего он угодил в дерево, стоящее рядом. Раздался хруст: то ли треснула ветка, то ли у наемника сломалась кость. Легионер не собирался его убивать, хотя такое желание было. Когда в глазах Измаила прояснилось, безумец поднялся на ноги, начав собирать с земли разбросанные метательные ножи. В отличие от безумной улыбки, так и оставшейся на лице, при ударе они не удержались за поясом и, кажется, порезали ему поясницу — жилет стал пропитываться теплой кровью, а ноги слегка онемели. Подняв взгляд от земли, Измаил наблюдал, как грозный стальной рыцарь уходил в сторону гор, покидая поле зрения, кажется, он ненадолго потерял сознание, минуты на две, поэтому легионер был уже довольно далеко.

— Темнолесье во всей своей красе. — Заметил Измаил, уважительно покачав головой. — Кого здесь только не встретишь. — Как только все ножи были вновь собраны за поясом, он отряхнулся и размял плечо. Измаил хотел сделать шаг в сторону, но чуть не угодил под копыта черной инквизиторской лошади, скакавшей галопом, всадник вовремя успел остановить ее, а он наемник — отскочить, припав назад, вновь рассыпав ножи. Подняв помутневшие глаза, наемник увидел двоих всадников на черных лошадях, в черной одежде и медных шлемах с красными окулярами.

— Подумать только.

— Смотри, куда идешь. — Сказал офицер-инквизитор, поправив ремешки наспинной батареи.

— Слишком людно для Темнолесья, раньше оно таким не было. — Сдерживая смех, пояснил безумец.

— Рай для путешественников. — С сарказмом пояснил инквизитор, поглядывая за тем, как рыжеволосый незнакомец собирает ножи — вполне боевое оружие. — Видел где-то вблизи магов, серых легионеров?

— Где-то вблизи? — Задумался Измаил, глянув в сторону, куда пошел Кастиэль. — Нет.

— Держи рот на замке, странник. — Предупредил второй всадник.

Инквизиторы переглянулись и галопом помчались вглубь леса. Пожав плечами, безумный наемник пошел своей дорогой, насмехаясь над грубой шуткой судьбы. Идти было недалеко, но из-за боли в спине путь растянулся на пару часов. Боль постепенно стихала, хоть и создавала немало неудобств. Утро уже наступило, тело чувствовало это, но из-за вечного мрака нельзя было подтвердить эту догадку. Вот и вершина холма. Осмотревшись по сторонам, Измаил насчитал четверых волков, следящих за ним голодным взглядом с расстояния около сорока метров.

Лесные хищники давно шли за ним, но теперь наемник был еще и ранен, что очень усугубляло ситуацию. Подмигнув стае, он принялся карабкаться на дерево, которое своей прочностью, шершавостью и формой листьев напоминало дуб, но тянулось к небу, словно сосна, только было выше ее в несколько раз. Путь вверх занял приблизительно четверть часа. Чем выше он поднимался, тем прохладнее был ветер, ожидая вот-вот увидеть дневной свет, наемник разочаровался. Было пасмурно, солнце скрылось за грозowymi тучами. Он потерял счет времени, что очень его огорчило. Неужели навыки уже не те, что раньше? — Наемник стал наблюдать.

— Красота. — Едва шевеля губами, произнес Измаил, которому было не привыкать к

беседам с самим собой, ведь мало людей могло понять его натуру, а еще меньше — вникнуть в суть его речей. Даже когда он хотел сказать что-то разумное, часто получалась полнейшая бессмыслица.

Оставалось полчаса до наступления полудня, но никого не было видно. Измаил понимал, что самый неблагоприятный итог для него — пропустить рыцаря и позволить жертве уйти. Но как увидеть цель в темноте, повезет ли наемнику? Вдруг этот седоголовый уже мертв, может, Кроули переоценивал его способности? Солнце скрылось окончательно. Наемник напрягал глаза так, как его когда-то учил отец, но никого не было видно. Он слегка надавливал на веки, дабы зрение адаптировалось к темноте. Привычный оскал снова появился на лице безумца, все его внимание было охвачено двумя персонами, которые заходили в лес. Слишком далеко, чтобы разглядеть в них кого-нибудь, но стоит проверить.

Этот контракт для Измаила был слишком необычным, более того, при таком ничтожном запасе информации — практически невыполнимым. Но он сталкивался и ни с какими трудностями, порой, наемнику приходилось убивать так, чтобы все напоминало очень абсурдный несчастный случай. Например, в прошлом году он подстроил убийство, но со стороны это выглядело как унижительное, но фатальное падение с лошади. Даже если это не они, он даст цели шанс дойти до гор, где и будет выжидать, словно охотник. Вдруг Титус нашел себе компаньонов, глупо было бы лезть в бой против них, если скоро засада инквизиции сделает все за него. Да, он знал, что инквизиция устраивает рейд, было бы странно, если бы это было ему неизвестно — около дюжины информаторов в столице, за неделю пришло несколько писем с сообщением о планах, как думалось ордену, секретных.

Убийца знал, что ему закажут кого-то, ведь маги, идущие через границу, были неплохим прикрытием, но он не думал, что его целью станет рыцарь. Кто бы мог предположить такое? Я в выгодном положении. — Подумал Измаил, быстро спускаясь с дерева. Ведь помимо вероятности, что Титуса уже убили люди Кроули, его обязательно уничтожит или Темнолесье или инквизиция, а награду все равно получит наемник.

Высокий стальной рыцарь Кастиэль шел без сна и еды вот уже третьи сутки, делая небольшие привалы. Выносливости у него было больше, чем у буйвола, иначе бы он не выжил семь лет тому назад. Воспоминания были свежи, словно это было вчера. В отличие от прочих выживших легионеров, он не бежал с поля брани. Воин познал участь, которую не пожелал бы даже врагу. В бою он был сбит с лошади пушечным ядром, слегка зацепившим его и оставившим внушительную вмятину на плече. А пока Кастиэль был без сознания от удара, его приняли за покойника. Живого человека бросили в гору трупов, которую потом сожгли.

Рыцарь оказался на самом дне братской могилы, из-за чего он не смог вырваться из-под пламенного завала, как бы ни кричал. Наверное, боги сохранили ему жизнь, чтобы дать возможность отомстить предателям — он считал именно так. Ты бы снял их — звучали в голове слова рыжего наглеца, да, снял бы, но как это сделать. Каждый знает, чем славятся доспехи Серого легиона. — Ювелирно тонким исполнением внутренней части брони: узоры, желоба и кольчужное покрытие. Зачем? Это символический вопрос. Раньше Серый легион существовал только в легендах, оказавших влияние на принца, воплотившего сказку в жизнь. Выходит, человек-оружие сам должен выглядеть как оружие, поэтому снаружи доспех был гладкий, отполированный до блеска, без единой лишней выемки. Бессмертная душа —

главный символ Легиона, за который сражались воины, должна быть наполнена красотой и гармонией. А значит, внутреннюю часть доспеха делали неповторимой и прекрасной.

Это и сыграло злую шутку с Кастиэлем: когда его жгли заживо, плоть, бурлящая от пламени, попадала в эти выемки и желобки, заполняя все щели и отверстия раскаленной стальной брони. Если бы только он мог снять свои доспехи, эту ношу, избавиться от нее хоть на минуту и ощутить ветерок на спине. Неожиданный щелчок в ногах был сопровожден звоном доспехов. Опустив взгляд вниз, Кастиэль заметил железный капкан, в который угодил. Тот сработал под его массой и прервал полет мыслей страдальца. Так и должно быть, капканы закрывались под массой медведя, а рыцарь весил немногим меньше из-за брони. Простой человек не заставил бы его захлопнуться, но вот пеший стальной форт...

Зубья проржавевшей ловушки с легкостью треснули, очевидная особенность северной стали — она ломается, а не гнется. Капкан рассыпался, словно был бутафорским, простой шуткой. Ощущать себя неуязвимым мстителем Кастиэль привык уже давно, отчасти это единственное, что давало рыцарю веру в его святую миссию. Детали хрупкого, как ему показалось, капкана распластались по траве — он бы улыбнулся, если бы мог.

— У тебя не такие прочные клыки. — Заметил Кастиэль, обернувшись на волка, следующего за ним по пятам. Зверь слегка заскулил и наклонил голову, начав смотреть на воина под углом. Так, словно все понимал, словно проявлял сострадание к мукам идущего легионера и не отступал. С интересом подойдя к воину, он стал его обнюхивать. Возможно, в голове животного всплывали мысли о том, кто он, насколько опасен и что из себя представляет.

Кастиэль опустил тяжелую руку на загривок волка, взяв его за шкуру, поднял, словно щенка, зверь просто поджал под себя лапы. Его уже нельзя было назвать хищником. Они осматривали друг друга друг друга с интересом. Из-за деревьев появилась вся остальная стая, которая не сводила взгляда со своего вожака и повстречавшегося ему воина. — Вы куда человечнее самих людей.

В опасной близости от Кастиэля, двое инквизиторов быстро пересекали лес, благодаря чему почти успевали в условленные сроки. "Какая группа перехвата из двух человек?" — думал про себя шкуродер, поглядывая на спину впереди скачущего офицера. Спрашивать было неловко, он словно был на взводе — наверное, оттого перестал терпеть его выходки и подколки. Что-то резко пошло не так, поменялось и, возможно, не вернется в прежнее русло.

Шкуродер — очень грубое название для него, этих людей не особо любят в рядах инквизиции, а некоторых — даже опасаются. И, на самом деле, не зря. Это не знающие дисциплины мучители, трутни инквизиторского звена, пешки, доставляющие немало хлопот обеим сторонам. Когда-то, инквизиция состояла лишь из бойцов, начинавших обучение с самого раннего детства, таких как впереди скачущий офицер, но время шло, и ряды профессионалов редели. Старые законы и традиции пришлось сменить. Теперь инквизиции приходится брать наемников, требующих плату и не знающих сострадания, уверенных в том, что цель оправдывает средства.

— Эй, постой! — Крикнул шкуродер офицеру. Он спешил и стал осматриваться по сторонам, выискивая причину остановки. — Мои датчики почти всю дорогу сходят с ума, щекотно ведь.

— С твоим снаряжением что-то не так?

— Нет, но я чувствую трепет. — Убевдал его спутник, похлопав себя по костюму ладонями в кожаных перчатках, шарики, вшитые в одежду и служившие им самым ценным инструментом по поиску магов, действительно вибрировали. Предупреждение было настолько сильным, что от него у шкуродера разболелись ребра и плечи. Серебро так и работало, не только пагубно влияя на энергию, называемую магией, но и притягиваясь к ней. Никто из инженеров и ученых, состоящих в ордене, еще не понял, почему именно серебро притягивается к источнику энергии, данный факт еще относился к разряду неизвестного и неизученного, однако, это работало. Когда рядом с инквизитором находится маг, серебряные шарики в костюме резонируют, этого хватает, чтобы владелец почувствовал источник энергии, понял направление, после чего принял меры, согласно уставу инквизиции.

— Где ты чувствуешь магию? — Спросил офицер, глядя на напарника, словно он специально тянул время. Шкуродер неуверенно смотрел на своего офицера, но спешиваться не стал. Лишь следил как он, дрожа от ненависти, подходил все ближе. Хотя красные окуляры были абсолютно непрозрачны, шкуродер хорошо ощущал взгляд, направленный на него.

— Пожалуй, показалось.

Офицер указал пальцем на подчиненного. Убедившись, что проблема решена, он вскочил на лошадь, и движение возобновилось. Самым мерзким для офицера было бы признать, что выскочка был прав. Снаряжение работало безошибочно. Инквизитор чувствовал датчики у себя в костюме: серебряные шарики, которые настолько плотно прилегают к телу через ткань, что уже оставляют сочащиеся кровью раны. С возрастом его сила растет, сдерживать ее в себе уже сложнее, а почему это происходит, он не мог объяснить даже самому себе. Мелких синяков на теле, становится все больше. Увидь это кто-нибудь в душевой, его бы казнили на месте, не найди он способ посещать ее единолично.

— Все еще чувствуешь это?

— Нет. — Ответил шкуродер. — Наверное, что-то с моим костюмом, но это уже прекратилось. — Соврал он, корчась от боли, вызываемой вибрацией.

— Возможно.

— Ты меня яро недолюбливаешь.

— Да. — Честно ответил офицер. Ему было явно не до очередного выяснения отношений. — Ты недисциплинированный, эгоистичный невежа! И меня чертовски тошнит от твоей компании, лучше бы меня отправили одного. По уставу, нас должно быть двое — это все, что не дает мне тебя убить. Пытаешься подорвать мой авторитет, портишь нервы. Ты, шкуродер — не один из Нас. Более чем уверен, что ты на стороне одного из офицеров и помогаешь ему меня оклеветать, дабы он смог занять место куратора.

— Сказал все, что накипело?

— Ты молчал всю дорогу, и я ждал, что твой рот не удержит того навоза, который ты считаешь своей речью. Просто рад, что твоя пасть сумела оставаться закрытой так долго.

— Слишком много агрессии в мою сторону, офицер.

— Заткнись, или пойдешь под трибунал, сразу как...

Прервавшись на полуслове, инквизитор замер, лошадь остановилась, шкуродер умолк, а затем протер медный шлем с окулярами. Костюм офицера отклеился от тела: он засек источник магии, находящийся справа. Из-за дерева показались женщина и мужчина, явно супружеская пара. Они неотрывно смотрели инквизиторов глазами, полными ужаса.

Волшебники не стали прятаться, наверняка они уже встречались с инквизицией и знают, что бежать бесполезно.

— Маги. — Заметил очевидное шкуродер.

— Именем инквизиции! Приказываю вам склонить голову и приготовиться к аресту. Не вздумайте бежать или сопротивляться, ложитесь на траву лицом вниз! Никаких резких движений! — Офицер спрыгнул с лошади, вслед спешил и напарник. Пара немолодых магов, дрожа, следила за каждым их движением. — Не сопротивляйтесь, и мы оставим вас в живых.

На что он рассчитывал? Ни для кого не секрет, что инквизиция делает с магами. Руки седого мужчины вознеслись к небу, это говорило о том, что он пытается отправить поток энергии вверх, указывая ей направление — медлить было нельзя. Предельно ясно: ранее он уже встречался с инквизицией и знает, на что она способна. Никакого прямого воздействия на офицера не было, чародей невидимой силой вырвал камень из-под земли, а затем взмахом руки направил его в сторону инквизиторов. Орудие было недостаточно велико, чтобы противники не успели отпрыгнуть, но его вполне хватило, чтобы поразить лошадь. Бедное животное неестественно согнулось и мгновенно рухнуло наземь. Это было разумно со стороны магов, офицер понимал его выбор, ведь окажись он подобной ситуации, тоже предпочел бы скорую смерть, куда менее страшную, чем долгие месяцы пыток.

Но и шкуродер знал куда бить, а именно по перепуганной женщине стоящей позади мага, в его слабое место. Это было не впервые, когда он бил по самому больному и дорогому для жертвы. Рванув к ней, он схватил женщину за руку, батарея на спине загудела и вполне могла немного зарядиться, поглотив часть ее сил, пока ее супруг не сбил шкуродера с ног. Пролетев пару метров кверху, служитель инквизиции наткнулся на ветку, вызвав грохот и хруст. Похоже, его спина была прочнее древесины — это не могло не радовать. Он упал недалеко от офицера, прикрывшегося рукой от летящего со всех сторон щебня.

— Ты сам этого хотел! — Взревел офицер, срывая с пояса что-то похожее на металлический шарик, и сжав его, подкинул в воздух.

Раздался хлопок, снаряд, словно рассыпался — над магом появилось серебристое облако, медленно оседающее на траву. Было красиво, многочисленные пылинки собирали и отражали свет. Маг ослаб, энергия которой он мог контролировать природу, впитывалась в серебряную пыль, оседая на его руках и плечах. Прорвавшись через серебряный занавес, офицер инквизиции нанес удар коленом, снося старика с ног. Он был достаточно силен для своего возраста, но, не устоял. Маг попытался подняться, но его отбросил удар ноги. Офицер наскочил на него, успев обнажить клинок и вонзить лезвие в грудь старого человека. Серебряное лезвие впитало энергию волшебника, расстававшегося с жизнью. Батарея на спине издала протяжное гудение.

Офицер глянул на его рыдающую жену, опустившуюся на колени. Где-то глубоко в душе прозвучал голос родителей, которых он убил в шестнадцать лет по приказу инквизиции. До боли знакомая картина. Галлюцинация, ничем иным не было то, что он видел: лицо женщины сменилось лицом его матери, которое как он думал, было позабыто. Словно реальность смешалась со сном. Только он хотел подойти к ней, раздался непонятный звук, словно кто-то хлопнул ладонью по подушке. Рядом с плечом офицера пронесся тонкий светло-синий луч, который прошел насквозь через грудь женщины. Плач утих, и она рухнула на спину. Из пробитой лучом груди не текла кровь, как стало понятно, луч инквизиторской винтовки прижигает раны сразу же, как только их наносит.

— Мама. — Шепнул офицер, приходя в себя. Напарник не был уверен в том, что слышал, и подумал, что ему послышалось. — Она могла бы жить, убивать женщину было необязательно. Мы и так подавили ее волю, лишать ее жизни было крайностью.

— Пленных не брать. — Куратор сам так сказал. — Эти ружья просто шедевр, а ведь я ее только за плечо взял, а столько энергии получил взамен — красота! Эмоции выказывают мага, и он становится, словно фрукт, истекающий соком.

— Рад, что эти игрушки тебе по нраву.

— Теперь мы знаем, на что способны винтовки с таким зарядом. Кажется, я должен перед тобой извиниться, за то, что сомневался. — Пожал плечами шкуродер. Офицер стряхнул серебряную пыль с черного снаряжения и развернулся назад. Одна лошадь лежала в неестественной позе со сломанным хребтом, другая давно убежала, испугавшись схватки. — Ты неплохо показал магу всю суть инквизиции и собственные способности. На мгновение мне показалось, что источник магии ты сам.

— Не лижи мне зад, это не поможет. Просто впредь не оспаривай мои приказы, иначе тебя ждет такая же участь, как эту лошадь. — Офицер догадался, что серебряная пыль, покрывавшая его одежду, поглощает часть исходящей от него энергии, и поэтому не собирался стряхивать ее полностью. — Лучше подумай о настоящей проблеме, шкуродер.

— Это о какой еще проблеме?

— Нам придется идти пешком, если ты не придумаешь, как воскресить вон ту клячу. — Офицер указал рукой на мертвое животное. — Хотел бы напомнить тебе, что в сумках остались наши пайки и вода. И постарайся без некромантии, не давай мне лишнего повода для убийства.

— Очень смешно, что ты предлагаешь?

— Придется идти пешком без сна и еды, другого выхода нет. Нужно ликвидировать всех, кто движется к границе. Если маги пройдут через нее, они окажутся вне досягаемости наших законов, вне юрисдикции инквизиции — каждый из них прекрасно знает это. А от закона уйти нельзя...

— Поэтому поспешат переправиться туда?

— Разумеется. — Согласился офицер. — Много времени терять нельзя, нам следует быть на горе раньше прочих магов, которые будут, спасаясь, лезть через нее, как крысы, бегущие с тонущего корабля. Мы не успеем попасть на вершину сегодня, придется остаться на ночлег в поселке — на карте нет его названия, а находится он сразу у дороги, ведущей на гору.

— Кажется, куратор говорил что-то о том, что задерживаться в городе нельзя, дабы не спугнуть беженцев. — Задумался напарник. — Что нужно обогнуть поселение по скалам, не выказывая свое присутствие магам, тогда они не сразу побегут в горы. Нам следует ждать их уже наверху, тихо и незаметно, заняв более выгодную позицию.

— Выбора нет, придется идти через селение.

— Мы не успеем. — Вздохнул шкуродер сняв шлем, чтобы подышать свежим воздухом. В нем ощущался аромат сырой земли и свежей крови. — Ты предлагаешь сделать все быстро и тихо, а это не сочетается с нашим планом.

— Именно. Придется делать все тихо, быстро пополнить запасы и подняться в гору к основным силам инквизиции. Когда приличное количество магов и дезертиров Легиона хлынет в лес, он будет оцеплен королевской армией. Разведка короля обещала нам помочь с этим и следить за гостями леса. Капкан на людей, и он будет захлопнут, быстро

превратившись в гроб для всех наших врагов.

— Что будем делать с пленными?

— К сожалению, куратор приказал пленным не брать, поэтому делай с ними все, что заблагорассудится. Это настоящая бойня, в которой у беженцев нет ни малейшего шанса. Можешь противно улыбнуться, как ты умеешь.

Алистер закашлялся, поэтому сильно отстал от Роланда и Титуса. Бронзовый рыцарь сначала не обратил внимания, но когда заметил озадаченное лицо воина, решил поинтересоваться касательно кашля его спутника. Роланд лишь тяжело вздохнул, отведя взгляд в сторону, будто выискивая что-то в потемках леса.

— Это большая тайна?

— Думаю, что нет. — Пожал плечами воин. До этого они говорили о рыцарских титулах и привилегиях, что было ему особенно по душе, отчего он пребывал в хорошем расположении духа. Но тут желание продолжать диалог с седовласым рыцарем резко отпало.

— На привале он тоже отходил кашлять, будто это что-то неприличное.

— И что?

— Алистер кашлял кровью, он болен?

— Задаешь много вопросов, мой друг. Он в норме, незачем меня расспрашивать. — Озлобленно ответил Роланд, после чего оглянувшись на Алистера, продолжил шепотом. — Я не лекарь, не знаю что с ним, а он все скрывает. Я уже и спрашивать перестал, будь это что-то важное, друг бы сказал мне.

— Он бы сходил к лекарю.

— Какой дельный совет, без тебя мы бы ни за что не догадались. Это первое, что я ему предложил, Алистер отказался, сначала говорил о том, что во время трапезы поцарапал горло костью, это некоторое время меня успокаивало. Но кашель длится уже год, и с каждым месяцем приступы все чаще. Мы вне закона, все двери лекарей и целителей перед нами закрыты. Те скорее продадут беглых легионеров за один мешочек монет, чем вылечат за гораздо большую плату.

— За границей много лекарей, которые не лояльны к законам севера. Им плевать на инквизицию, и они смогут вылечить его, даже если болезнь очень запущена.

— Осталось туда только дойти. Давай сменим тему, поговорим о чем-то приятном?

— К примеру, о том, что этой ночью мы убили молодую девушку.

— Титус, да ты оптимист!

Роланд хотел уже хлопнуть рыцаря по плечу, как услышал едва различимые шаги напарника. Оба посмотрели на Алистера, который вытирал губы тряпкой, и заметили, что его лицо было бледнее обычного. Рыцарь видел похожую болезнь, но не стал делать никаких замечаний и поспешных выводов, ведь их ночная беседа была не самой удачной. Алистер прошел между спутниками, перейдя на более быстрый шаг, вскоре ставший вовсе бесшумным. Вырвавшись на пару метров вперед, он выбросил тряпку и еще больше ускорился — разведка всегда идет впереди.

— Что ты делаешь? — Шепотом спросил Роланд, глядя на Титуса, который, проходя мимо тряпки, подобрал ее и стал рассматривать, словно это был что-то ценное. — Выбрось эту гадость.

— Взгляни, в крови нет слизи и слюны. — Рыцарь продемонстрировал это, макнув палец в кровавый след.

— И что с того?

— Она темная, и скорее всего, ее источник находится куда глубже горла.

— Омерзительно. Ты похож на него куда больше, чем думаете вы оба. — Выхватив тряпку из рук рыцаря, воин отшвырнул ее подальше в кусты, после чего укоризненно взглянул на идущего впереди друга, который был уже в метрах двадцати от них. — Перестань дурачиться.

— Не делай из себя большего глупца, чем есть на самом деле. Ты прекрасно знал, что он сильно болен, попросту отказывался в это верить и питал иллюзии касательно его благополучия. Оптимизмом делу не помочь. Хотя ничего другого от лучшего друга ожидать не стоит.

— Я никогда не претендовал на место мудреца, в нашей команде уже есть один. А я идеально дополняю его своим мечом и крепким плечом. Если Алистеру нужно будет что-то мне рассказать, он сделает это, а пока давай просто закроем эту тему, она мне не по душе.

— Как скажешь. — Вздохнул Титус, как вдруг, вздрогнул от выкрика Алистера.

— Засада!!!

Спутники Алистера перевели на него взгляд, как раз в тот момент, когда он пронзил клинком одного из нападающих. Это была инквизиция. Накинув капюшон свободной рукой, Алистер выхватил короткий клинок и начал фехтовать с одним из налетчиков, в то время как другие враги, готовые к бою, приближались к Титусу и Роланду.

Рыцарь не сразу понял, что их дела плохи. Через мгновение послышался скрежет металла, Роланд обнажил меч и бросился в сторону врага, быстро и резво перепрыгивая через кустарники, что было удивительно для его массивной комплекции. Секундой позже в глазах Титуса помутнело, он уже лежал на боку, рукой отмахиваясь от одного из рядовых бойцов инквизиции. И вот оно, прозрение. Настало понимание происходящего, которое плохо сказалось на напавшем инквизиторе, получившем бронзовым кулаком по медному шлему: звон металла и скрежет разбитого окуляра бойца эхом разнеслись по лесу. Нападавший взревел от боли и упал на спину, беспорядочно размахивая руками словно пытаясь ослабить боль от, попавшего в глаза битого стекла. Титус воспользовался моментом и поднялся на ноги, сжимая в руках отнятое у противника оружие — серебряный инквизиторский клинок. В этот момент он понял: что-то брызнуло на его спину. Это была кровь одного из налетчиков, которую пустил Роланд, добивая врага мощным ударом. Как правило, такой удар оказывался для человека последним. Нанося его, Роланд издавал что-то вроде выкрика, выражая эмоциональный всплеск, который в некотором смысле пугал рыцаря и разрушал уже приевшийся образ доброжелательного воина-мечтателя. В бою Роланд — совсем другой человек — подумал Титус, после чего тут же вступил в схватку с очередным инквизитором.

— Легионеры! — Взревел кто-то вдали. К уже покойным шести врагам пришло подкрепление.

Боевой стиль Титуса был умеренным: он старался парировать атаки, атакая в последнюю очередь. Это позволяло ему дольше находиться в боевом строю. Дуэль он начинал с более сильных ударов, заставляя противника защищаться. Так было и сейчас. Что касается Роланда, глухая оборона — единственный способ как-то продержаться против его мощных и свирепых ударов, даже «ложный выпад» этого воина мог оказаться для

противника смертельным.

— Ну же! Кто на меня? — Взревел воитель в красной железной маске. Он наседа на одного из инквизиторов, нарочно нанося удары по клинку, который изо всех сил пытался удержать соперник. Неужели он получает удовольствие от сражения и поэтому затягивает его? Нормально ли это? Но Титус не пытался напугать инквизитора, скорее выжидал еще кого-то, кто придет на помощь жертве. Так и произошло, им стал шкуродер, на его месте не вступить в бой был грехом: его друг на равных дрался со здоровяком и пока вполне успешно: ставил блоки, не пропускал удары. Но стоило Титусу присоединиться к схватке, он понял, что это была уловка, боевая подлость — воин словно озверел, что-то выкрикнул на неизвестном диалекте, дернув мечом в сторону. Два покойника рухнули на спину с такой силой, будто обоих приложили кувалдой.

— Ха! Сволочи! — Весело взревел воин, возрадовавшись облаку крови позади них.

В это время Титус вот-вот собирался нанести точный удар в грудь, доспех инквизиции, хорошо пропускает через себя сталь, в отличие от магии. Но затея не удалась: позади противника что-то мелькнуло, а из его груди показалось острие клинка. Затишье. Титус всмотрелся в глаза Алистера, который добил его соперника.

— Нет ничего достойного в убийстве человека со спины.

— Тут тебе не рыцарский турнир. — Процедил сквозь зубы Алистер, нарочно уронив тело инквизитора ему под ноги, словно указывая на ошибку. — На его месте можешь оказаться ты, в любой момент.

— Ты мне угрожаешь?

— Ты умрешь от моей руки, только если нападешь на меня. В любом другом случае, только ты сам несешь опасность себе и нам. — Оглянувшись на Роланда, разведчик продолжил. — Дюжина инквизиторов, по армейским стандартам — ударная группа. Стоит ли говорить, что все это значит?

— Похоже, нас ждет засада покрупнее. — Поразмыслил рыцарь.

— Они сами не ожидали нас встретить, повезло, что мы не шли тут часом ранее. Взгляните, трава вытоптана, к горам подтягиваются люди, скорее всего — силы инквизиции. Это западня! Безопаснее будет прорваться с боем через посты королевской гвардии, стоящие на главной дороге.

— Нельзя. — Уверенно сказал Титус.

— Как же я мог забыть спросить тебя?

— Кроули уйдет!

— Да к черту пусть идет, этот твой Кроули! — Вспылил Алистер, заставив Роланда тяжело вздохнуть и податься вперед. Он не знал, на чью сторону вставать: оба спутника были по-своему правы. — Титус, догоняй своего предателя сам, мне моя жизнь дороже.

— А теперь ты меня послушай. — Подошел Титус, крепко схватив Алистера за плечо. Чтобы избежать неловкой ситуации, он оглянулся на Роланда и убедился в том, что воин начал удаляться от них. Сколько бы ты не строил из себя эгоиста, я вижу тебя насквозь. — Прошептал рыцарь, рука которого все сильнее сжимала крепкое плечо разведчика. — Достаточно хорошо, чтобы невзлюбить и зауважать одновременно.

— Удиви меня. — Процедил сквозь зубы Алистер, выскользнув из хватки рыцаря.

— Ты ведь не просто так стал рваться через границу. Ты не просто так вскочил с насиженного места и, схватив за руку Роланда, начал тащить в края, где его ждет лучшая жизнь, где ему не придется озираться по сторонам и избегать толпы.

— К чему ты ведешь? Теплое место будет ждать как его, так и мой зад.

— Не обманывай себя. Ты двинулся с места не из-за гонений. Считаешь, что защита Роланда — самое важное в твоей жизни? Почему? Он спас твою шкуру, считаешь себя обязанным отдать долг? Обороняешь его, учишь уму-разуму. Сначала я подумал, что ты такой человек, альтруист узкого действия, но ты не из их числа. Эгоист, самовлюбленный, своевольный! Хочешь, перед тем как скончаться, перевести Роланда через границу, чтобы он был в безопасности? Это, Алистер, называется дружбой. Вас можно даже назвать родней. Он готов ради тебя броситься на баррикады и пойти на штурм самых крепких замков, в надежде, что ты увидишь это. Заметь, наконец, его стремление угодить тебе и гордись им.

— Спасибо за совет.

— Не понимаю, чего боишься ты, также готовый смягчить любое падение Роланда.

— Мне не обязательно говорить об этом. Он знает, что я на его стороне.

— И ты не скажешь другу, что умираешь?

— А ты у нас лекарь, верно? — Спросил разведчик, поглядывая на блуждающего вдали от них Роланда, который своим поведением напоминал ребенка, ожидающего, пока родители перестанут ссориться и позовут его назад в дом.

— Ты говорил ему о своих предположениях, Титус?

— Догадывается и без моей помощи. В нем есть пыл и доблесть, как бы ты не лепил из него подобие себя, и это не мешает ему здраво мыслить. Роланд попросту пытается ничего не замечать, ведь ближе тебя у него никого нет. Я очень сомневаюсь, что ты поступаешь правильно, Алистер.

— А что мне делать, сестра милосердия? Прочитаешь мне проповедь о добре и зле? Что такого правильного ты мне посоветуешь? — Возмутился он, взгляд Алистера почти прожигал рыцаря насквозь, разведчик едва сдерживал новый приступ кашля. — Лечь в кусты, стонать и бедствовать о своей скорой кончине, моля богов, чтоб они исцелили мой недуг? Я не предоставлю им такого удовольствия и не умру, стоя пред ними на коленях.

— В глубине души, ты надеешься на существование богов.

— Будь они сейчас на небесах — не бросали бы навоз под ноги своему ребенку.

— Это можно назвать испытаниями, Алистер. Умереть, обратившись к богам для спасения души, не самый плохой вариант, особенно, если учесть твой образ жизни — разбой и грабежи, смерти и эгоизм, тебе обеспечена дорога в преисподнюю.

— Мою душу спасти не стоит, заботься лучше о своих проблемах. Заладил тут со своей смертью, если видел нечто подобное — молодец, ты и тогда нотации читал? Строишь из себя сказочного героя, носишь блестящие доспехи и прямо горишь желанием сложить голову в лужу своей крови, якобы ради спасения уймы людей. Ты вовсе не слушаешь, что я говорю, ты глух.

— А ты слеп, если не замечаешь того, что занят тем же, что и я, но на кону у тебя шкура еще одного человека.

— И что?

— То, что Роланд мечтает умереть в бою, он наверняка сделает это после твоей смерти.

— Так или иначе, он умрет свободным, на свободной земле, а не от рук паршивой инквизиции. Или безумной короны, которая доживает последние дни. — Алистер сплюнул в сторону. — Не хочешь подытожить? Если верить тебе, моя проблема это упрямство и небеспристрастное мировоззрение даже перед смертью, которая скоро меня настигнет. Верно?

— Ты все извратил.

— А твоя проблема в том, что ты ищешь приключения на свой бронзовый зад. И, если мне не изменяет память, это ты обратился за помощью. В данном случае, выводить меня из равновесия — не самая лучшая идея. Нам предстоит рискнуть жизнью, думай, что говоришь человеку, который будет прикрывать твою спину.

— Намекаешь на то, что моя жизнь будет в опасности?

— На данный момент нет, но ты не знаешь точно, как я отнесусь к подобным речам. Не знаю, является ли моя болезнь смертельной, но следи за своим языком, иначе, будешь иметь все шансы сгинуть раньше меня.

— Я тебе не враг. — Тяжело вздохнул Титус, отвернувшись от собеседника, внезапно он ощутил его руку у себя на плече. Это было неким потрясением, ведь таким жестом Алистер выказывал приязнь и уважение к рыцарю.

— Я тебе тоже. Поэтому не думай, что я хочу тебе вреда и оспариваю твои взгляды на добро и зло. Это в целях твоей защиты. Ты добрый человек, но я — полная противоположность. — Алистер не стал долго держать руку на плече Титуса — неискренность жеста была очевидна. Но собеседник понимал, что разведчику пришлось пересилить себя, а это говорило о многом. — Знаю, тяжело отказаться от своей жизненной позиции, но я бы не начал этот разговор, если бы сказанное мной не имело значения. Пусть все остается по-прежнему, хоть недолго.

— Понимаю, но скажи, неужели ничего не переворачивается в твоей душе, когда вокруг царят беззаконие и хаос?

— Переворачивается, но я привык.

Глава 3. Деловые отношения

Осень 1670 года, Везерлех, окрестности столицы Везерхолл

“Невозможно понять, хороший ли ты человек, если не убивал. От ощущений, приходящих после, все сразу становится на свои места. Почувствовав внутри пустоту, помни: ты был хорошим человеком, в противном случае — ничего не поменялось.” — Теодор Де-Ветт, глава гильдии убийц.

Наступало утро. В дубовом лесу неподалеку от озера стоял небольшой дом. Удивительно, что в столь раннюю пору на крыльце сидел его хозяин. Это был крепкий мужчина со светлыми глазами и темными, уже начинающими седеть волосами, которые были очень коротко подстрижены. Счищая кожуру с апельсина — довольно редкого фрукта в этих краях, он задумчиво поглядывал на озерную гладь и наслаждался тишиной. Человек слегка дернулся, когда кто-то окликнул его.

— Сер Дэнтон! — Подбежал королевский гвардеец Везерлеха, несший в руках какой-то сверток. — Сэр!

— Выкладывай. — Без интереса процедил он, закинув дольку апельсина в рот. — Боец, отдышись. Ты так через весь лес бежал?

— Так точно! — Он протянул свиток, после чего согнулся и начал быстро дышать. — Это очень важное послание, я не мог иначе. Приказ, вы же понимаете.

— Не понимаю. — Признался Дэнтон, вчитываясь в свиток. — В этом лесу никого нет: ни разбойников, ни охотников, никого, кто мог перехватить тебя с донесением. — Вдохнув, он слегка прищурил глаза, чтобы прочесть мелкие буквы. — Зрение совсем не то, что было раньше. Мне на секунду, почудилось, что королевская семья отправила меня в Темнолесье.

— Так и есть.

— Темнолесье? — Дэнтон закинул еще одну дольку в рот, глядя на гвардейца. — Ты хоть понимаешь, что бегом бежал ко мне, чтобы отдать письмо с очень плохой новостью? Кажется, ты сейчас с удвоенной скоростью будешь бежать назад, а за тобой погонюсь я с секирой.

— Не моя вина, сэр. — Перепугался гвардеец, отступив назад.

— Знаю. Хочешь апельсин?

— Никак нет!

— Яблочко?

— Никак нет!

— Как все запущено. — Шепнул про себя хозяин домика. — В общем, король хочет, чтобы я разобрался с орденом рыцарей-изменников, засевших в лесу. А все потому, что они перебили целый городок лесорубов.

— Так точно! — Продолжал вскакивать гвардеец. — Таким образом, Везерлех попробует избежать войны с севером. Мол, сами разберемся с изменниками, по старым законам. Однако союзу с севером больше не быть, в любом случае, границы перекроют, никакой торговли в ближайшие годы.

— Да чего все так боятся этого севера? Ну, здоровые вояки, ну любят снимать топорами головы с плеч, вливают в себя эль бочками, и что? У нас такие замки строят, что даже если умножить их войска надвое, они все равно не возьмут ни один из них. — Дэнтон вновь

вчитался в послание. — Единственного рыцаря натравить на орден таких же рыцарей?

— По донесениям, почти все воины ордена найдены мертвыми: часть в лесу, часть на месте преступления. Не обнаружены только тела Кроули Борна и Титуса Борна, но через границу они не переходили. Скорее всего, пошли через Темнолесье, дабы вернуться в свое убежище.

— Два брата, ясно как белый день, наверняка — два труса, которые покинули опасное место еще до того, как стало совсем горячо. Довольно знакомая фамилия — Борн, это как у нашего адмирала флота?

— А еще, у главнокомандующего пограничного форта на севере, Рихарда Борна.

— Большая семейка? Пожалуй, нужно чаще выходить из своих владений, столько новостей проходит мимо ушей. Влиятельные люди, пожалуй, это сильный удар по их репутации. Ладно, когда прибудешь обратно, скажи королю, что Дэнтон Стоун в деле.

Взглянув на уходящего гвардейца, Дэнтон метнул апельсин в озеро, после чего неспешно зашел в уютный и обставленный изысканной мебелью дом. В углу стояли тяжелые рыцарские доспехи, сталь была отполирована, а кольчуга отражала блики света, падающие от камина. Взгляд рыцаря перешел на алую тунику, а затем на рыцарский меч и щит, на котором расправил крылья черно-алый дракон.

— Вновь работа, вновь отправляться в путь. — Вздохнул он.

— Готовить скакунов? — Спросил оруженосец — невысокий парень, отрываясь от книги.

— Одного. — Весело процедил рыцарь. — Подготовь одного коня, Лерой.

— Милорд поедет один?

— Темнолесье, я еду туда. Думаешь, взять тебя с собой — хорошая идея?

— Вы считаете, я не справлюсь?

— Еще как справишься. — Успокаивал его Дэнтон. — Просто не стану рисковать. Моя цель, как я понял, братья-рыцари, которые пошли в Темнолесье, возьму, да поеду им навстречу. Прямо через горный хребет. Я слышал много историй о тех местах, пришло время лично проверить эти слухи.

— Что готовить в дорогу?

— Сухой паек на неделю, я не собираюсь там задерживаться, благо живу недалеко. Флягу с вином, точильный камень, все, как обычно, кроме одного. — Дэнтон взял щит в руку, указав оруженосцу на нарисованного на нем дракона. — Я должен оправдывать то, как меня называют.

— Дэнтон Драконья Кровь? — Обрадовался юноша. — Мне подготовить для вас взрывчатку?

— Бросай в сумку все, что только найдешь. — Дэнтон облизал языком внутреннюю часть губы, которая была слегка обожжена. — Дракону пора на взлет! Понимаешь, Лерой?

— Понимаю, сэр. — Отложив книгу, юноша поник. — Однако я очень хотел бы выдвинуться с вами.

— Успеешь еще, сынок. Я ведь не собираюсь уходить в отставку, не получив достаточно славы, да и куда объединенные королевства Везерлеха без меня? Я же легенда! Да взять, к примеру, войну между севером и нашей страной, я столько светловолосых зарезал, что со счета сбился. Даже легионеров, как орешки, щелкал, что мне Темнолесье!?

— Вы не страшитесь тех земель?

— Нет, сынок. — Дэнтон стал перекладывать латы и снаряжение на дубовый стол,

сметая рукой книги в дорогих тисненых обложках. — Не хочу, чтобы такое важное поручение короны выполнял кто-то другой. Обо мне уже слагают баллады, пока не стану известнее короля — не успокоюсь. — Он замер, выискивая взглядом какую-то деталь доспехов, а найдя ее, продолжил. — Орден Пылающего сердца перебил уйму народа в городке лесорубов, затем кто-то уничтожил их самих. Когда дело будет сделано, все запомнят только одно: Дэнтон Стоун умыл в крови тот самый великий орден. Честно сказать, эти бронзовые зазнайки всегда выводили меня из себя. Но, пользуясь своими связями с короной, я внесу свои коррективы в их существование.

— Убьете последних воинов ордена?

— Ты, разумеется, сказал без рыцарской романтики, однако, так оно и есть. — Дэнтон стал проверять защелки брони, искал пятна на блестящем покрытии нагрудника и осмотрел плащ, убеждаясь, что он целый. — Если бы я не выполнял свою работу должным образом, Лерой, не владел бы этим огромным участком и озером в придачу.

— Но цели сразу две!? Разве это честный бой?

— Два рыцаря на одного? Нет, ерунда, я куда лучше, чем какие-то фанатики, у меня есть оруженосец, а у них даже своих собственных домов нет! Бродяги, одним словом. Кто-то видел артефакты, которые те ищут? Нет! Зачем их вообще финансировали на протяжении долгих веков? Не отвечай, вопрос риторический. Просто дрожь берет, когда думаю об этом. Где была корона, когда я просил средства на собственный орден?

— Но у вас и так полно денег, милорд. Есть большая территория, а разрешение на создание объединения вы получили бы без проблем. — Лерой задумался. — И зачем вам свой орден?

— Да кто его знает. — Принялся одеваться рыцарь. — Просто подумаю об этом, и на душе становится теплее, да и к престижу стремлюсь, хочу, чтобы относились, как к королю, да и личная стража не помешает. Хотя, наверное, ничего бы менять не стал, может, завел бы второго оруженосца. Ты бы носил мой меч, а он — щит. — Дэнтон взглянул в другой конец гостиной — над камином была полка, заставленная рыцарскими шлемами. Среди них был и шлем Везерлеха, принадлежавший ему, но наш герой очень давно его не надевал. Дальше в ряд были выставлены остальные шлемы, привезенные из других стран и выполненные в разных стилях, с заклепками необычной формы и даже с оперением. — Лерой, когда я вернусь, моя коллекция должна быть отполирована, и освободи на полке немного места. Не знаю как, наверное, убери мой шлем вниз, на сам камин, а шлем серого legionera отодвинь в сторону.

— Зачем, милорд?

— Затем, что я вернусь с бронзовым трофеем. — Злобно улыбнулся Дэнтон, застегнув последнюю лямку на стальном нагруднике.

Не все Темнолесье было мрачным местом, раскрашенным в серые тона. Клык Дракона — городок с немудреным названием, который иногда наполнялся теплыми солнечными лучами. Он располагался в самом центре непроглядных лесов. Кроны деревьев Темнолесья обычно скрывают от его обитателей солнечный свет, но в этом городке, деревья растут не так густо, как везде в этих краях. Днем его улицы серые, ночью — черные, но вечером, когда солнце поворачивается под определенным углом — во время заката — свет начинает проливаться сквозь кроны, словно пробивая непроглядный черный купол и озаряя городок

оранжево-красным сиянием. Сейчас наступило как раз такое время, а с ним — возможность насладиться прекрасным зрелищем.

Город выглядел достаточно цивилизованно для этих краев. Территория Темнолесья небогата селениями, поэтому странно не встретить здесь хотя бы одну хорошо развитую общину с налаженной экономикой и кое-какими законами, хоть и абсурдными, с точки зрения признанных королевств, коим этот край никогда не являлся.

Почему не являлся? — Потому, что Темнолесье — всего лишь часть земель королевства Нортленд, хоть и имеет внушительные размеры. Стратегически важных ценностей темные леса не несли — древесина не стоит того, чтоб рисковать жизнями лесорубов. Любого посетителя встречали каменные или деревянные дома с темно-синей черепицей, которая сейчас, в свете солнечных лучей, играла оранжевыми красками. Железные ограды и постройки из красного кирпича начинались только ближе к центру селения. Здания не были похожи друг на друга: в каждом из них легко читались архитектурные особенности, присущие разным культурам, но смешанные с мрачностью, свойственной северянам. Это казалось довольно странным, по слухам, Драконий клык — был городом воров и убийц, но выглядел как самое обычное поселение ремесленников. “Слишком давно это было” — ответит каждый из жителей — все меняется, а время течет, принося в Темнолесье новые обычаи. Прогресс? Он есть и здесь: тех же мушкетов и пистолей городские жители не знали еще несколько лет назад.

Основной прибылью для поселенцев являлась алхимия и примитивная инженерия, например, производство элементарных мушкетов или простых механизмов: изделия переправлялись через горы в другие страны, принося стабильный доход. Пороховое оружие стало невиданным ранее прорывом, вследствие чего спрос на арбалеты очень упал. Обилие растений, которые можно было собрать в округе, позволяло заниматься алхимией, а некоторые лекарственные травы иногда прорастали на земляном полу хижин без участия владельцев жилища.

Кроме производства мушкетов, гильдия инженеров занималась изготовлением других необычных вещей. Ведь грех не воспользоваться залежами известной черной стали и месторождениями "светлячков" — камней, сияющих в темноте. Они способны придать шик любым украшениям, но не несут практической пользы. Камни добывали на продажу, жители Темнолесья почти не использовали их, ведь в здешних местах никому не хочется особенно выделяться.

— Вот мы и пришли. — Сказала привлекательная светловолосая девушка в легких кожаных доспехах. Железные пластинки на ее плечах были закреплены неаккуратными заклепками, а тугий кожаный корсет высоко поднимал пышную грудь. В синих глазах девушки сияла радость, что изрядно выводило из себя ее спутницу.

— Наконец-то! — Вздрогнула от злости ее подруга. Она была чуть ниже, темноволосая, темноглазая. Лицо казалось очень приятным. Сейчас брови аккуратными стрелами опустились вниз из-за злости, которую девушка так плохо скрывала. Поймав себя на мысли, что этот блеск в глазах спутницы раздражает ее, как толпа — изгоя, она поправила сумку на спине и не спеша пошла по тропе. — Я есть хочу, пить, спать и побыть в тишине, желательно, не менее века.

— Не ной, сейчас все будет на высшем уровне. Только не отходи от меня очень далеко, ведь я знаю столько хороших мест, город необычайно красив в закатную пору. Я ведь росла тут, помнишь мои рассказы?

— Запасемся едой, переночуем, и в путь. Мне не интересна архитектура этого варварского селения, как бы красиво солнечные лучи не падали на здешние крыши. Лужа мочи при любом освещении остается лужей мочи.

— Оно отнюдь не варварское, его история интереснее, чем сказания о древних, я говорю тебе это как уроженка севера, прожившая здесь половину жизни. Так что будь учтивей к моей второй родине, это воистину прекрасное место.

— Темнолесье считается частью севера, а не отдельным королевством. Так что будь реалисткой! Я не горю желанием кормить вшей в этой дыре и еще платить за это.

— На карте мира... — Продолжала блондинка. — ...Темнолесье выделено пунктиром настолько четко, что сразу видно его границы. Да и в этих землях Драконий клык считается столицей, так что, дорогая, добро пожаловать в колыбель ночи.

Встретившаяся на их пути таверна называлась "Пепелище", она была основана изгнанным рыцарем, давно почившим из-за болезни, подхваченной после ночи с дешевой куртизанкой в столице Гаардена. Необычное здание из дерева и камня привлекало внимание, а вывеска представляла собой тканевое полотно с названием, написанным кровью. Она была запекшейся, отчего приобрела коричневый цвет, напоминавший кое-что другое, но никоим образом не кровь.

Светловолосая воительница зашла в таверну первой и заметила, что деревянный пол был на удивление чистым но, несмотря на это, довольно старым, со скрипучими досками. Много поменялось с того момента, когда она была здесь последний раз. Людей было мало, столов и стульев тоже, поэтому они были расставлены, в основном, вдоль стен, якобы для того, чтобы освободить место для танцев. Около ступенек на второй этаж располагался прилавок с трактирщиком — шаткий и неаккуратно сделанный — обилие гвоздей так и бросалось в глаза.

— Приветствую вас, есть ли свободные комнаты? — Воительница улыбнулась плешивому трактирщику, но он лишь пожал плечами и отпил из графина, набранного специально, чтобы освежать бокалы посетителей. — Ночи уж больно холодные.

— Нет.

— Ты уверен? — Улыбнулась она, облокотившись на прилавок так, что большой бюст оказался прямо перед лицом собеседника. На секунду у него появилось желание нырнуть туда лицом, но здравый смысл взял верх, вернув его в реальный мир.

— Нет, милая. Но могу постелить вам в подвале за пять монет или у себя в спальне — бесплатно. Ну, почти бесплатно. — Уточнил трактирщик и пригладил волосы, ощущая себя куда привлекательней, чем было на самом деле.

— Боюсь, если я буду ночевать в твоей комнате, тебе придется спать в подвале, или что еще хуже — на улице, под кустами. На втором этаже много комнат, неужели все они заняты и нельзя выделить одну единственную каморку с двумя одеялами?

— Да, и все чертовы маги. Хоть какая-то польза от инквизиции благодаря ей волшебники не жалеют монет, лишь бы не оставаться в ночь на улице, зная, что все в Темнолесье мечтает их убить: от природы и погоды до самой инквизиции и разбойников. Их трусость и бегство через горы делает меня богатым человеком, а потому — счастливым.

— Что-то имеешь против магов? — Возмутилась вторая гостья, подойдя ближе к прилавку. Она была ниже своей воинственной спутницы, поэтому прилавок был ей по ребра, как и любому другому человеку. — Мне повторить вопрос?

— Только то, что преодолеть границу смогут не все. Это ведь Темнолесье, милочка,

неоправданный риск в каждом глотке воздуха, отчего у каждого поджилки трясутся от страха, и застывает кровь. — Сдержав паузу, трактирщик с почти беззубой улыбкой продолжил. — Ладно-ладно, давайте сделаем так: пятнадцать монет, и комната ваша. — Нельзя сказать, что злобный тон девушки или ее угрожающий взгляд заставил его это сделать, просто, таким образом, он набивал цену, которой явно не стоила ни одна из комнат. — Лучшего предложения вы не найдете. Идет?

— Идет! — Фыркнула девушка.

— Поднимайтесь на второй этаж, третья дверь по коридору слева.

Они сделали так, как сказал трактирщик, но дверь оказалась не та. Открыв ее, они увидели следующую картину: в комнате находилось трое мужчин. Один из них был в ярких бронзовых доспехах и заливался смехом, держась за свои короткие седые волосы, рядом, прикрыв ладонью глаза, сидел некто в черном капюшоне, зажав в руке бутылку вина. Это было проявление стыда, и довольно оправданное. Посреди комнаты стоял третий мужчина: светловолосый, с короткой стрижкой и абсолютно голый, демонстрируя тело, покрытое шрамами и рубцами.

— Разве он не гигант? — Спросил Роланд и только потом понял, что в комнату кто-то зашел. После чего развернулся к девушкам лицом и недоумевающее посмотрел на них, ничего не стесняясь и даже не пытаясь прикрыть срам.

— Я видала гигантов и крупнее. — Заметила блондинка.

— Да не про член я! — Выкрикнул голый мужчина, после чего указал на шрам на ноге. Бронзовый рыцарь и некто в капюшоне разразились громким смехом. Второй выронил бутылку вина, которая со звоном и плеском закатилась под кровать. — Я про шрам! Про шрам я! И вообще, нужно стучать, мать вашу за ногу! Убирайтесь!

Повторять не было необходимости, они бы с радостью ушли сразу, если бы глубочайшее удивление не парализовало их. Но, отойдя от шока и быстро захлопнув дверь, девушки быстрым шагом направились к трактирщику, который спустя несколько минут извинился и предложил другой вариант, сославшись на свою забывчивость. Он просто не записал, что сдал злополучную комнату часом ранее. Спустя еще несколько минут после скандала с хозяином трактира, девушки были уже наверху, в комнате, где царило спокойствие и не было никаких голых мужчин, что отчасти даже огорчало высокую воительницу.

— Тот светловолосый парень мне понравился. — Заметила она.

— Там было, как минимум, два светловолосых, другой сидел в капюшоне. Ты говоришь о седом, или том, кто торговал своим кудрявым хвостом?

— О том, который покрыт шрамами.

— Мари, ты издеваешься? — С раздражением в голосе спросила хрупкая девушка. — У него шрамов больше, чем солдат, погибших после великой осады. Он тебе так понравился? Может, еще замуж за него выйдешь? Наверняка, это какой-то головорез, разбойник или кто-то еще из их числа.

— У меня шрамов не меньше, да и вообще, тебе бы тоже не помешало мужика найти, а то умрешь старой девой. Ты же ни разу не вкусила сладости греха, после "того случая". То и дело, жалуешься на жизнь, а стоит кому-то положить на тебя глаз — вырываешь его. Признай то, что ты старуха с молодым телом.

— Полно других забот, вот и все.

— А ты попробуй, отвлечешься. Не все же время думать о проблемах и ненастьях.

Слушать это было уже невыносимо. Так что она сдалась: желание выпить вина и упреки

Мари все же сделали свое дело, хоть и спустя час уговоров. Через мутное стекло уже не пробивался золотистый свет, в почти пустой комнате стало нечего созерцать, и она решила спуститься вниз, чтобы выпить. В коридоре Майя чуть не врезалась в двухметровые ходячие доспехи, пребывая в мыслях о дешевом вине.

— Извините. — Пронеслось из ее уст, ей было все равно, простое проявление вежливости. Ее даже не удивило, что по коридору с закрытым забралом разгуливала стальная статуя.

— Да все равно. — Заскрипел стальными плечами Кастиэль, пройдя дальше. Под его весом прогибались доски, издавая скрип на весь коридор.

Молодая волшебница была единственной девушкой в трактире, но никто даже не окинул ее взглядом. Попробуй — звучал голос подруги в голове. Вздор и наглость: телохранитель не вправе давать советы хозяйке. Попробуем — ответила она сама себе и высмотрела темноволосого парня, одиноко сидящего в углу таверны. Кажется, это тот самый "некто" из троицы. Майя узнала его по одежде. Вальяжно подойдя к занятому им столику, она уселась напротив. Получалось довольно неловко, девушка не привыкла знакомиться первой. Бедолага оглянулся по сторонам и насчитал около трех свободных столов, после чего непонимающим взглядом уставился на нее.

— Можешь угостить выпивкой.

— Разрешаешь? — Озадаченно взглянул Алистер. — С чего это вдруг?

— Моральная травма после "шрама" твоего друга. — Съязвила она, увидев, что незнакомец признателен ей за эту шутку. Собеседник достал из-под стола бутылку вина и придвинул к ней свою кружку. — А ты из чего будешь пить?

— Из другой кружки. — Пояснил он, развернувшись назад, взял кружку с чужого стола и поставил перед собой, подмигнув ее бывшему владельцу. Он был настолько пьян, что не смог выдавить из себя ни единого слова, только невнятные звуки. Похоже, нахальная кража забрала у пьяницы все силы, и он просто лег головой на стол и уснул. Алистер отлил себе вина и снова погрузился в свои мысли.

— Меня зовут Майя, я родом из королевства Везерлех.

— Молодец. — Похвалил он.

— Мило. — Буркнула Майя. — Думала, ты удосужишься представиться в ответ.

— Алистер Де-Ветт, родом из Темнолесья.

— Де-Ветт? Век назад семья с такой фамилией входила в совет короля Гаардена, тебе повезло с родословной, если не брать в расчет ваше дальнейшее изгнание в Острогорье.

— Не в Острогорье, моя дорогая, а в Темнолесье, и да, в моей семье бывали времена получше.

— Прости, я как-то не подумала.

— Ты не сказала ничего такого. Мир слишком тесен, вот и все. Какая настоящая цель твоего визита ко мне? — Алистер попробовал вино, не отводя взгляда от собеседницы.

— Спутница плешь мне проела, мол, пойди с кем-то познакомься, дабы разрядить обстановку, а это явно не мое. Да и нет никакого желания рассказывать о себе.

— Я очень плохой собеседник, нашла бы кого-то поинтереснее.

— Да так и спугнуть можно, я понимаю. Сама не в восторге, но придется мне найти собеседника на сегодня, иначе буду выслушивать о боевых подвигах своей подруги.

— Я тут по той же причине. Все мы делаем то, что нам не по душе, впору привыкнуть.

— Ну, думаю, ты прав. — Пожала она плечами. — К примеру, убивать.

— Нет уж, убивать мне нравится. А вот рассказывать о себе — не особо. Ладно, пусть будет по-твоему. Давай попробуем начать сначала, поведай о себе. Расскажи о своей жизни. Я уже привык слушать чью-то болтовню.

— Когда я была совсем маленькая, мою семью уничтожила инквизиция, но мне удалось бежать. Да, честно говоря, скрываться тогда не хотелось, было тяжело оставить брата, он бежал со мной, но не успел. Его схватили, бедный Кристофер, пытавшийся меня защитить. Он тоже был еще ребенком. Понятия не имею, что там делают с рожденными от магов, но об этом даже думать страшно. Потом я скиталась, приходилось воровать, а в пятнадцать лет, в собственный день рождения, мне впервые пришлось убить человека.

— Неудачная кража?

— Нет, меня взяли в семью, приютили. А человек, который был моим названным отцом, начал вести себя неподобающе. Что-то словно переключалось у него в голове: пока он был с женой — считал меня дочерью, но стоило ей выйти — сразу видел во мне женщину. Черт, я была очень юной. Время от времени он пытался пускать в ход руки. Я сожгла эту свинью и не жалею. — Отпив из кружки, девушка стала ожидать испуга собеседника.

— Ну, бывает. — Холодно ответил он, отчего Майя опешила — ей никогда ранее не приходилось видеть, столь безразличного человека. Или, может, ему нет дела до подобных вещей, может, он привык видеть насилие, это было бы разумно предположить, учитывая то, что его семью изгнали, тем более в эти края. Если это конечно правда — подумала Майя. — Он склонил тебя разделить с ним ложе?

— Нет, я была на тот момент достаточно своевольной и не давалась без боя. А ты? Что насчет тебя, расскажи мне что-нибудь о своей жизни.

— Плохая идея.

— Так не честно, о себе я рассказала.

— Когда я был мал, меня бросили отец и брат, а матери даже не помню — ее убил рыцарь, вскоре у нашей семьи забрали поместье, которое должно было достаться мне по праву. Я вырос под открытым небом, нашел друга, да, того самого, с коротким членом, но с длинным шрамом на ноге. Все его попытки превратить меня в подмастерье своего отца-кузнеца были тщетны. Я все равно стал вором, сначала как ты, чтобы выжить, ну а позднее — потому, что у меня хорошо выходит. Настолько хорошо, что могу обокрасть кого угодно.

— Ты всю жизнь тут прожил?

— Нет, я был в Легионе. Тоже бегу от закона, в этом трактире каждый второй маг или легионер, вполне можешь найти собеседника, подобного себе, волшебников тут много. Я ведь ничего не смыслю в колдовстве, со мной тебе будет скучно.

— Кажется, я не говорила о своем даре.

— Это не дар, а проклятие. — Вздохнул Алистер. — И ты говорила, что твою семью убила инквизиция, те на простолюдинов даже не посмотрят, поэтому я сразу догадался. Сама забываешь, о чем рассказываешь. Не переживай, мне все равно кто ты. И подруга права, тебе стоит быть немного веселее, хочешь шутку?

— Можно.

— Сколько нужно инквизиторов, чтобы прибить полку?

— Не знаю. — Задумалась Майя. — Сколько?

— Два. Один говорит другому что полка — это маг, а другой с радостью ее прибьет.

Шутка была не очень-то веселая, но этого было достаточно, чтобы она улыбнулась и

слегка отвлеклась. Как бы то ни было, этот Алистер слегка настораживал. Слишком хороший слушатель, но спокойный до безразличия. От таких людей веет опасностью, вдруг он инквизитор? Ходят ли они в обычной одежде? Столько вопросов и ни одного ответа.

— Сколько из того, что ты мне рассказал — правда?

— Смотря, что принимать за правду. Ведь не факт, что все так, как я знаю.

— Ты сам веришь собственным словам?

— Неохотно. — Вздохнул Алистер, после чего сделал долгий глоток вина. — Ты голодна?

— Ну, я поела хлеба. Денег у нас в обрез, а чтобы купить новый дом за горами, нужно быть менее расточительными.

— Нерасточительная и неприхотливая к еде девушка, чего только не встретишь в этих дивных краях. Думаю, не стоило шутить про инквизицию при маге, вышло не очень весело. Это как приехать в Фаурен и пошутить про рабство, вдруг не знаешь, работоторговля там процветает. Недолюбливаю ни тех, не этих.

— Что же так? Ты со мной довольно мил, не сказала бы о твоей неприязни к магам.

— Маги, рыцари и инквизиторы, слишком высокомерны и тщеславны. Трудно чувствовать симпатию к тем, кто высокомернее тебя самого. Маги считают себя сверхсильными, неуязвимыми и бесстрашными. Рыцари — тупы и неповоротливы, полны гордыни и напыщенности. А вот инквизиторы, даже не знаю, думаю тяжело любить тех, кто пытается тебя прикончить. Ты же напротив — кажешься мне неопасной.

— Ты ведь это всем говоришь.

— Только девушкам. — Признался Алистер, припав губами к деревянному краю кружки. — Якобы боги бродили среди нас и только они обладали силами, но потом покинули наш мир, оставив свой след — людей, наделенных даром.

— Якобы? От религии ты на расстоянии вытянутой руки, ведь так?

— Если я когда-то захочу выслушать откровенный бред, я отправлюсь в храм одного из ваших лживых богов. Так что да, это не мое. Хоть погибший принц и пользовался легендами, дабы воодушевить своих солдат, существование богов эти рассказы не гарантировали, в них упоминались небесные расы, некие святые воины, оттуда и пошло название Серого легиона. Существование других разумных видов вполне возможно, наука доказала, что даже палка может стрелять — это я про мушкеты.

— Легион, значит? — Кокетливо спросила она, а собеседник затейливо сложил руки перед собой.

— Легион, впечатляет, Майя?

— Ты явно избегаешь открытых боев, ни единой царапины на лице, ни шрамов, ни рубцов. Не думаю, что ты шел в первых рядах, да и на простого солдата ты явно непохож, наверняка из офицерского состава, ведь лучшая броня — это отряд солдат, идущих впереди. Любишь ли ты прятаться за чужими спинами, Алистер?

— Все в точку, но с небольшой поправкой. Для начала, я шел намного раньше первого ряда солдат. Человек перед тобой — разведчик, так что я вступал сражение, до того, как оно начиналось или делал так, чтобы боя не было вовсе. Что касается офицерства, все верно, но я не прятался за спинами союзников, а прикрывал их, таясь исключительно в тени и за спинами врагов. Мое тело защищала ловкость, ведь нельзя ранить того, в кого ты не в силах попасть.

— Столько пафоса в словах, ты мне определенно по вкусу.

— Тогда у тебя хороший вкус.

Двери в таверну распахнулись, обдав всех легким сквозняком, отчего в помещении стало немного прохладнее. В зал вошла средних лет женщина: волосы слегка потрепаны, а внешность не примечательна — не самая красивая дама в городке. Алистер хорошо ее помнил. Когда-то давно, он был еще совсем мал, в городок переехала графиня, изгнанница, как и его отец. Только причиной ее ссылки стала не причастность к гильдии убийц, а похоть и разврат.

В отсутствие мужа она успела полежать в постели со всеми слугами своего поместья, а возлюбленный супруг прознал о ее похождениях и сослал неверную жену подальше от дома, разумеется, сюда. Похоже, это была ее дочь, которая достаточно последовала тропой своей матери. И вот она брела по таверне, а все, кому не лень хлопали ее ладонью по заду, весело выкрикивая пошлые фразы. Можно было услышать что-то вроде короткого стишка, высмеивающего ее. Жалкое зрелище — подумал Алистер, но тоже шлепнул ее. Собеседница попятилась назад, удивленная таким поведением.

— Приревновала? — Улыбнулся Алистер, после чего под столом передал Майе кошель монет, который секундой ранее болтался у блудницы на поясе. — Сходи и возьми нам поесть.

— Ты вообще с ума выжил? Тут же много людей!

— Именно! Каждый шлепнул эту овцу, никто не поймет, кто именно украл деньги, да и посмотри на нее. Она едва на ногах держится, идет к прилавку и думает выпить еще. Судя по одежде, эта женщина не из бедной семьи. В таком состоянии она решит, что забыла кошель дома или потеряла в кустах, где ее только что кто-то имел. Взгляни на ее платье, все в траве. Да и вообще, это не так важно, как пустой желудок...

— Ты очень принципиальный вор, верно!? — С улыбкой ответила Майя. — Мне это нравится куда больше, чем нытики, которые то и дело пытаются надавить на жалость, чтобы запустить свои паршивые клешни мне под корсет.

— Возможно, ты единственная, кому нравится моя натура. — Осматриваясь, вор припал губами к кружке вина. — Многие делают то, что у них хорошо получается, так люди и выживают. Кузнец открывает лавку кузнечных изделий, а алхимик — лавку со снадобьями и припарками, я же, в свою очередь, обладаю талантом к воровству. И никак не стыжусь этого, возможно, я добился меньшего, чем ты, но вполне счастлив от того, что уже имею.

— У нас довольно странное свидание.

— Так значит, это можно назвать свиданием?

— Или деловыми отношениями. — Задумалась Майя. — Мы ведь друг другу помогаем.

— Помогаем не умереть с тоски? Наверное. — Он выдержал легкую паузу, всматриваясь собеседнице в глаза. — Судьба редко сводит двух случайных людей повторно. И пусть мы идем почти одной дорогой, не факт, что встретимся снова, а жалко. Вы можете не дойти или я, неважно. — Алистер быстрыми плотками осушил кружку и перевел взгляд на почти пустую бутылку вина.

— И ты не предложишь отправиться вместе? — Удивлялась чародейка.

— Нет, не предложу. Видишь ли, от моих друзей одни только беды, если у нас или вас есть шанс выжить, то по отдельности — без обид. Большие группы приметны, а женская компания будет только отвлекать. Наша троица и так слишком примечательна: бронзовый рыцарь, воинственный северянин и очень привлекательный вор.

— Как ты себя любишь. — Заметила Майя, а Алистер поморщился, выпив винногс

осадка. — А что с вами делает рыцарь, как ты сказал, бронзовый. Он твой друг?

— Как ты говорила ранее, это деловые отношения. Но вернемся к совместному путешествию. Вы, милые девушки, все время будете требовать привал, забирать время, которого у нас в обрез, за вами придется досматривать, следить за вашим благополучием. И как бы мне не импонировала твоя компания, нам не по пути.

Крыша “Пепелища” была скользкой, поэтому стоять на ней было затруднительно, но Измаилу это не мешало: пользуясь метательными ножами в качестве опоры, он быстро и тихо передвигался от одного края кровли к другому, словно паук, ползающий по своей паутине. Наемник следил за двумя девушками всю дорогу до городка, изначально решив просто проверить, кто они. Одной из дам вполне мог оказаться переодетый Титус, которого ему заказали убить. Но когда все прояснилось, Измаил просто продолжал идти за ними по пятам без явной цели и мотива. Зацепившись за край, наемный убийца спрыгнул на подоконник окна второго этажа: на полу комнаты кто-то спал в обнимку с бутылкой вина, лишь немного не дойдя до кровати. Волосы не седые, а значит точно не Титус. Грациозно перескочив на другой подоконник, Измаил обнаружил пустую комнату, и так еще несколько. На очередном подоконнике наемник едва удержался — из-за недавнего дождя металл был еще мокрым. Нога соскользнула, и рыжеволосый убийца чуть не канул вниз, все могло сложиться иначе, если бы он не успел схватиться рукой за выступ. Внизу кто-то справлял нужду и не обратил на шорох внимания, но один из ножей был уже наготове — лишний шум ему не нужен.

Если Измаилу приходилось ликвидировать свидетелей, он называл это сопутствующими жертвами, на которые никогда не скупился, ведь ему платили за эффективность работы, а не чистоту исполнения. Если сравнивать его с другими наемниками-убийцами, то те находили “занозу” и аккуратно ее удаляли, тут всегда была вероятность провала. Но Измаил — человек другого рода, “занозу”, он вырывал с мясом, лишними жертвами, шумом, после которого королевские глашатаи будут еще неделю выкрикивать длинные списки погибших. Таким образом, он и стал легендой в узких кругах наемников. Но всегда, без исключений, Измаил выполнял заказ. Как-то раз ему пришлось вырезать всю деревню, так как он не знал цель в лицо, а под описание подходили почти все жители.

Подтянувшись и заглянув в окно, он наблюдал один из самых непристойных видов сношения, и это было отвратительно — он на дух не переносил мужеложцев. Поморщившись, Измаил перескочил на другой подоконник. Посреди комнаты, развернутый спиной к окну, стоял кто-то обнаженный, весь в шрамах и рубцах. Волосы светлые, но не пепельные, опять мимо, а значит нужно продолжать поиски.

Роланд, почесав живот, продолжал стоять, отвернувшись от окна, и даже не подозревал, что к нему мгновением ранее заглядывал наемный убийца, отправленный за его спутником. Вдруг из-за кровати выглянула голова Титуса, тяжело вздыхая, он отшвырнул чей-то башмак в угол комнаты.

— Роланд! Может, ты уже наконец-то оденешься?

— Может, но мне и так хорошо: легкий ветерок обдувает мое закаленное в боях тело. —

Он, почесав щетину на подбородке, с интересом следил за действиями рыцаря. — Обязательно ли убирать под кроватью? Тебе же за это не платят, и вообще, это же не твоя кровать. — Голый воин сел на рядом стоящую койку, начав пристально рассматривать рубец на колене, пытаясь припомнить, как и когда его получил.

— Не привык спать в таких условиях, никогда не знаешь, когда эта осторожность может спасти тебе жизнь. — Поднявшись на ноги, рыцарь начал снимать с себя латы и складывать возле кровати.

— Если бы ты вытер пыль, ничего плохого бы не случилось. Нужно бояться пыли, лишь на своем мече, как тебе такое? Я говорил это и Алистеру, когда он пытался очистить от нее стол в одном из трактиров, но этот зануда процедил что-то вроде — "Лучше пыль на мече, чем на надгробии", как всегда, выкрутился. Вот я, когда он говорит что-то из ряда вон выходящее, хвалю его, а он в свою очередь, делает такое лицо, словно не слышал моих слов.

— Он не из тех, от кого стоит ждать похвал и комплиментов, это типичный высокомерный лидер.

— У нас равенство, никаких лидеров. — Возмутился Роланд, нелепо пытаясь изобразить безразличие.

— Сам-то веришь в это? — Ехидно улыбнулся рыцарь, словно рыба, крюк которого заглотнула большая рыбешка. — Если тебя это задевает, то моя теория была верна, ведь это он всегда решает, что и как делать, куда идти, где устраивать привал, верно? Он классический лидер-тактик, берет, конечно, не пламенными речами и идеей, но хорошо манипулирует, строит какой-то план и уже привык, что все ему следуют. Алистер своеобразный сценарист, чтобы он не планировал — будет так, как он хочет.

— Хватит копошиться под койкой!

— Как знать. Как-то раз мы с моими людьми остановились в Имперском городе, там сняли комнату, а под кроватью оказался механизм. Что-то с проволокой, порохом, металлической стружкой, никогда не понимал, как инженеры это делают.

— Чем все закончилось? — Поинтересовался собеседник, не отвлекаясь от своего колена.

— Одного нашего аккуратно и равномерно размазало по потолку, а еще трое потом стеснялись выйти на люди без шлема. У кого-то из них щека свисала с челюсти, как ухо старого пса. Имперские убийцы изящны в своей работе, и хоть я повидал достаточно механизмов, этот мне запомнился. И был начинен не хламом в виде пороха и гвоздей, как это обычно бывает. Нет, то была жидкость, вязкая и очень опасная.

— Да как ты вообще умудрился перейти дорогу повстанцам империи? — Удивился Роланд, искренне интересуясь его приключениями. — Отродясь не был за великой стеной, говорят, это необычайно красивое место.

— Действительно так, эти аккуратные сады, дивные животные, необычные дома, однако, там процветает тирания, оттого и ведутся повстанческие войны. Император-диктатор стар как мир, но не столько страшен он, как его наследники. Чего только стоит главнокомандующий флота, по рассказам, он перебил уйму народу. — Рыцарь задумался, словно вспоминая те края. — Повстанцы посчитали нас отличной целью, так как мы были представителями другой крупной страны. Разразись между Везерлехом и Империей война, это пошло бы им на пользу.

— Эй, мне кажется, там паутина осталась, чистюля. — Подбодрил его воин и рыцарь вновь скрылся под кроватью, выругавшись и продолжив выискивать источники грязи. Хоть

он и так уже все проверил несколько раз, уверенности в чистоте как не бывало. Никто даже и не заметил, что за спиной у Роланда, за окном, вновь кто-то прошелся по выступу, в обратную сторону. Неужели ему по нраву сидеть голым в пустой комнате — подумал Измаил и скрылся. Титус, тяжело дыша, вылез из-под кровати и нервным взглядом окинул Роланда.

— Нет там никакой паутины.

— Да знаю я. — Ехидно улыбнулся он. — Надевай что-то простое и пойдем выпьем с Алистером.

— Не тебе говорить мне, чтобы я одевался. Откуда у вас монеты на выпивку?

— Тебе не понравится. Грабежи, разбойные нападения на торговцев, всего понемногу. Чтобы выжить, нужно отказаться от доли человечности, а если хочешь быть в безопасности — перестань считаться с ней вообще.

— Цитируешь Алистера?

— Именно.

— И устраивает ли тебя такая жизнь, Роланд?

— Нет, меня нет, отчасти. — Он начал одеваться, что не могло не радовать собеседника. — Но кто возьмет на честную работу двух человек, гонимых законом? Смешно представить, как враги народа сидят в казначействе короля и ведут учет сбыта древесины.

— Тоже верно, но грабежи...

— Я конечно не Алистер, но вижу, что тебе тоже есть что скрывать, верно?

— Всем есть что скрывать, мой друг.

— Всегда знай, что я с радостью тебя выслушаю и поддержу. Я очень рад, что путешествую с тобой, есть с кем поболтать. Алистер и слова не по делу не выдавит. Такой спокойный, молчаливый, нравоучения свои зачитывает каждые полдня, а если кто нападет, так сразу скачет из стороны в сторону, и все умирают, я его иногда даже боюсь.

— Он меткий стрелок, верно? Так почему лук, а не огнестрельное оружие или арбалет? Возможно, его тяжело найти, ведь это новинка на рынке вооружения, но думаю, стоит того. — Предположил Титус, на что Роланд нахмурил одну бровь и приподнял другую, пытаясь перекривить Алистера: — "Это оружие издает слишком много шума, мои враги в последние секунды жизни должны слышать лишь тишину". — Прочитировал Роланд.

— Когда-то этот пафос погубит его.

— Да, мне не особо повезло с родней, Алистер заменяет мне брата. — Признался воин. — И не удивляйся, что у меня есть брат. Он стал кузнецом, которого не смогли вырастить из меня. Военное дело его мало интересует, так что все же не повезло мне с кровной родней.

— Мне тоже, если бы ты только знал.

— Как тебе пародия, Титус?

— Похож, как две капли воды.

— Я уже предлагал ему мушкет, даже подарил один. И как-то раз он ушел куда-то и вернулся без него, однако, с горстью монет. Сначала мне было обидно, но Алистер наверняка знает, как лучше. Помню, был случай, похожий на этот, примерно на полгода позже. Я захотел арбалет, думал, что было бы очень хорошо стрелять в два прицела.

— Но он не одобрил?

— Он сказал мне следующее: "День, когда ты возьмешь в руки лук, а я двуручный меч, станет для нас последним". Сначала это показалось мне глупостью, но нельзя отрицать его

правоту. Я хорошо стреляю, но намного увереннее чувствую себя, держа в руке эфес меча. Да, мне иногда хочется прибить Алистера, но если бы мы не держались вместе, вряд ли смогли бы выжить.

— Это настоящая дружба, ему повезло с напарником, как и тебе.

— Странно, что ты одобряешь его кандидатуру как соратника.

— Не странно. — Пояснил рыцарь. — Попросту не разделяю его принципов, честь для меня важна так же, как и для тебя. Человеческая жизнь — высшая ценность, у каждого есть ради чего просыпаться, и отнимать этот дар — подлость. Для Алистера — это каждый глоток воздуха, каждый шаг, который он делает — этот человек ценит свою жизнь, но ценит и твою.

— Твою жизнь он тоже ценит, хочет, чтобы ты выжил.

— Хочет, но это сугубо деловые отношения. И знаешь, нас обучали многим техникам — распознавание лжи и анализ эмоций — одна из них. Алистер хороший лжец, но если постараться, можно прочесть и то, что я ему импонирую, и как бы глупо это не звучало — он уважает меня.

— Никогда не признает этого. — Вздохнул Роланд, начав натягивать штаны.

— Ему и не нужно.

В таверне становилось шумно, под вечер здесь собирались люди — многие мужи возвращались с рудников и лесопилок, приходили с охоты или сбора трав, нередко прихватывая с собой жен или любовниц — в отдыхе нуждались все. Алистер набивал себе брюхо жареной курицей с чесночным соусом и запивал все это элем. Собеседница же предпочитала менее жирную пищу и налегала уже на второй салат с ягодами и свежими помидорами. Послышался грохот мебели, оторвавшись от еды, они увидели Роланда и Титуса, которые подсаживались к ним за стол, громыхая стульями. Роланд вытащил стул буквально из-под пьяницы, которого ранее Алистер обделил кружкой, теперь бедолага лежал на полу, не моргнув и глазом, лишь пустив по щеке скупую слезу от своего бессилия.

— А я-то думал, мне уже никто не испортит аппетит. — Вздохнул Алистер, но окорок из руки выпускать не спешил.

— Да чего ты, не рад нас видеть? — С наигранным удивлением произнес Роланд, взяв из его тарелки самый большой окорок и начав его уминать, не замечая девушку, сидящую с ними за столом. Никаких манер, ведь еда, по его мнению, такая же святая, как и война.

— Представишь своих друзей? — Поинтересовалась Майя.

— Это Роланд, ты, наверное, не узнала его одетым, но это он. А это Титус, более культурен, чем мой друг, но та еще заноза в задку. — Слегка наклонившись к собеседнице, Алистер с отвращением прошептал. — Он рыцарь.

— На самом-то деле ты нас ценишь и любишь. — С набитым ртом пробубнил Роланд, припоминая слова бронзового друга, сказанные минутами ранее. — Это знают все, кроме тебя.

— Надейся.

Спутники переглянулись между собой, на их лицах появились улыбки. Но продержались они недолго, Алистер поперхнулся, устремив взгляд в другой конец зала. Роланд последовал его примеру — удивление было таким сильным, что он даже не заметил, как облил себя элем. Там за отдельным столиком сидел серый легионер, как и они — офицер. Разница была в том, что он не стесняясь, носил доспехи кавалерии Легиона как знак отличия ордена. Полный комплект стальной брони. Титус хорошо знал историю, узнав латы, он развернулся к

Роланду:

— Знакомая броня, верно?

— Офицерский латный доспех Серого легиона, отряд кавалерии, командирский. Я знал лишь одного такого бойца в нашем взводе, и его семь лет назад на моих глазах снесло с лошади пушечным ядром, его звали не иначе как Кастиэль, хороший был человек.

— Да. — С неохотой ответил Алистер. — Это неуважение к нашему давнему другу. Кастиэль видно, в гробу перевернулся бы, если б его не сожгли. Отвернитесь, не стоит так на него смотреть. Если хватило мозгов надеть эти доспехи в сезон охоты на Легион, ждать от этого человека можно чего угодно.

— Да что ты, он же оскорбляет память о нашем друге! Кастиэль вообще мог выжить тогда? Может, это он? — Возмутился Роланд, после чего привлек внимание воина, бросив куриную косточку. Та пролетела через весь зал и со звоном цокнула по его шлему. Стало понятно, что рыцарь смотрит на них сквозь забрало. Роланд оттянул воротник, указав пальцем на знак Легиона на шее. Такой реакции Роланд не ожидал — незнакомец молча встал из-за стола и спокойно ушел на второй этаж. — Ну и правильно, наверняка пошел снимать доспехи, пока мы не дали ему по шее.

— Ты что, не видишь, он наверняка не в себе! Хоть что-то из сказанного мной ты можешь не пропускать мимо ушей? Это ведь совсем несложно! Вдруг это инквизитор, переодетый в легионера? А ты ему показал символ, баран!

— Вздор. — Возмутился он, вернувшись к трапезе. — Инквизиции, по уставу, положено носить форму, не думаю, что один из них нарушил закон и облачился во что-то иное.

— Ему скажи. — Указал пальцем Титус, и все обратили внимание на спускающегося назад по ступеням легионера в доспехах — он вернулся, неся в одной руке двуручную стальную булаву, словно она была практически невесомой. Алистер, вытерев губы рукавом, встал из-за стола, потянув за собой Майю.

— Сам заварил эту кашу, сам ее и расхлебывай. — Пояснил Алистер.

— Эй, а ты куда?

— Потанцую с девушкой.

Поначалу это так и выглядело, прижав Майю к себе, он увлек ее в толпу танцующих посетителей, после чего они вдвоем протанцевали к черному выходу так быстро, как это только было возможно. Черт! — выругался Роланд, постаравшись встать и уйти, в то время как Кастиэль пробивался через толпу, расталкивая людей и ускоряясь в ходьбе. Безразличие окружающих ужасало: двухметровая стальная броня с громоздким оружием в руках быстрым темпом шагала сквозь толпу, но все плясали и веселились. Неудивительно, ведь это трактир, да еще и в Темнолесье. Титус единственный остался за столом, опешив от происходящего, он просто встречал подошедшего легионера.

— Ты не легионер! — Процедил стальной человек.

— Нет. — Возрадовался он. — Я их вообще не знаю, подсуди ко мне, пили вместе.

— Куда они пошли?

— Мне почем знать? — Пожал плечами Титус, но ответ не устроил громилу, поэтому он схватил рыцаря за воротник рубахи, слегка приподняв со стула. Послышался хруст рвущейся ткани. Осмотрев шею и поняв, что на ней нет знака Легиона, воин поставил булаву на пол и поднял забрало. Такого рыцаря еще не видел: лицо было страшно изувечено пламенем.

— Да кто ты такой?

— Офицер Серого легиона Кастиэль, а теперь говори где они!

— Понятия не имею.

Толпа радостно охнула, через зал в грохоту полетел стул, ведь трактирный мордобой — любимое дело в этих краях. Звон и хруст, но воин оставался на ногах, развернувшись назад, он встретился взглядами с Роландом. Стальная статуя подняла булаву и направилась к нему. Музыка слегка утихла, все разом передумали танцевать, с трепетом ожидая чего-то невообразимого.

— Мордобой! — Выкрикнул Роланд, рванув по ступенькам на второй этаж. Оглядываться смысла не было, этот громкий топот был отчетливо слышен, сомнений не оставалось: стальной рыцарь бежал за ним с такой скоростью, что это казалось сумасшествием. А секундой позже послышался шум и гам, крики, как радостные, так и истошно-болезненные — началась трактирная драка, в которой участвовали все, а музыка стала громче некуда, барды горланили, как только могли и ускоряли темп мелодий. Бег по коридору на втором этаже трактира был очень быстрым, Роланд не так глуп, чтобы без меча вести бой с тяжело бронированным легионером. Внезапно из-за угла кто-то вышел, и бегущий воин снес его своей массой. Он извинился, но сам побежал дальше, даже не помогая ему встать — было некогда.

Измаил, через мгновение придя в себя, обнаружил, что все ножи вновь разбросаны, в его голове даже всплыла мысль о том, что их не мешало бы хоть как-то закрепить. Только он попытался встать, из-за угла на него понеслось что-то похожее на таран, такое тяжелое, что наемник едва успел перекатиться в сторону.

— Эй, я тебя знаю! — Крикнул убийца, вслед изуродованному легионеру, которого уже встречал раньше.

— Мог бы и поздороваться! Мать вашу, зачем я вообще таскаю за собой эти ножи!

Но ему было все равно. Двухметровая машина для дробления костей мстительно стремилась за бегущим легионером, который успел закрыться в чьей-то комнате. Деревянная дверь — плохое препятствие. Именно по этой причине она влетела в комнату одновременно с Кастиэлем. Дверь пролетела через половину пустой комнаты, разрушив своей массой тумбочку, стоящую у кровати. Пока здоровяк пытался понять, куда делся легионер, Роланд шмыгнул позади него, со смехом помчавшись по коридору.

— Эти доспехи носил мой друг — Кастиэль!

— Стой! — Взвыл Кастиэль. — Это я и есть! И мне с тобой нужно кое о чем поговорить.

— Охотно верю! — Выкрикнул в ответ воин, даже не глядя на бегущего позади легионера. Добежав до своей комнаты, он перекатился через кровать, на ходу захватив с собой сумку и меч, шмыгнул в закрытое окно. Полет Роланда в кусты сопровождался звоном стекла и несколькими ругательными словечками.

Титус увяз в кулачном бою, ведь иначе пробиться к ступенькам было невозможно. Дверь в трактир была распахнута настежь, из нее то и дело кто-то выползал. Он с боем вернулся назад в коридор, поправляя рваную рубаху и осматриваясь. Подобный трюк с провокацией в трактире сработал бы и задержал погоню, если бы целью был не двухметровый стальной легионер. Мимо вновь пронесся Кастиэль, а спустя несколько секунд из-за угла показался Измаил. Они встретились взглядами. Седые волосы — тут был шанс обознаться, но других седых людей он здесь не встречал. Наемный убийца продемонстрировал свой оскал. Рыцарь понял, что подобная встреча не сулит ему ничего хорошего: ножи, недобрая улыбка — это не просто забияка с первого этажа, возможно, даже

подельник того стального легионера. Измаил сделал сальто, прыгнув на метр вперед, одновременно с этим запуская в затяжной полет пару ножей. Рыцаря спасли вовремя открывшиеся в коридоре двери, в них стояла молодая воительница Мари, с недоумением глядевшая на него.

— Что за шум?

— Отойдите! — Грубо бросил Титус, он заскочил в ее комнату, отворил окно и нырнул под кровать. Сразу за этим "странным типом" заскочил Измаил, увидев открытое окно, он на бегу вынырнул в него, заранее воспользовавшись кроватью, как батут. — Что происходит? — Продолжала интересоваться Мари, спокойно закрывая двери и подходя к кровати.

— Черт его знает. — Выглянул из-под кровати Титус, после чего попятился назад, глядя как из-под соседней кровати вылез знакомый воин. — Алистер?

— Вот так совпадение, каким судьбами? — Съязвил Алистер, помогая встать Майе. — А я тут, знаешь ли, пыль вытираю. Собой! — Добавил он. — А ты что здесь забыл?

— На меня напал какой-то рыжий парень, если бы не она, я бы остался лежать в коридоре, мне нужно добраться до своей брони.

— Пожалуйста. — Пожала плечами воительница, надевая снаряжение. — Майя, нам пора уходить отсюда, когда я говорила тебе пообщаться с кем-то, не думала, что это будет именно так. Там ведь наверняка были и адекватные люди.

— Это все Роланд! Где он? — Процедил Алистер.

— Без понятия, за ним погнался тот парень!

— Тут я! — Закричал знакомый голос за дверью. — Впустите!

Титус так и сделал, но стоило захлопнуть за ним дверь, в нее что-то врезалось, доски сразу же дали трещину, удары усиливались, а прореха становилась толще. Ситуацию усугублял некто, пытавшийся влезть назад в окно, из которого сам же и выпрыгнул. На подоконнике появились чьи-то руки, Титус недолго думая захлопнул окно, прибыв незнакомцу пальцы. Послышались грубые выкрики в его адрес и шорох кустов, а Роланд в это время пытался забаррикадироваться, подтаскивая всю мебель к двери. Даже когда дверь была заставлена шкафом и подперта двумя кроватями, спокойней на душе не стало.

— Есть идеи? — Поинтересовался Роланд, взглянув на Алистера, как и все присутствующие.

— Я-то что могу предложить? Что за тип, в доспехах Кастиэля?

— Кастиэль. — Заявил Роланд. — Так он сказал, по крайней мере, призраки существуют?

— У него лицо сожжено до ужаса. — Заметил Титус.

— Во что ты опять вляпался? — Процедил сам себе Алистер. — Нужно отсюда бежать, только вот как?

— Окно и дверь?

— Эти пути отхода отрезаны для нас, а пол и потолок — сами понимаете. Очевидных вариантов нет, забаррикадируйте дверь, укрепите ее, пока не созрел план, или пока нас не сожгут в этой проклятой дешевой комнатушке.

— Предлагаю дать бой. — Вклинился Роланд, на что рыцарь и воительница пожали плечами.

— Роланд. — Обратился к нему Титус. — У этой женщины хотя бы есть оружие и доспехи.

— Вообще-то, я еще девушка! Не подумал?

— Прошу тебя... — С недоверием скривился Алистер, изрядно рассмешив Роланда.

— Алистер! — Толкнула его Майя.

— Черт! Да что с вами не так? — Ошарашено спросил Титус. — Как вы можете вести себя как шуты, когда со всех сторон к нам рвутся, дабы прикончить.

— Майя, какой именно энергией ты владеешь? — Спросил разведчик, пристально всмотревшись в глаза милой темноволосой девушки, натягивая маску и капюшон.

— Думала, ты уже не спросишь.

Измаил обдумывал что делать, но ему было сложно сосредоточиться: голоса в голове становились громче, каждый твердил что-то свое, мешая расслышать остальные. Он спонтанно швырнул камень в окно и разбил его, спустя минуту камень вылетел обратно. Наверное, тот легионер мешает им выйти наружу, а в окно они не полезут, думая, что там я. — Размышлял убийца. Есть ли там Кастиэль вообще? Может он их уже убил? Обернувшись назад, Измаил понял, он не единственный следящий за таверной. Маги и легионеры давно уже исчезли, испугавшись суеты и драки, остались лишь местные жители. Никто не нападает — таковы обычаи Темнолесья — каждый сам за себя. Довольно разумный ход, увы, он знал, что сейчас "работать" нельзя, незнакомый человек сразу же привлечет много ненужного внимания. А единственным выходом является опережение, если легионер не прибьет Титуса, это придется сделать ему. Наемник извлек из кармана красный платок, который сразу же повязал на нижнюю часть лица.

— Пустите меня!!! — Закричал легионер, стоявший за дверью, нанося такие удары, что слышно было, как дверь рассыпается на щепки. — Это же я, Кастиэль!

— Да, сейчас. — С сарказмом процедил рыцарь. — Может нам еще самим себя убить?

— Было бы неплохо!!!

— Кастиэль мертв! — Крикнул в ответ Роланд. — Он был отличным малым и совсем не похожим на пережаренную отбивную!

— Это из-за вас я такой! Вы бросили меня гореть! Вы бросили Легион!

Самодельная баррикада не выдержала, в помещение ворвался стальной легионер, настолько тяжело втягивая воздух, что его дыхание было слышно в самом дальнем углу комнаты. Первым, кого заметил Кастиэль, был лучник, выпустивший в него стрелу, но это мало его волновало, поэтому рыцарь даже не думал увернуться, а зря. Стрела была с непростым наконечником. Раздался глухой щелчок, за которым последовал хлопок. Так среагировал боек, начиненный особой пылью, которая зажегшись от искры, вмиг окутала весь коридор густым дымом. Изумительный эффект. — Подумал Титус, поневоле став еще больше уважать разведчика, затем он вырвался из покрова дыма и в прыжке обеими ногами нанес удар по шлему нападавшего. Раздался оглушительный звон, напоминающий колокол часовни. То, что происходило в дыму, Алистер и Роланд не видели, но слышали удаляющийся топот рыцаря, бежавшего по коридору. Все шло по плану, ведь главной целью друзей оставалась защита Титуса, без него им не видать свободной жизни

Хоть воин и поглядывал время от времени на окно, Измаил все равно изловчился застать их врасплох. Вскочив в комнату коротким мечом наголо и скрытым тряпкой лицом, наемник встретился с воином в красной маске. Несколько взмахов стального меча заставляли нападающего убийцу дергаться в стороны, словно лист от ветра. В итоге, меч рассекал воздух в паре сантиметров то от лица Измаила, то от его груди. Алистер не вмешивался в бой, глупо было бы умереть от клинка друга, который перемещался из стороны

в сторону, или наоборот, ранить товарища. Роланд попятился назад, стараясь увернуться от летящих в его сторону ножей.

Это действительно талант — запустить в полет сразу четыре ножа, продержав их между пальцев в течение всего боя. Лишь один повредил его руку, остальные три встряли в кожаную латку на плече. Это был определенно прицельный бросок в область сердца, не иначе. Роланд, несомненно, опытный воин, умевший хорошо оценить темп боя, но сейчас ему необходимо было отдышаться. Резко нагнувшись, он позволил Алистеру перекатиться через свою спину, тем самым дав ему возможность вступить в стычку, не потеряв ни секунды.

— Черт! — Послышался гневный выкрик бронзового рыцаря, который словно пушечное ядро, вылетел из дымовой завесы и угодил в старый дубовый шкаф. Раздался хруст древесины, а сам Титус скрылся где-то в гардеробе, успев сверкнуть латами. А значит, все же добрался до своего доспеха в коридоре, но зачем было возвращаться? Поток воздуха вновь накрыл его дымом.

Алистер не переставал фехтовать с нападавшим, это напоминало игру, а точнее — сражение с зеркалом, техника боя, ритм и реакция на выпады — все было словно отражением его собственного мастерства. Нанеся очередной удар мимо цели, разведчик, оттолкнувшись ногой от бедра соперника, совершил кувырок назад, и Роланд заменил его так, словно и вовсе не выходил из поединка. Северянин никогда не видел подобного кульбита, и противник, увернувшись от рассекающего воздух лезвия, схватил его за воротник, став заваливаться на спину — попытка удержаться на ногах осталась безуспешной. Перекат, и светловолосый воин приземлился спиной на подоконник, проломив его своим весом.

— Алистер! — Выдавил из себя Роланд, пытаясь стерпеть боль в спине и ребрах, силясь сделать вдох.

— Алистер? — Удивленно переспросил Измаил, глядя на человека в капюшоне. Позади него была стена дыма, которая, как казалось, и не думала рассеиваться. Вдруг из нее со свистом показалась дубовая вешалка, но словно чувствуя ее, Алистер пригнулся, позволив ей врезаться не в его голову, а в голову нападавшего. Резкая вспышка в глазах, затем темнота. В ушах Измаила, стоял звон, но боли не было, в глазах все потемнело, он потерял сознание, лишь слегка почувствовал плечом удар об пол.

— Майя! Дай жару! — Выкрикнул Алистер, в этом бою был только один шанс замедлить противника. Ведь брешь в броне стального легионера найти трудно, а значит, смысла в открытом нападении не было. Нанести сверхточный удар, попав в отверстие забрала, не представлялось возможным из-за постоянного движения стального воина, а узкие проемы для глаз не пропустили бы наконечник стрелы, способной поразить цель. Чародейка Майя сжала кулаки, вознес их к потолку, а потом — резко опустила руки. На мгновение все звуки утихли, после чего раздался хлопок, а вверх полетели щепки — пол под противником разрушился, после чего стальной рыцарь рухнул вниз, провалившись на первый этаж трактира.

Майя в спешке пыталась догнать подругу, все время, поглядывая назад. Было очень темно, но где-то вдали виднелся огонек удаляющегося городка. Там слышались какие-то крики, настолько отдаленные, что нельзя было разобрать ни слова.

— Хватит смотреть туда! — Рыкнула подруга, схватив Майю за локоть и потянув за собой.

— Думаешь, мы правильно поступили, отделившись от них?

— От них или от него? Там сейчас столько суматохи будет, ты пол-этажа разнесла в щепки. Трактир теперь вполне оправдывает свое название. Нам нужно добраться до Везерлеха, вспомни то, что говорил этот скользкий тип, после демонстрации подобных талантов надо бежать, не озираясь. Единственное, что заставляет меня, его уважать. Ты ведь не хочешь на плаху из-за этого парня? Или это любовь с первого взгляда, и ты уже готова рисковать жизнью ради проходимца?

— Не мели ерунды! Алистер не такой скользкий тип, как ты думаешь.

— Я и не мелю! Сама знаешь, почему должна меня слушаться, я в ответе за твою жизнь. А он ей только что основательно рискнул, вдумайся, о чем он тебя попросил. Ты совсем не разбираешься в людях.

— Не начинай. Если бы я не сделала этого, нас бы прикончили.

— Из-за них.

— Это сопутствующий риск, огонь на себя, если пожелаешь.

— Мне, конечно, жалко твоих родителей и брата, но можешь хоть раз прислушаться к моим словам?

Просто не делать глупостей. Те люди не стоят того, чтобы помогать им справляться с неприятностями и ввязываться в них. Устроила себе единственное свидание за столько лет и такое зрелищное, что я теперь месяца два буду избегать мужчин.

Сначала пришла боль, и лишь затем Измаил очнулся. Перед глазами все плыло, но он видел двухметрового Кастиэля, который стоял над ним. Не видя лица, можно было почувствовать его упрекающий взгляд и слышать напряженное сопение. Под спиной кололи ветки и копошились насекомые, наемник все еще был дезориентирован в пространстве, но понимал, что уже находится не в таверне. Ощупав пальцами окровавленный и припухший висок, он попробовал встать, но стальной сапог быстро прижал его к земле.

— Я что-то не так сделал, верно? — Спросил Измаил, щурясь и пытаясь сконцентрировать взгляд на собеседнике. — Так укоризненно сопишь. Но ведь ты не вытягивал меня из трактира, чтобы убить? Иначе не притащил бы сюда.

— Почему ты осмелился помешать правосудию? Эти предатели были почти у меня в руках, они бы не ушли.

— Это не я тебя оглушил, так что не делай из меня виноватого. Я почти поймал того рыцаря. Жестянка, дай мне встать на ноги, тогда и поговорим. — Фыркнув, стальной мститель схватил безумца за воротник, и поднял с земли, поставив на ноги, словно тряпичную куклу. Он слегка пошатывался, из-за чего облокотился на Кастиэля. — Это все еще Темнолесье, но тут относительно светло. Мы в Драконьей низине, верно? Славное местечко, надеюсь, ты не волочил меня сюда по земле, тут полным-полно змей и ядовитых трав.

— Я не знаю.

— Может быть, но я — знаю, ты не утащил бы меня далеко от города. Что произошло?

— Сразу после того, как ты попал под мой удар, чародейка разнесла всю комнату, а легионеры рванули в окно. Я замешкал, не мог следовать за ними, каким-то образом дорогу мне отрезало пламя, а поэтому, я потерял их. После меня просто завалило остатками крыши.

— Не мог преследовать их из-за огня? Эти ожоги на лице, ты ведь боишься пламени. Я прав?

— Для человека, которого сожгли живьем, это нормально.

— Выходит, ты не получил желаемого лишь из-за своих кривых рук и трусливых колен.

Что с рыцарем?

— Человек из бронзы?

— Человек из бронзы. — Подтвердил Измаил. — Да называй его как хочешь.

— Я за ним не следил, он не легионер, а значит, не нужен мне.

— Да, но дело в том, что он был нужен мне. — Тяжело вздохнув, Измаил развернулся назад, осмотрелся и начал отряхиваться от травы. — Так значит, это были легионеры? Поразительное совпадение, ведь, оказывается, Алистер, не такое редкое имя в Легионе, как я думал. Зачем ты вытащил меня из таверны? Если я тебе так мешал, мог бы оставить меня стражникам или просто позволил бы сгореть в пламени. Не знаю даже, что сказать, трактир "Пепелище" стал пепелищем.

— Ты мне поможешь. — Утвердительно заявил Кастиэль.

— Вот как, просто интересно, почему? Я профессиональный наемник, на моем счету столько контрактов, что тебе не сосчитать.

— Тебе нужен человек из бронзы, а мне тот белобрысый и его дружок. Вместе мы не упустим их из виду, так будет куда надежнее. Сделаем все быстро, а после разойдемся навсегда. — Допустим, зачем они тебе?

— Все, кроме меня, бежали с поля брани в день падения Легиона. Я же горел в горе трупов и клялся себе, что достану тех, кто меня бросил, даже из преисподней, каково было мое удивление, когда я очнулся через несколько дней. Стряхнул с себя прах товарищей по оружию и сквозь боль добрался до пещеры, в которой прожил несколько месяцев, пока не научился вновь свободно шевелиться, не ощущая такой боли, как первые дни.

— Ты обвиняешь их в падении Легиона? Почему? — Замялся Измаил, вспоминая далекий день, когда лично участвовал в засаде. — Почему именно они?

— О путях отступления знали только офицеры, следовательно, моя охота идет только на выжившую верхушку Легиона.

— Хотя, мне приписывают ненависть ко всем легионерам, даже прозвище какое-то дали, что-то вроде "Искупление Легиона" или "Совесть Легиона", в любом случае, бежать от смерти нельзя.

— И вот ты, такой честный и благородный, даже не спросишь, зачем я ищу того рыцаря? Разве не интересно узнать, за что я стремлюсь убить его?

— Если это не помешает моей мести, то неинтересно. — Холодно ответил Кастиэль. — Мы отправимся в горы, им наперерез. Там, в стычке с врагами, я помогаю тебе, а ты — мне.

— С чего это ты вдруг решил, что мне нужна помощь?

— Ты шут с метательными ножами, а там рыцарь и пара легионеров, которые по праву считаются мастерами меча. Я сам был офицером Легиона и могу узнать лицо Роланда, он был командующим ударного пехотного звена. Я знаю, на что он способен, уж поверь, тебе не одолеть его без моей помощи.

— Ладно, жестянка, пусть будет по-твоему. Временное сотрудничество, если отвлечешь их, мне это будет даже на руку, смогу действовать открыто с тем рыцарем. Из-за ожогов доспехи не снять?

— Частично да, частично нет. Причина этому — традиции Легиона. Каждый легионер должен быть оружием в руках правителя, а внутренний мир — оставаться сокрытым и не влиять на боеспособность. Именно душу воина символизируют узоры, орнаменты и прочие

элементы, нанесенные на внутреннюю часть доспехов.

— Гладкий снаружи — рельефный внутри?

— Да. — Кивнул Кастиэль, наступила минута молчания. Наемник несколько раз нелепо пытался что-то сказать и лишь с пятой попытки смог это выговорить:

— Как ты по нужде ходишь-то?

— Эта часть доспеха снимается. — Кастиэль постучал металлическим пальцем по доспеху в области паха. — Сама потребность открыть эту часть появилась в первую очередь. Благо, пламя только спояло заклепки, которые получилось легко сорвать.

— А твои...

— Нет, не сгорели.

— Чудная яичница была бы. — Связвил Измаил, но ожидаемого эффекта не последовало, Кастиэль молчал. — Что, даже не улыбнешься? Ах да, извини, совсем забыл, что нечем.

— Ты тянешь время, нам нужно успеть на гору раньше врагов, иначе они уйдут. Эта свора покойников имеет недурную фору и с легкостью выиграет гонку до гор.

— Я все улажу. — Ответил Измаил, похлопав себя по поясу с ножами. — Кстати говоря, как ты снял комнату в таверне и отужинал в ней? Не вижу на тебе кошель с монетами...

— Почему-то мне трудно отказать, ведь я бываю очень убедительным.

Алистер проснулся в холодном поту в глухих зарослях. Так глубоко заползать в кустарник ему еще не приходилось. На подбородке было что-то мокрое, проведя по нему рукой, разведчик обнаружил густую темную кровь, которая местами уже присохла, но все еще медленно текла сквозь пальцы. Огорчившись подобным, он хотел вздохнуть, но не мог сделать это без боли. Словно внутри была уйма мелких колючек, ранивших его тело.

— Эй, ты проснулся? — Спросил Титус, по шагам можно было предположить, что он находился в нескольких метрах от кустарника. Алистер стал тщательно вытирать лицо, дабы рыцарь не увидел его таким. — О боги. — Процедил он, разведя листву руками и взглянув на Алистера. — Некоторые, умирая, и то лучше выглядят. Как ты себя чувствуешь-то?

— Как лоно девы под конец месяца!

— Это как?

— Весь в крови.

— Роланд пошел к источнику, его ранило осколком, рану я зашил, но он хотел отмыться от крови. Тебе бы тоже не помешало. Сможешь идти сам, или тебе помочь?

— Могу, дай несколько минут.

— Старый пес уходит из дома, чтобы умереть подальше, в одиночестве, не мешая другим. Дабы не быть обузой. Не важно, дикий этот пес или домашний, он в любом случае почувствует приближение момента, когда ему нужно уйти.

— К чему ты клонишь?

— Посмотри, куда ты забрался спать.

— Титус, я не собака.

— Тогда не веди себя так, расскажи Роланду, он имеет право знать.

— Помоги лучше подняться. — Подобная просьба ошеломила рыцаря, но он был рад сделать это. Но привычного слова благодарности не последовало. Алистер, держась за ребра, пошел к костру, где ранее спали Титус и Роланд.

— Можешь не благодарить.

— Я не собирался. Понимаешь, некоторые вещи неизменны. Ты всегда останешься

занозой, которая мешает мне спокойно сидеть. До этого она была одна, теперь две, по одной в каждой ягодице. Кстати чародейка постаралась, у меня и без метафор их полно. Понимаешь, Роланд вечно втягивал меня в передряги, приходилось наслаждаться моментами, когда он делал перерывы. А сейчас его заменяешь ты с дотошными нотациями. — Заставив оппонента молчать, Алистер окончил монолог и присел над окровавленной тряпкой, похоже, Роланд вытирал ею рану, когда товарищ зашивал ее.

— Я снова сделал не то, что хотел великий Алистер?

— Можешь всегда называть меня так, мне это нравится. И да, сделал, в той таверне, я сказал тебе пробиться сквозь легионера и забрать свои доспехи. Ладно, с этим ты справился, но какие боги безумия, убедили тебе вернуться?

— Я пришел, чтобы не дать вам умереть, и это благодарность?

— Ты сам чуть не погиб. Хоть изредка, пытайся услышать меня, с твоим задором деревенского конюха-героя, дожить до старости невозможно. Не рви себе зад, пытайся спасти нас, это мы тебя сопровождаем и сами можем о себе позаботиться. Так было всегда.

— Народ, там, в реке покойник! — Завопил Роланд, быстро возвращаясь из зарослей. Алистер поспешно схватил окровавленную тряпку и прислонил к лицу.

— Роланд! Хотел лицо протереть спросонья, но вымазался в твоей крови.

— Извини, друг, я не специально. — Испугался Роланд, начав копаться в сумке в поисках чистой тряпки.

— Поверить не могу. — Вздохнул Титус, сев перед костром. Мастерство лжеца во всей красе, а не замечающий очевидное Роланд, поверил во все это. — Даже знать не хочу.

— Все нормально. — Вздохнул Алистер, делая вид, что ему вовсе не пришлось лгать, словно сам верил: кровь на подбородке от тряпки друга. — Что за труп?

— Какой-то инквизитор, без головы, узнал его по одежде.

— Маги? — Поинтересовался рыцарь.

— Скорее, кто-то из города грехов, для тебя поясню, это лагерь, где живут наемники, разбойники и прочий сброд. Это место действует как черный рынок, соваться туда не стоит, вообще никогда.

— А себя вы, значит, такими не считаете?

— Язвы дальше, мы берем столько сколько нужно, а они все. Есть у них привычка отрезать головы, их используют как украшение лагеря. Надевают на все: на частокол, на копьё, на крыши домов забрасывают.

— Отвратительно.

— Знал бы ты, из чего тамошние жители делают тарелки, миски и кружки.

— Город грехов значит? Откуда в Темнолесье берутся такие названия?

— Элементарно. — Стал вытираться Алистер. — Еще давно фанатики и храмовники, якобы святые люди, совершили поход в Темнолесье. Считая это место обителью смертных грехов, собрали людей из Везерлеха и Гаардена, пока последние вовсе не отвергли религию. Умные ребята, кстати говоря. Возглавил весь этот парад некий святоша из Храма Падшей Звезды, кто-то там — не помню имени, ты тогда под стол пешком ходил.

— Очередной урок истории? — Вздохнул рыцарь, пытаясь скрыть обиду за напускным безразличием, хоть самому было очень интересно — ничего подобного в учебниках по истории не пишется, а легенды об этих местах, он слышал лишь краем уха, чего нельзя сказать про Храм Падшей Звезды — он попросту исчез десятки лет тому назад.

— Этот мужик, якобы лидер этого сброда, собрал свой люд у стен одного из

безымянных городков в Темнолесье, став кричать "покайтесь", "обратитесь к богам" и тому подобное. Может быть, где-то это и сработало бы. Так вот, жители городка стояли на деревянных стенах, просто потеряв дар речи, слушали этот бред...

— И вырезали? Как тут не догадаться, это же Темнолесье.

— Не сразу, сначала фанатики на глазах у людей, устроили демонстрацию всех грехов, которые только знали, используя совокупление вместо перерывов в выступлениях. Но, бойня была потом, в живых оставили только епископа, или как его там!? Он вроде отрекся богов и спился, как говорят. И да, ты определенно прав, Темнолесье — это не место где рассказывают сказки о героях и принцессах, спасенных из высоких башен. Тут рождаются страшилки, которыми пугают детей или вспоминают с друзьями у костра. Да какая религия вообще может задержаться в этих краях?

— У тебя дурной настрой? — Сделал замечание Роланд.

— Верно, мой друг. Я говорил обоим, что и как делать, с этим справился бы любой недоумок! Но что заставляет вас вытворять подобное, я даже не знаю. Роланд, Титус, за обоих я отвечаю головой. И это не только вы от меня зависите, я также лишусь жизни, если вы будете рисковать своей.

— Мы, значит, зависим от тебя? — Ошарашено попятился назад рыцарь. — Я и забыл, что ты лидер нашей экспедиции, все знаешь, весь такой молодец. Чем же мы зависим от тебя?

— Ты живешь до того момента, пока не перестанешь приносить мне пользу. Я единственный человек, который способен провести тебя через Темнолесье, это не Империя, тут не так приятно находиться в одиночестве, тебе этого попросту не понять.

— Странное у тебя понятие о дружбе, Алистер.

— Ты мне не друг, баран ты бронзовый, а наниматель.

— Эй, перестаньте! — Встрял Роланд, который не мог просто смотреть на перепалку. — Никто никого не будет злить, это не нужно нам, ведь мы — команда. Работаем слаженно — либо гибнем, верно?

— Верно. — Согласился Алистер, встав из-за костра и отправившись вглубь зарослей.

— Куда ты?

— Мне просто нужно проветриться. — Заявил разведчик и скрылся в листве.

Глава 4. Запрещенная торговля

Осень 1670 года, Темнолесье, где-то глубоко в лесу

“Острый меч в руках идиота — безобидная игрушка для врага и смертельная опасность для обладателя, в то время, когда тряпичное полотенце в руках профессионала — смертоносное оружие.” — Неизвестный.

Повздорившая несколькими днями ранее троица, угрюмо следовала через лес. Титус вот уже несколько раз хотел спросить, не заблудились ли они, но лишний раз выводить из себя Алистера ему не хотелось.

— Мы заблудились? — Спросил Роланд, тем самым порадовав рыцаря.

— Черт тебя дери! — Выругался Алистер, припадочно вздрогнув, после чего сплюнул на землю и раздраженно посмотрел на идущего позади воина. — Ты спрашиваешь это у человека, который тут вырос, лучшего разведчика северных земель за все времена. Поглоти тебя бездна! Какого черта, ты во мне сомневаешься?

— Во имя всего святого, тут все одинаковое! — Поддержал его рыцарь. — Пейзаж не меняется целыми днями, я почти уверен, что этот камень мы проходим уже десятый раз. У меня уже ноги в сапогах стертые до кровавых мозолей, и я тоже задаюсь этим вопросом.

— Нет, мы не заблудились. — Отрезал Алистер. — Мы идем правильно, а то, что здесь полно всяких камней — не моя вина! Это природа, мой твердолобый приятель, камни — как и рыцари, все на одно лицо. Даже мозгов у них столько же.

— Ну и где мы?

— Где-то глубоко в лесу. — Вздохнул Алистер. — Мы не в Везерлехе, где даже холмам дают имя, здешние жители просто знают каждый куст, не нуждаясь в том, чтобы присваивать названия всему, что видят!

— Но, этот камень...

— Титус! — Не выдержал Алистер. — Можешь назвать его в свою честь, что ты до меня докопался-то?

— Через сколько дней мы дойдем хоть до одного нового ориентира?

— Через пару дней, после того, как ты закроешь рот.

Спутники еще недолго сохраняли полное молчание, как только у Алистера перестал идти пар из ушей, Роланд окликнул друга по имени. Разведчик даже не знал, на каком языке выругаться, но развернулся — молча, взглядом пытаясь прожечь воина-северянина насквозь. В голове всплывала яркая смесь типичной ругани королевства Гаарден и? Везерлеха, с элементами оскорблений Фаурена, с типичными словами-паразитами из Темнолесья и Острогорья, по типу: "...за ногу", "...в душу", и тому подобных высказываний. Роланд указывал пальцем на землю, в сумраке можно было рассмотреть тусклый блеск, знакомого медальона, который он где-то видел, но не мог припомнить, где именно.

— Серебро и сапфир. — Заметил Алистер, подошел и взял в руку, но не спешил класть находку в карман, что-то стало настораживать его. — Где я мог встречать этот медальон?

— Узнал? — Спросил воин, в то время как рыцарь попросту смотрел на происходящее.

— Этот кулон — первое, что я увидел после того, как пробудился от того самого сна после ранения, длившегося не один месяц, семь лет назад. — Вздохнул разведчик, встав с колена и осмотревшись, продолжая вспоминать. — Элизабет, так ее звали.

— Верно, не думаю, что она решила прогуляться так глубоко в лесу и просто обронила его.

— Маловероятно, очень маловероятно. — Подтвердил Алистер, начав осматривать все вокруг и тщательно анализировать детали. — Земля влажная, на ней вот следы остались. Слишком много следов, словно тут танцевали. Но крови я не вижу, боя не было. — Присмотревшись еще немного, Алистер присел чуть подальше и подозвал Роланда к себе. — Следы как от тяжелой тележки.

— Что происходит? — Спросил Титус.

— Похоже, наши старые друзья могли попасть в неприятности. Это молодая семья, которая выходила меня, когда я был ранен. — Тяжело вздохнув и откинув от себя дурные мысли, разведчик продолжил. — Нам некогда, идем дальше.

— Ты шутишь? — Ошарашено переспросил Титус. — Эти люди спасли твою жизнь, а ты собираешься просто пройти мимо, даже не попробовав разобраться в произошедшем? Что ты за человек такой?

— Кто-то спешил за Кроули, вроде как.

— Тут речь идет о хороших людях, а также об одном эгоисте. Кроули непременно дождется своей смерти, а вот этим беднягам, ожидать своей не обязательно.

— Алистер. — Жалобно произнес Роланд. — Взгляни, в кого мы превратились, мы ведь не те люди, которые тогда пришли в их дом, не те благородные и честные солдаты, которые нуждались в помощи. Посмотри на нас, ты действительно вот так просто пройдешь мимо?

— Лучше бы меня тогда прикончили. — Сплюнул разведчик. — Следам от силы полдня, направление движения тележки резко изменилось в этом месте, взгляните сами. Не похоже на то, что они резко передумали двигаться в эту сторону и потащили свое добро в другом направлении. — Почесав затылок, Алистер осмотрелся по сторонам еще раз. — Разбойники? Вряд ли, ведь это зона влияния работорговцев. Муж Элизабет, насколько я помню, был пивоваром, верно?

— Верно. — Кивнул Роланд. — Валенн варил отменный эль.

— А Элизабет была лекарем. В тележке находился или раненый, или бочонки с выпивкой.

Маловероятно, что это был человек, Элизабет залатала бы его у себя, не нахожу причин волочить беднягу, боги знают куда. Да и работорговцы не взяли бы раненого, таких просто добивают. Валенн вез спиртное, точно вам говорю. Наверняка на продажу в Безымянный город.

— Ну и названия тут у вас. — Заметил Титус. — Разве работорговцы не прихватили бы кулон?

— Могли не заметить, случайно сорвать, а может Элен специально его бросила — она умная девушка. Хотя, думаю, она не могла предвидеть, что мы тут пройдем. Очевидно, что это случайность.

— Что будем делать? — Роланд насупился и поправил меч на поясе. — Сам говорил, что не веришь в случайности, но предан судьбе — так вот, может это она и есть? Не знаю как, но пора действовать, нельзя стоять без дела, Титус прав.

— До лагеря работорговцев около километра. Есть идея — мы пройдем к лагерю, и кто-то станет наживкой, чтоб попасть внутрь, и это будет Титус, снимай латы!

— Что? — Опешил тот. — Признай, ты просто меня ненавидишь!

— Немного, но ты сам вызвался спасти их. Подумай только, невинный мужчина до

самой смерти может быть обречен на работу в шахтах, а смерть, поверь наступит скоро — рабы там гибнут десятками. А его ни в чем не повинная возлюбленная пойдет по кругу среди этих извращенцев, пока не умрет от истощения. Возьмешь такой грех на душу, благородный рыцарь?

— О! Кто это тут у нас про душу заговорил?! Ладно, уговорил, мы поможем им, но почему роль раба выпала не тебе? — Возмутился рыцарь. — Хочешь придумать план действий, который станет гарантией твоей неприкосновенности?

— Взгляни на меня, я непохож на того, кто способен выдержать хоть месяц в шахтах — казнят на месте, ведь нет никаких причин переводить похлебку на такого раба, да и место в клетке буду зря занимать.

— Тогда, может, пойдет Роланд? Что скажешь, друг, пойдешь в рабство?

— Только в сексуальное. — Заметил воин. — Мне нельзя в рабы.

— Да взгляни ты, у Роланда все тело в шрамах, видно, что в нем живет бунтарский дух. Для них проще прикончить такого сразу, чем постоянно разгребать неприятности, которые он будет устраивать. А теперь, мой приятель, снимай латы.

Тем временем, вблизи горной границы Темнолесья, со стороны Везерлеха верхом на белом коне направлялся рыцарь Дэнтон Стоун. Его плащ покрывал спину лошади, а люди, следующие через поле той же тропой, с уважением озирались на него. Нет ничего, что нельзя купить за деньги — подумал он, доставая из подсумка свернутую бумагу — это была нарисованная от руки карта Темнолесья, при том, что официальной карты никто не делал. Он купил ее у торговца, сказавшего, что якобы кто-то, отобрал карту у одного из налетчиков на границе. Было забавно думать о том, что она переходит из рук в руки. Дэнтон отвлекшись от покупки, взглянул перед собой, с гор спускались раненые люди, часть которых почти дошла до него. Пустив коня в галоп, рыцарь добрался до ближайшего человека, окликнув его.

— Эй, сударь, что стряслось?

— Инквизиция. — Заявил старик, он прихрамывал, а поэтому был рад остановиться на минуту и передохнуть. — У нас было небольшое селение, там, сразу за границей. Мы добывали серебро для короля Везерлеха, но пришли инквизиторы.

— Это те медноголовые?

— В каком-то смысле да, милорд.

— Почему они напали на вас? — Возмутился рыцарь, вновь развернув карту, он стал искать взглядом серебряные шахты, помеченные на ней и названия селений Везерлеха, но ничего не нашел. — Я не вижу вашего поселка на карте.

— У нас было не сражение, а бойня. Мы попали под перекрестный огонь, один из медноголовых приказал убираться прочь оттуда, в ближайшее время там будет застава инквизиции. Кажется, это был офицер. Мы подумали, что север нападает на нас, но все куда сложнее. — Старик попробовал взглянуть на карту, но рыцарь держал ее слишком высоко, судя по всему, не собираясь никому показывать. — Нас там и не должно быть, ведь земли принадлежат северу.

— Омерзительно, король пользуется тем, что так глубоко в Темнолесье никто не суется и приказывает создавать там шахты? — Дэнтон спрятал карту и взглянул в сторону гор, осматривая колонну раненых и истощенных шахтеров. — Север пользуется политической обстановкой, чтобы уничтожить магов. Это все влияние инквизиции, ее принципы слишком глубоко проросли в сознание тамошнего короля.

— Маги, легионеры, без разницы. Но почему страдают остальные люди? Мы ведь не

маги и все равно успели похоронить там дюжину человек. Инквизиция взорвала перевал, сделав его еще уже, взрыв был слышен за мили. Завалило одну из шахт, мы не смогли ее разобрать. Зачем они это сделали, милорд?

— Тактика понятна: чтобы не ускользнули те, на кого они охотятся. О морали говорить не приходится, ведь инквизиторы — уже не люди. Не говорю, что особо люблю магов, но ведь подумай, старик, разве они виноваты, что родились, одаренные силой? — Рыцарь напрягал взгляд, как только мог, но все равно не мог разглядеть горный перевал. Сняв с пояса флягу вина, Дэнтон протянул ее старику. — Смочи горло, приятель, и расскажи подробнее об этой инквизиции.

— Благодарствую, милорд. — Сетовал старик, откручивая флягу. Пока он, зажмурив глаза, пил вино, всадник спешил, начав копошиться в сумке, притороченной к седлу.

Рыцарь извлек оттуда сухой паек и вложил в карман раненому. Он, едва сдержав слезу, продолжил рассказ, чувствуя себя самым благодарным человеком в мире. — Это началось не так давно, как сейчас помню, был вечер, мы уже отдыхали. Там, внизу, появились люди, поднимавшиеся вверх: небольшой отряд с единственной телегой. Их предводитель был изранен, мы помогли незнакомцам, даже не зная, во что это выльется.

— Продолжай. — Скомандовал Дэнтон, он составлял план действий, обдумывал, стоит ли туда вообще ехать, и как его могут там встретить. Старик вернул ему флягу, и воин не побрезговал отпить из нее, внимательно взглянув на собеседника. — Что было дальше?

— Они разбили лагерь, пока мы помогали их офицеру. У инквизиторов нет даже имен, а значит часть слухов, все же правдивы. — Старик задумался, поглядывая на колонну людей, которая постепенно обгоняла их. — Инквизиторы заложили взрывчатку, отобранную у нас силой. После, приказали шахтерам покинуть селение, но мы отказывались. После, милорд, захотели сделать это сами, но было уже поздно. Через утес шли маги, целая группа, человек двадцать, но у них не было шансов против инквизиции. Они стреляли со своих палок чем-то очень быстрым и смертоносным.

— Это мушкеты, старик.

— Нет! — Возмутился тот. — Я знаю, как выглядят мушкеты, они едва ли похожи на это странное оружие. Там была стеклянная колба, они подключенная к батарее. Это нечто невероятное, никогда не думал, что такое вообще возможно.

— Что-то новенькое. — Заинтересовался Дэнтон, скрестив за спиной руки, рыцарь с интересом слушал старика, ведь от этого зависел исход его путешествия. — Чем, эти "палки" стреляли?

— словно солнечным лучом, но он был такой... сжатый, что ли. Будучи тонким, он прожигал магов насквозь. За все свои восемьдесят лет я успел побывать даже в имперском городе, исходил все, от кровавой арены Гаардена, до ветряных мельниц Фаурена! Но такого никогда не видел.

— Если инквизиторы так вооружены, почему же они дошли до вас раненые?

— Это Темнолесье, сынок. — Переменился в лице старик. — Никто из нас не спускался вниз. Если поглядеть на эти кроны сверху, здешние места кажутся самыми прекрасными в мире, словно бескрайний океан из листвы, но это просто обман. На глубине, внизу, под теми прекраснейшими кронами, царит вечная ночь, страх и ужас. — Слегка отойдя от наплыва эмоций, старик почувствовал себя неловко перед рыцарем. — Простите, милорд, я позволил себе лишнее.

— Небольшой отряд инквизиции, значит.

— Это только вначале. Со временем, их становилось все больше, они все прибывали и прибывали из леса. Мы видели, как в темноте, на подъеме в гору, светились их глаза. Их там сотня, не менее, честное слово! Они разбили лагерь на горе, постоянно жалуясь, что многие не дошли, часть из них была деморализована. И не зря, это боги так карают людей, убивающих себе подобных.

— Инквизиция с тобой не согласится, маги им не братья.

— У богов на все свои планы. — Удивил его старец.

— У богов, или у бога? — Дэнтон положил закованную в сталь руку на дряхлое плечо старика. — У нас один создатель, так говорят. Но не волнуйся, кто я такой, чтобы судить язычника за религиозное преступление.

— Вы отправляетесь туда?

— Да, в Темнолесье, все верно, есть там одно дельце. Но меня огорчает инквизиция. — Признался рыцарь. — Будем надеяться, что они пропустят представителя Везерлеха, пустившегося в путь по поручению короны, если они вообще слушают своего безумного короля. Как вы сказали, сотня, против слова одного рыцаря, меня запросто могут убить, даже не поморщившись.

В ржавой железной клетке, вокруг которой все время кто-то ходил — ведь она находилась в центре лагеря работорговцев, сидела испуганная девушка и ее возлюбленный. Валенн долго сопротивлялся, защищая жену, поэтому на нем не оставили и живого места, теперь он крепко прижимал ее к себе и даже не думал отпускать. Проще было назвать место, где не болит, чем наоборот. Измученный, но злой взгляд посматривал по сторонам, словно мужчина придумывал план мести, нечто невообразимо кровавое.

Вдруг к их просторной клетке подтащили кого-то: стоящие неподалеку загоны для рабов были под завязку забиты людьми — новеньких скидывали к ним.

— Знакомьтесь! — Возрадовался работорговец, закрывая решетку за пойманным у лагеря бродягой, тот имел серые волосы, цвет которых сразу бросался в глаза. Его также слегка покалечили, наверняка сопротивлялся. — У вас есть пару дней, после отправим всю партию в Гаарден, рабов там ценят дорого. Особенно хорошо продается девчонка, ведь у нее глаза красивые, тело стройное, грудь аппетитная. Но, я больше видал — без обид! Хотя, мне и такая грудка нравится. Может, ей даже придется по вкусу быть подстилкой где-то в роскошном борделе Гаардена.

— Иди к черту. — Процедил сквозь зубы Валенн, после чего плюнул в его сторону кровью. На что выродок засмеялся и пошел дальше, по своим делам, какие несомненно были у работорговца.

— Вы в порядке? — Спросила Элизабет, подскочив к новенькому, волком поглядывая на удаляющуюся фигуру. — Дайте осмотреть ваши раны, нет ли сломанных костей?

— Руки лекаря? — С улыбкой спросил Титус.

— Как вы угадали?

— Я не угадал, просто даже не рассчитывал попасть сразу к вам, Элизабет. — Признался рыцарь, что заставило девушку и ее возлюбленного взбодриться. — Алистер? Роланд? Знакомы ли вам такие имена — По глазам вижу, что да. Я пришел передать вам пламенный привет и напомнить, что они всегда возвращают свои долги, сами так сказали, я этого не выдумывал. Лишний пафос. А теперь постарайтесь пошуметь, как можно громче. — Договорив, Титус принялся якобы терять сознание у самой решетки, со стороны входа в клетку.

— Что вы делаете? — Спросил Валенн.

— Вытягиваю вас отсюда.

Только рыцарь улегся поудобнее, развалившись на усыпанном соломой деревянном дне клетки, пара заключенных принялась кричать о том, что их захватчики — ужасные люди и о том, что в гробу они видели всю эту торговлю. Одному из работорговцев такие слова не шибко понравились, он единственный, кто обратил внимания на ругающуюся пару, шум был здесь обычным делом. Но тут была задета его честь, еще и мать вспомнили, ужас! Такое нельзя прощать. А ведь он и так долго сдерживал себя, чтобы не убить их или хотя бы не прижать свое немытое тело к девице с выразительными глазами.

— Что ты скажешь, если я вздерну твою жену у тебя на глазах? — Рычал он, подходя к клетке, сжимая связку ключей наподобие кастета, дабы выскочке было больнее извиняться за эти выкрики. — Это собьет с тебя спесь? — Подойдя к клетке, уже собираясь ее открыть и наподдать наглецам, лежавший без сознания, как он думал, раб — вдруг "ожил" и схватил его за воротник кожаной туники, после чего что есть сил — рванул на себя. Ударившись головой о решетку, работорговец моментально "уснул", но его все еще придерживали крепкие руки рыцаря, не давая рухнуть.

— Ключи. — Скомандовал Титус.

— Что дальше? — Спросила Элизабет, уже отпирая клетку.

— Я открою все клетки с рабами, Алистер и Роланд уже готовы и ждут сигнала, в качестве которого отлично послужит шум и гам, нужна суeta в лагере, ее-то мы и устроим!

Крепкий воин рвался в бой, однако, Алистер приказал выжидать. Необходимо дожидаться сигнала, после чего можно будет рвануть напролом, ведь по плану, спасенные рабы обратятся против самих работорговцев — это должно уравнять численность. Разумеется, часть рабов сразу рванет к выходу, но будут и такие, которым явно есть, за что мстить похитителям. Выглянув из-за кустов, разведчик проследил за идущим по деревянным стенам лагеря бойцом.

— Когда можно будет нападать? — Спросил с нетерпением Роланд. — Мой меч вспотел от ожидания.

— Надеюсь, это не метафора. — Прошептал Алистер, с отвращением скривив мину. — Ведь сталь не потеет, как тебе только в голову это пришло? Иногда не понимаю, про детородный орган ты говоришь, или действительно про оружие. Говорил же, метафоры — не твоя сильная сторона.

— Вообще-то, я не особо часто называл его так. — Возмутился Роланд.

— Говорю же, часто. То "это" называется меч, то кувалда, клеймор, гаубица, как ты только не называл свой огрызок, а по факту — максимум заточка или штопор для вина. — Достав лук и стрелу, Алистер нацелил ее наконечником вверх, к черным кронам деревьев, которые были где-то очень высоко, и полностью скрывали небеса. — Жажда боя будет утолена, стоит лишь подождать.

— Куда ты целишься вообще? — Удивился Роланд. — Совсем окосел от своего величия? Так высоко задрал голову, никуда не попадешь. Вечно нос к небу тянешь, самовлюбленный выскочка.

— Часовой сейчас смотрит со стены и плюет вниз от скуки. — Пояснил лучник. — Если сделать выстрел, я смогу попасть ему либо в голову, либо в плечи или руки. В первом случае — стрела может попасть не точно, череп — штука прочная, а самое слабое место в кости может находиться в разных местах, может, чуть ниже макушки, может, выше. А точность в

моем деле — необходима.

— Поэтому ты решил застрелить небо? — Улыбнулся Роланд, самодовольно почесывая щетину. — Может, ты и прав, убитое небо рухнет и задавит ублюдка.

— Вполне вероятно, что я могу случайно промахнуться мимо неба и угодить стрелой в твое свиное рыло, но ты можешь повысить мои шансы на меткий выстрел — если заткнешься. Сейчас я пытаюсь просчитать в уме траекторию полета стрелы, чтобы угодить напрямиком в спину, горло либо затылок — еще не решил. Если стрелять прямо, он завопит и даже не умрет. А вот если в попасть спину правильно, угодив в легкое, часовой не сможет продохнуть, не то, что закричать. — Договорив, Алистер отпустил пальцами тетиву, и стрела понеслась напрямиком вверх. — Так на чем это я остановился, ах да, на тревоге. Нам нежелательно поднимать шум, пока Титус не выберется и не освободит Элизабет и Валенна, после, они сами дадут сигнал, но уже с поддержкой рабов, тогда шансы будут равны и мы, вступим в бой, как ты и хотел, вот тебе план.

— Но зачем тогда рисковать и снимать часовых?

— Мне скучно. — Сухо отрезал Алистер, пожав плечами, и в тот же момент, на стене рухнул часовой, после стремительного падения стрелы напрямиком с неба. Роланд обомлел, следя как работороговец со стрелой в затылке соскальзывает с поручня, на который оперся ранее. — Больше у них нет патрулей и часовых вне лагеря, громких аплодисментов не нужно.

— Осталось ждать, пока справится Титус.

— Надеюсь, он сообразит, что делать, не хотелось бы подводить наших друзей. Я вот одного не пойму, эту семейку, Валенн и Элизабет. За благое дело, да без корысти помогать беженцам — настоящий суицид, я бы на их месте не поступил бы так. Хлопнул бы дверью у вас перед носом, а может, еще бы и добил.

— Да ты бы так не смог. Просто есть герои, как Титус, есть злодеи, как Кроули, а есть ты.

— И чем же я так плох? — Поинтересовался разведчик и устремил внимательный взгляд на собеседника.

— Ну, как сказать, героем, можно назвать всех, кроме тебя. Может, ты и меня за дюжину монет продал бы, кто знает?!

— Никогда в жизни, будь уверен... за тебя столько не дадут. Слишком дорого ты себя ценишь. — Пожал плечами Алистер, а Роланд "застыл", пытаюсь понять, сарказм ли это или друг, правда, мог бы убить его за золото?!

— Ты думаешь, он может не справиться?

— Титус? Как сказать. — Иронично вздохнул Алистер. — Не то чтобы это было сложно, но ведь это рыцарь, понимаешь? Всего лишь рыцарь, Роланд. Была бы у меня маленькая обезьянка, я бы послал ее, она обязательно справилась бы...

— Что за обезьянка? — Задумался северянин, который раньше и слова такого никогда не слышал, но почему-то зная одержимость Алистера Темнолесьем, представил какую-то помесь волка и змеи, ведь слово было больно экзотическим.

— Это зверушка такая обитает в королевстве Фаурен среди песков, скачет такая маленькая ерунда по странным деревьям и давится желтыми фруктами, похожими на мужской агрегат. Наверное, не видел никогда? Тебе бы понравилось.

— Маразматик, в жизни не поверю. Кто тебе такую ерунду вообще сказал?

— Когда я был подростком, мы с ребятами грабили торговцев, которые незаметно

хотели пройти через границу, тем же путем, что и мы сейчас. Ну, в общем, мы всех вырезали, но до этого много узнали об их стране, ведь пытки — дело забавное. А в клеточках сидели маленькие такие съедобные твари.

— Маразм.

— Маразм — пойти через эти края, или маразм — то, что они говорили?

— Все маразм. — Уточнил воин севера. — Страна песков с какими-то мелкими тварями. На что хоть эта обезьянка была похожа?

— Чуть симпатичнее тебя. — Улыбнулся Алистер. — Да и волосы у нее на теле короче.

— А ходит как? Или она летает?

— Да как ходит, как и ты. — Улыбка Алистера переросла в оскал.

— Это еще как? — Роланд, почуяв подвох, стиснул зубы.

— Чаше на четырех. — Сдержав смех, Алистер прислушался к выкрикам в лагере разбойников. — Вот, слышишь? Началось, теперь кромсай всех, кого хочешь...

Седой рыцарь был первым среди толпы, которая без оружия встретилась со стеной работорговцев, позади, бежали уставшие, но злые освобожденные им рабы. Дюжина работорговцев рухнула, ведь в три раза превышающая их численность волна рабов проносилась по лагерю с разрушительной силой.

Все они были отчаянны и разъярены, но больше всего был зол один: израненный и измученный. Это был Валенн, который бросился на одного из работорговцев с кулаками против боевого ножа — пивовар отлично помнил его лицо — это был человек, поднявший руку на его возлюбленную. Точный удар в переносицу не убил ублюдка, сила была рассчитана — он не хотел убивать сразу, нужно было растянуть удовольствие от мести еще немного. Забивая поваленного на спину обидчика, когда-то добрый пивовар сбивал костяшки на пальцах, поочередно нанося удары по ключицам, намеренно ломая их и принося невероятную боль. Послышался хруст, жертва насилия стала задыхаться, ведь грудная клетка не выдержала следующего удара, придавив легкие.

— Валенн! — Послышался родной голос позади. — Остановись! Прошу тебя.

— Элизабет, держись позади. — Отдышался он, слезая с покойника. В открытом гробу того бы уже точно не хоронили. — Его я тоже просил остановиться, пусть знает, что бывает, когда трогают мою семью. На их несчастье, я запомнил еще три лица, которые скоро превращу в однородную массу.

— Тогда не отставай. — Прошел мимо Титус, рассматривая суету вокруг: рабы крушили все, что видели и не собирались делиться жертвами. — Что вы везли в тележке? Именно те следы, помогли найти вас.

— Мой прорыв. Мой научный прорыв. — Пояснил пивовар. — Это жидкий порох, слегка улучшенный вариант драконьего пороха.

— Что? — Недопонял Титус, лишь следя за тем, как Валенн поджигает найденный где-то факел от пламени, которым горела палатка работорговца. — Как это?

— Вязкая субстанция, имеющая разрывную силу, большую, чем у пороха любого вида, невероятно опасная и нестабильная, но это проще показать, чем объяснить. — Сквозь оскал заявил Валенн и жестом приказал рыцарю следовать за ним. — Сейчас сам все увидишь!

Некоторые работорговцы стали падать замертво на пути рыцаря и пивовара, свистели стрелы — это Алистер прикрывал их, стоя на деревянных стенах. А выкрики Роланда слышались на другом конце лагеря, сопровождаясь звоном мечей и топоров. Некоторые рабы продолжали сражаться, пока другие просачивались через ворота и бежали, паника в их

сердцах смешалась с радостью.

Валенн бежал впереди всех, держа перед собой пылающий факел, он стремился к центру лагеря работорговцев, где стоял двухэтажный деревянный домик, который со всех сторон был подперт металлическими стержнями, и только поэтому не разваливался. Под ветхим зданием стояла его тележка с бочками, в которых содержался труд его последних пяти лет, который Валенн хотел дорого продать алхимикам из королевства Везерлех. Но это уже личное — подумал про себя пивовар и, что есть сил, метнул факел метров на десять — точно в тележку. Кроме бочек, в ней лежала солома, благодаря которой они не бились друг об друга. Раньше защищавшая порох от взрыва, она хорошо загорелась. Титус только прибежал сюда, а Валенн уже рванул в обратную сторону.

— Теперь куда?! Черт! — Выругался Титус.

— Подальше отсюда! — Выкрикнул пивовар, уже прилично оторвавшись от спутника. Рыцарь сделал, как сказал Валенн, но ему не удалось отбежать далеко — взрывная волна уложила всех на землю, а с неба обрушились щепки, в которые превратился склад работорговцев. В ушах стоял сильный звон, бывшие невольники и работорговцы, находившиеся вблизи, погибли, их жизнь ничего не стоила для создателя бомбы, но рыцаря — изрядно дезориентировала. Он не был тем, кто признавал сопутствующие жертвы как вынужденную меру для достижения цели.

— Валенн! Что ты наделал?!

— Это было личное, прости. Они думали, что отобрали у меня вино! Радовались и утирали слюни, пока везли тележку в лагерь, а нас волочили за собой. Поставили бочонки поближе к складу. Напились, ублюдки. Они вырыли могилу прямо у себя под ногами.

— Думаю, да. — Пожал плечами подходящий Роланд, весь в кровавых брызгах, и даже на красной железной маске виднелись сползающие багровые капли. — Всегда знал, что твоя выпивка самая крепкая в этих краях, но вот чтоб так "сносило крышу"... — Заметил воин, снимая маску и осматривая лежащую отдельно от разрушенного дома часть черепичной кровли. — Что же ты туда намешал-то? С такой выпивкой и закуска должна быть убойной. Чем "покормим" оставшихся работорговцев?

— Моими стрелами. — Вмешался Алистер, заметив признательный кивок пивовара.

— Благодарю, не думал еще хоть раз увидеть вас двоих.

— Не стоит благодарности, ведь теперь мы квиты. — Сухо заметил Алистер, посмотрев на пару своих давнишних спасителей и убедившись, что все целы, продолжил. — Прочешем лагерь, выживших рабов гоним в шею, выживших работорговцев — бросаем в клетки и запираем, пусть умирают с голоду.

— Это негуманно. — Заявил рыцарь.

— Вот как?! А торговля людьми, значит, сама гуманность?! Роланд, тогда сделай одолжение — вырежи всех, кого найдешь. — Алистер поднял с земли какую-то окровавленную железную саблю, и протянул ее воину, но он не спешил ее брать и поглядывал на Титуса — Роланд явно не хотел бы, чтоб рыцарь подумал о нем, как о жестоком убийце.

— С радостью сделаю это за него. — Вмешался пивовар и взял оружие, сразу же отправившись выискивать тех, кто остался безнаказанным. — Я помню еще пару лиц, которые не дадут мне спокойно спать, пока не увижу головы их обладателей отдельно от тела.

— Славный парень. — Пожал плечами Роланд, но никто не отреагировал на его речь.

Все следили за тем, как Алистер прогулочным шагом подходил к разрушенной постройке работорговцев. На его ранее беззаботном лице отразилось смятение, взгляд забегал по обломкам, в поисках хоть чего-нибудь.

— Что-то потерял? — Поинтересовался рыцарь, подходя ближе, Титус стал помогать ему в поисках. Этим немудреным делом рыцарь отвлекал себя от мыслей о гибели невиновных. — От дома мало что осталось, что ты ищешь?

— Не поверю, что эти твари торговали людьми и не могли нормально заработать.

— Ты ищешь золото?

— Да, я ищу золото. — Отрезал Алистер. — И пары монет не вижу, они что людей за спасибо продавали, как так? Никогда в это не поверю. — Произнеся это, он все же увидел что-то, заинтересовавшее его, а именно — дубовый сундук с двумя замками. — Вот и деньги!

— Грабить — подло.

— Титус, завязывай ты с этими лекциями. — Рухнув на колени перед сундуком, Алистер достал из рукава отмычку — небольшой стальной инструмент, который самостоятельно сделал еще до службы в Легионе на кузнечном верстаке отца Роланда. Он до сих пор служил разведчику верой и правдой, ведь был сделан из отличной стали, полученной после переплавки сабли. Алистер слегка поковырялся в замке, пока он не отпал от сундука, словно отмычка была ключом. — Они не святые, не люди храма, чтобы нельзя было их грабить, и даже более того, им сейчас вообще все равно, заберу я их деньги или нет. — Припав ко второму замку, опытный взломщик задержался чуть дольше, однако, и тот вскоре поддался и упал на обломки. Отворив крышку, разведчик увидел содержимое, отчего его глаза заблестели — полсундука монет, в основном валюта Гаардена, но ее легко обменять в королевском банке любой столицы.

— Монеты не наши.

— Как это не наши монеты? — Возмутился Алистер. — Еще как наши, мы ведь их нашли.

— Печать королевства Гаардена, где ты их обменяешь? И даже не думай про королевский банк, тебя к нему даже не подпустят. — Рыцарь захлопнул сундук сапогом, чуть не прибив пальцы расстроенному разведчику. — Бесполезные железки, которые станут ничем иным как лишним грузом в пути.

— Элизабет! — Подозвал расстроенный взломщик, дождавшись пока она подойдет — он продолжил говорить, но нервный тик не давал ему покоя. — Отправляйтесь в королевство Гаарден, вот небольшой подарок для вас с мужем, деньги непременно пригодятся.

— Я не могу. — Возмутилась она.

— Понимаю, королевство не шибко прекрасное, комары, болота, но и там есть на что посмотреть.

— Да нет же, я не могу взять деньги.

— Нет? Тогда ладно, очень жаль, оставлю себе. — Обрадовался он, как вдруг Титус прижал сундук ногой, не дав ему забрать заветное богатство.

— Элизабет, ни мне, ни Алистеру с Роландом эти деньги не помогут. Мы попросту не сможем ими воспользоваться, поэтому или вы возьмете их себе и начнете новую жизнь, не в Темнолесье, или они останутся здесь, дожидаясь пока какой-то разбойник приберет богатство к рукам для создания своего клана или восстановления лагеря работорговцев.

— Благодарю. — С пониманием кивнула она, мы будем вашими должниками.

— Отлично. — С иронией кивнул Алистер. — Зайдем как-то к вам, если в меня опять выстрелят из арбалета, может, чем вкусным покормите. Скажите Роланду, чтобы нашел Валенна и возвращался, устроим привал до утра, а затем разойдемся каждый своей дорогой.

Как в Темнолесье отличить день от ночи? — Ночью намного прохладнее. Солнце уже не греет кроны деревьев, а земля не прогревалась днем, чтоб отдавать тепло в холодное время суток. А утром земля застилается туманом, густым и светлым. Валенн сидел на сундуке, набитом монетами, на который так тоскливо посматривал Алистер. Сундук словно манил его и заставлял думать о том, что на эти деньги можно купить.

— На эти деньги я смогу открыть свою пивоварню или винодельню. — Заметил Валенн.

— Прекрасно. — Процедил Алистер. — Ты ведь об этом мечтал?

— Верно, об этом. Ради этого, я и изобрел формулу алхимического жидкого пороха, вы сами видели, на что он способен. Думал, продам его в Везерлехе, озолочусь и останусь там с женой, открыли бы свое дело. В Гаардене тоже неплохие земли, там ценят вино и всегда щедро платят за него. Уже спустя год мы сможем прислать вам бутылочку отличного вина из молодого винограда.

— Бутылочку? — Возмутился Роланд. — Мы раскрошили лагерь работоторговцев на опилки, спасли вас от них, убив человек сорок, отпустили рабов на все четыре стороны. Тут, как минимум, ящик, а то и два! У меня штаны кровью пропитаны все же!

— Будет тебе ящик, доблестный герой. — Засмеялся пивовар, смутив воина, а его жена лишь застенчиво взяла мужа за руку. — С моей-то мечтой все яснее ясного, но чего вы ждете от судьбы?

— Боевой славы. — С пристрастием простонал Роланд, похлопав по рукояти меча. — Жду времен, когда мое имя с трепетом будут произносить малые дети, играя во дворе с деревянными мечами, и меня будут упоминать при тренировке рекрутов в городской страже. До Легиона я был стражником, тогда только и оставалось, что жалеть о прошедших временах, болтать с людьми, пришедшими в город, и гонять карманников. А путникам говорить о том, что ты так же, как и они путешествовал, оправдываясь, указывая на простреленное колено. Приходилось лгать, чтобы не опозориться.

— Правосудия. — С гордостью произнес рыцарь, ожидая хотя бы уважительного мычания. — Пока человек, нарушивший рыцарский обет, спокойно дышит воздухом, мне сложно думать о чем-то еще. Хоть и понимаю, что после мне придется восстанавливать честь своего ордена и семьи.

— Семья-то тут каким образом? — Удивился Роланд. — В ордене был кто-то из родичей?

— Был, родной брат, имя которому — Бернард. — Признался рыцарь, почувствовав сильное облегчение, хотя, по сути, ничего не поменялось. Спутники озадачено взглянули на него, после этого сложно было чувствовать себя хорошо. — Да, он мой брат. Словно я единственный, у кого в семье неладно.

— Суть дела не меняется, предатели всегда заслуживают наказания. — Поддержал разведчик. — А если предал брат, это должно караться смертью, такое нельзя прощать. Куда глупее было бы встать на его сторону.

— Поговорим об этом позже. Лучше вернемся к нашей теме, все рассказали о своих мечтах, но чего желаешь ты?

— Ничего. — Соврал разведчик, сдерживая кашель, после чего встал и отошел от костра, скрывшись в темноте леса. Она окутала его, словно приняв туда, где он должен быть

всегда. Остальные просто проигнорировали подобный поступок и продолжили болтать о чем-то несерьезном, пытаясь отвлечься от мыслей о недавних происшествиях.

Де-Ветт младший ранее не испытывал дискомфорта в темноте. Алистера с детства учили приспособлять зрение к мраку — зачем? — неясно, но этот навык всегда приносил разведчику пользу. Но сегодня что-то поменялось, он стал хуже видеть. Закашлявшись, Алистер делал шаг за шагом, и с каждым пройденным метром в глазах становилось все темнее, а походка делалась все нелепее и нелепее. Тело ослабевало, голова кружилась, до тех пор, пока разведчик не рухнул на землю. Ему казалось, что он куда-то проваливается, покидая реальность.

— Здравствуй, Алистер. — Кто-то поприветствовал его из темноты.

— Где я? — Спросил Алистер, понимая, что это сон. — Почему я не просыпаюсь?

— Ты без сознания. — Пояснил голос. — Лежишь на траве, в страшном лесу, кто знает, может, ты простудишься и умрешь. Тогда поговорили бы с глазу на глаз, а пока, давай себе это представим, потренируемся, так сказать, чтобы при нашей следующей встрече, ты чувствовал себя комфортней и задавал меньше вопросов.

Вдруг Алистер понял, что сидит за столом в роскошном поместье, но краски словно исчезли, все вокруг стало серым. А за длинным столом напротив него сидела черная тень, силуэт человека. Она словно играла бесцветным яблоком, взятым с серого стола. И понимание того, что это сон, никуда не пропадало, просто еще раз ставилось под сомнение.

— Кто ты?

— Будем считать, что работодатель. — Пояснил силуэт.

— Работать во сне, чем ты будешь платить мне? — Засмеялся Алистер и попробовал встать, но почувствовал, что словно прирос к креслу. — Что за дивный сон, я отравлен, у меня видения?

— Нет, ты, можно сказать, исчез. Тебя сейчас нет в мире живых — там лишь оболочка, плоть да кости. Все что ты видишь вокруг, не иллюзия, поверь мне. Наверное, сам узнаешь это место, когда-то ты называл его домом. Я подумал, что лучше всего разговаривать о делах именно здесь. Тебе рано видеть мир теней, зазеркалье или, как вы его называете — астрал.

— Забавно, так кто же ты такой?

— Владыка ночи, Бог Теней, властитель сумрака, покровитель воров и убийц.

— Божество?! Раз так, тогда я тоже. — Процедил разведчик, пытаясь "оторваться" от кресла. — Что за бред?! Бог он, видите ли, размечтался! Дай мне только встать на ноги...

— Не торопись, советую умерить пыл. — Образ становился ближе, но с места не вставал — попросту стол, за которым они оба сидели, стал намного короче, постепенно уменьшаясь в размерах. — Ты так похож на своего отца.

— Это странный сон, богов не существует, об этом знает даже мое подсознание.

— Разве? — Удивился силуэт, внимательно ощупав свои плечи и руки. — Как-то не знал этого, и существовал, ты представляешь?! Надо будет и другим сказать, чтоб не существовали, ведь Алистер в нас не верит.

— Чем докажешь? — С недоверием произнес разведчик.

— Одной лютой зимой ты впервые убил, и вот что странно — не ощущал никаких сомнений при этом, и был уверен, что поступил правильно. Ты хладнокровный убийца. Никому не говорил этого, даже своему другу Роланду. Мне продолжать раскрывать карты, которые ты так отчаянно прячешь в рукаве?

— Подумаешь, это знал я, а значит — воспоминание хранится в подсознании, которое воспроизводит его во сне.

— Смышленный малый, упрямый, но давай продолжим, у тебя интересные суждения. Ты познакомился с северянином Роландом. — Продолжал силуэт. — На то время это был уже крепкий юноша, вспыльчивый, но бескрайне добрый, как к тебе, так и к остальным. Он вечно хвалил тебя, делал комплименты ловкости и внешности, проявлял заботу и защищал от тогдашних недругов. Но ты был намерен просто обокрасть его отца.

— Но я этого не сделал.

— Ты планировал так поступить с ним.

— Но я не сделал этого! — Выкрикнул от злости Алистер. — Делать тебе нечего, кроме как читать мне нотации о том, что я вытворял в юношеском возрасте? Вспомни еще, как яблоки у соседей воровал или как подглядывал за девчонками.

— Может быть, ты мне не веришь, но прошу, выслушай внимательно. — Произнес силуэт, и хоть Алистер хотел что-то возразить — не смог, губы словно срослись, а руки ладонями приросли к столу, за которым он сидел, ему казалось, что спинка пускает корни и оплетает тело узника собственного кошмара. — Твоя судьба мне известна столь же хорошо, как и твое прошлое. И многое, что будет всплывать при наших встречах — удивит тебя. Итак, предположим, есть камень, на котором высечено твое предназначение, будем считать, что я сам его создал. Но мне хотелось бы ускорить кое-какой процесс, обойти некоторые правила, установленные моими братьями — Войной и Пламенем. — Силуэт, встав из-за стола, подошел к гостю и уселся на стол возле него. Даже когда собеседник настолько приблизился к Алистеру, разведчик все равно не мог разглядеть его лица. — У меня много братьев, все мы — большая семья. Война порождает пламя, а после огня всегда пепел и тьма. Наверное, ты думаешь, что я несу бред. Мои братья: бог войны и бог пламени считают также. Чтоб ты понимал, еще давным-давно, когда мы, боги, жили среди вас, смертных, у нас было много споров. Соревновались, у кого приспешников больше, у кого член длиннее, как дети малые — честное слово. И вот мой старший братец, бог огня, испепелил целую страну, выжег каждое древо — ныне те земли вы величаете как Острогорье, ведь там больше нет ничего, кроме гор. Мы сказали — молодец! И у самих, что-то под ложечкой засосало, зависть сыграла свое, ведь другие боги кричали о том, какой он, видите ли, великий и сколько шороху навел — но ведь он выжег народ, который ему молился. И младший брат поступил подло, один кузнец выковал ему невероятно крепкие латы, теперь он мог не отставать от старшего брата в величии. Да-да, Алистер, мы неуязвимы для людского оружия, но как тут не покрасоваться! Черт, я завидовал, не стану лгать, и подумал, что сделаю себе меч — нашел лучшего мастера и самую крепкую сталь, которая когда-то пала камнем с небес и была чернее ночи. За щедрую плату кузнец выковал для меня самый прочный и прекрасный клинок — имя ему "Черная роза", воистину смертоносное оружие. Мне завидовали, а я был доволен. — Силуэт соскучился по гласу собеседника и щелкнул пальцами и разведчик снова понял, что может говорить. — Что думаешь, Алистер?

— Много болтаешь.

— Я заплатил кузнецу кое-чем, созданным из частицы моей души.

— Знаю-знаю эту байку. — Покачал головой гость. — Не та ли монета из легенд? Якобы Бог Теней захотел себе меч на зависть остальным богам и прознал о самом лучшем в мире кузнеце. Платой стала черная монета, созданная из частицы его души — ведь боги не признают ценность золота.

— Именно она. — Согласился силуэт. — Эту монету и ищет твой спутник, Титус. Меч был моим, пока боги не ушли каждый в свои миры, но вскоре мы вернемся, и оружие понадобится мне. Я желаю вернуться в мир смертных вместе с братьями, во всем своем величии. А ты, потомок благородной семьи Де-Ветт, мне в этом поможешь.

— Какой мне резон делать это?

— Бессмертие и власть, масштабы которой сложно вообразить.

— Что именно ты ждешь от меня?

— Что ты сослужишь мне хорошую службу. — Процедил силуэт, наклонившись к самому лицу гостя, пристально всматриваясь в его глаза. — Не волнуйся, Алистер Де-Ветт, я дам тебе знать.

— Дашь знать о чем?

— О твоём задании, ты меня вообще слушал? — Возмутился силуэт.

— А ты меня?! Я не стану служить, никому и никогда. — Алистер сплюнул в сторону собеседника.

— Будешь. — Настаивал он.

— Семья Де-Ветт, служит только самим себе!

— Ох! Если бы только знал. Боюсь, должен тебя огорчить, но ваша семейка тесно общается со мной на протяжении многих поколений. Твой отец возглавил гильдию убийц неспроста, не без моего участия, а создал ее — твой дедушка, ты вряд ли помнишь его, но он был тайным разведчиком в Везерлехе. Ты знаешь так мало о собственных близких. Отказываешься видеть очевидные факты. — Силуэт начал нервно жестикулировать, пытаясь объяснить "как все работает". — Я покровитель воров, убийц и лжецов и ты — самый красочный пример подобной солянки. И что же это означает, Алистер?

— Что ты у меня уже в печенках сидишь.

— Это означает то, что твоя душа будет принадлежать мне после твоей смерти, какой бы она ни была, и сколько бы ты ни пытался ее отстрочить. Ты станешь тенью, убийцей, который донесет смертным мое послание. Там, где будешь ты — наступят ночь и страх. На месте, где ты пройдешь, уже не рассеется тень, погаснут фонари, как и любая надежда на спасение.

— К чему все это?

— Боги вернутся в мир смертных, со временем, когда вы будете готовы. А пока каждый из нас ищет избранного, глашатая силы своего покровителя. Ничего не делается напрасно, на все есть наш умысел, и единственное, чего мы не можем предугадать — это действия и планы себе подобных. — Силуэт приблизился к слушателю. — Пока что лучшими глашатаями богов были Томас Маршал, и Теодор Де-Ветт — ваши с Роландом отцы. Отец не бросил тебя одного, за тобой присматривал его друг, папочка твоего соратника. И вам, потомкам легендарных героев, было суждено стать друзьями.

— Мир тесен, в который раз убеждаюсь.

— Теснее, чем ты думаешь. Твоя семья оборвала жизни не одного глашатая, все ради славы в царстве теней, как и предки твоего друга закончили не одну войну, предпочитая держаться в сторонке. Знаешь, отца Роланда изгнали за бездеятельность в дни великой экспансии между королевствами и северными кланами, тогда он был одним ярлов севера и мог бы принести куда больше пользы, сохранив этот титул.

— Какой еще пользы?

— Он не давал войне разгореться, пока не пришло время. Томас пожертвовал всем, он

постоянно становился героем, раз за разом, а из-за его красной маски — никто об этом не знал. И эта маска досталась его семье давным-давно, еще от самого бога войны.

— Что же у моей семьи нет своего фамильного артефакта?

— Есть. — Возрадовался Бог Теней. — Та самая монетка из легенды. Забавно, правда?

— И зачем она нужна?

— Ее можно использовать только раз, это то, что попросил твой далекий предок в награду за преданную службу. — В ней душа последнего из твоего рода, в данном случае — это ты. Своеобразный выход из замкнутого круга, эта монета может вернуть тебе душу, после чего ты прекратишь служение мне, сделать это сможет любой из твоих потомков. Однако, с ее помощью, ты сможешь исцелить смертельную рану, эффект будет таким же — освободишься от дара.

— А что, если я использую для спасения другого раненого?

— Все равно будешь служить мне, но сделаешь благое дело. — Силуэт встал и прошелся к окну, за которым ничего не было, но он с интересом туда посматривал, будто видел что-то красивое. — Ты наверняка думаешь о том, почему никто не использовал ее, способную подарить свободу?

— Угадал.

— Спроси у родственников, Алистер, тебе попросту нужно отыскать отца. Зря думаешь, что они бог знает где, но и брат, и отец — оба в Темнолесье, словно приехали на собрание. — Этими словами незнакомец вызвал неподдельный шок у своего собеседника, что сильно его обрадовало: он буквально вприпрыжку подбежал к разведчику, усевшись перед ним на стол. — Ой, ты не знал!?

— Где они?

— Я не могу говорить всего сразу. Спросишь у отца, если встретишься с ним, и будешь нуждаться в ответах, почему же семья Де-Ветт даже не пробовала освободиться. Все ваши предки были эгоистами, эгоистом был и твой отец, и дед, даже прадед, тот вообще был величайшим из лжецов. Все потому, что служба тени награждается. — Резко схватив его руку, силуэт приподнял ее, показав Алистеру свою ладонь. — Ты думал столько мастерства у тебя от природы, думал в этой руке совершенная точность, только от того, что ты долго тренировался?

— Да.

— Отчасти, приятель. — Хватка ослабла, силуэт встал и обошел его со спины, положив темные ладони ему на плечи, наклонился над ухом, начав шептать. Голос словно пробирал разведчика холодом. — Твой друг, Роланд, под присмотром бога войны, он не от природы жаждет сражений, в бою в нем кричит зверь, пробуждается ярость тысяч воинов — его предков, которые стараются вырваться наружу, чтобы обогатить землю кровью. А пустота, которую ты чувствуешь в груди — это потребность мира теней в душах убитых тобой людей. Всегда есть чувство, как пустота чем-то заполняется, когда ты кого-то убиваешь, ведь так?

— Я излечу себя и верну свою свободу, тебе не достанется моя душа.

— В твоей судьбе есть строка, где указано, что ты будешь мне служить. Я не мог ошибаться, когда писал ее, сотни твоих предков служили мне, и ты будешь. Всегда найдется то, что может заставить тебя сделать это. Твой отец служил мне, когда убили твою мать, все ради того, чтобы отомстить, найти убийц. А дед согласился служить в обмен на женщину, которую так любил. Прадед...

— Довольно! Я принял решение, тебе меня не переубедить.

— Или. — Заметил тот. — Ты оборвешь монетой связь Роланда с богом войны. При таком раскладе, в то время как я просто поручил бы тебе убить нескольких человек — Роланду на службе у богов войны, придется истреблять целые народы.

— Он справится, он хороший человек. — Заверил разведчик, со страхом в голосе, пытаясь оправдать свой эгоизм. — Я умираю, мне эта монета нужнее, чем ему. Я думаю, мы справимся с этим зверем внутри него, он поймет, если я спасу свою душу и тело.

— Уверен, лживый ты эгоист? Будто ваш бронзовый дружок просто отдаст ее тебе, когда заберет монетку, сам знаешь у кого. Советую запомнить этот разговор, он продолжится позже. Если я буду нужен, посматривай на ворона, Алистер.

Дернувшись, Алистер очнулся в холодном поту. Он перевел взгляд на одну из веток: на ней сидел черный ворон и косо поглядывал на пробудившегося разведчика. Запястье словно горело, возможно, он потерял сознание на осинном гнезде, или какое-то ядовитое насекомое ужалило его? Это бы объяснило странный сон и жжение. Но теория разбилась в прах, когда рукав кожаной куртки был закатан по локоть — он увидел след, словно кто-то сильно держал его за руку, оставив синяк. Что за черт?! — Вырвалось из уст Алистера. От холода и страха, которого он не ощущал уже давно, по телу прошла крупная дрожь. Разведчик резво опустил рукав и вскочил на ноги.

Под треск костра разносились веселые выкрики Роланда, перешептывание Титуса с пивоваром и его женой. Спустя несколько минут из тьмы густой чащи показался пропавший куда-то Алистер, которого не было несколько часов. Он бодро перешагнул бревно и уместился на нем, начав тщательно разминать правое запястье — жжение было, как от ожога, что усиливало абсурдность произошедшего с ним.

— Ты в порядке? — Поинтересовался рыцарь.

— В полном. — Смутился его друг.

— У нас все темы для разговоров исчерпаны, а большая часть ночи еще впереди.

— Что с того?

— Роланд сказал нам, что ты знаешь много легенд, расскажи что-нибудь. — Вмешался Валенн.

— Легенду хочешь? — С ухмылкой поинтересовался Алистер. — Есть одна интересная история, она точно придется по вкусу нашему доблестному рыцарю, ведь она повествует об артефакте. — Поймав внимательный взгляд Титуса, рассказчик продолжил, но не отводил от него пристальный взгляд. — Давно это было, тогда еще, как поговаривают, боги жили среди людей. Был кузнец на севере, лучший в своем деле, и слухи о нем доходили до самих богов.

— Никогда не слышал. — Солгал рыцарь, но разведчик быстро понял это. А ведь реакция Титуса подтверждала: силуэт — не простой сон, "это" было на самом деле, что и настораживало Алистера, ведь если недавние события не были подсознательным озарением, то их придется считать самой настоящей реальностью.

— Бог Теней собственноручно навестил того кузнеца и потребовал выковать ему меч. Легенды гласят, что то был невероятно острый клинок из черной стали. Первое оружие, выкованное из нее, и платой за его мастерство стали гроши, ведь кузнец не был требователен, да и цены тогда были куда мягче, нежели сейчас. Но боги не признают золото, и Владыка Тени заплатил кузнецу необычной черной монетой. — Алистер довольно пугающе взглянул на рыцаря. — Не ври, что не слышал такую историю.

— Даже если и так, то что?

— Ваш орден нашел именно ее в Темнолесье?

— Ну, возможно. — Нехотя признал Титус, все окружающие заинтересованно следили за диалогом, но ничего не понимали, казалось, что эти двое просто говорили о чем-то, понятном только им. — Ты не перестаешь меня удивлять, Алистер. Как ты узнал?

— Допустим, я догадался. — Соврал он. — Скажи мне одно, мой друг, ведь кое-что не укладывается у меня в голове. Ты герой, и с тобой все предельно ясно — спасти мир от угрозы — дело безумное, но благородное. Но вот что для меня загадка, зачем она Кроули? В чем особенность этой монеты, если она стоит того, чтоб предать свой орден?

— В ней скрыта сила, что стоит над всеми допустимыми законами жизни и смерти, нечто пугающе могущественное. В книгах об этом сказано очень мало, каждое ее описание спорное, а иногда даже абсурдное. Но в какую версию он верил точно, так это в ту, что была записана в "Хранителе снов".

— Хранитель снов? — Удивился Роланд. — Это ведь книга с детскими сказками.

— Многие такие сказки оказались просто переделанными историями. — Скупое процедил рыцарь, глядя, как воин с севера непонимающе хмурится. — Удивлен?

— Сказка о говорящем мече?

— Лежит в подвале ордена. — Резко ответил Титус, словно знал, что воин спросит именно об этом. — Он скорее не говорит, а поет, слов разобрать невозможно, но, мне кажется, это язык древних. Понимаете, мой бывший соратник Кроули — человек довольно странный, ведь он давал присягу служить человечеству, однако, все равно не понимал, почему нельзя отдать артефакты простым обывателям. Он не хотел признавать, что эти вещи опасны...

— Так что же было написано в сказке о монете?

— Воскрешение неживого, якобы возвращение в этот мир после смерти или наделение душой неодушевленного предмета, что-то вроде этого. — Седоволосый рыцарь посмотрел на удивленного Алистера, ему было одновременно приятно, что товарищ интересуется родом его деятельности, хоть это и было подозрительно. — Везерлех имеет одну достопримечательность — это статуя огромного рогатого существа, которая стоит посреди великого леса, по поверьям, она когда-то была живой и ходила. Якобы что-то прокляло эту тварь, превратив в белый мрамор.

— Неодушевленные существа? — Удивился разведчик.

— Знаю, полный бред. — Усевшись удобней, рыцарь подал пример всем остальным. — Просто таковыми считали слуг богов, их называли еще богоподобными, ведь они имели те же силы, ту же власть, чтобы делать за небожителей всю грязную работу. А почему, собственно говоря, их называли бездушными, так это от теории, что сперва глашатай умирал — и попадал к своему богу, а затем воскресал, наделенный даром.

— Куда же девалась эта ваша "душа"?

— Алистер, душа в рабстве у покровителя, а тело что-то вроде инструмента в руках божества. Кроули был уверен, что душа последователя тени находится именно в этой монете, ведь сам посуди, боги не могут взять душу живого человека к себе в мир, они забирают ее лишь у умерших. А вот провести такую аферу, вполне можно, каждый бог, по легенде, помещал частичку себя в какой-то артефакт.

— И вот такая монета, может спасти человека?

— Это не доказано, ведь такого никогда не случилось! — Титус уже мог поклясться, что происходит что-то неладное

— С чего это вдруг столько интереса ко всему этому?

— Я не настолько туп, чтоб верить в сказки, если ты про это. — Пояснил Алистер, отодвинувшись от костра и с улыбкой осмотрев всех вокруг. — Я ведь тоже могу назваться богом, вылепить из навоза монетку, но мне никто ничего не продаст за нее. Какие бы свойства я ей не приписал.

— Я бы тебе заплатил. — Сказал Роланд. — Правда, заплачу тебе десять сребреников, если ты слепишь что-то из навоза. — С радушной улыбкой северянин смотрел на уроженца Темнолесья, в надежде хоть слегка его развеселить.

— Могу слепить твою копию из навоза, это будет несложно. Потом даже сотню монет отдам, если кто-то отличит. — Алистер все же улыбнулся, но улыбка получилась мимолетной — рука вновь заболела и это в очередной раз напомнило ему о приближающемся конце...

— В общем. — Продолжил тему Титус. — В той монете, по легендам, душа глашатая. Кроули уверен, что с ее помощью он сможет выкупить душу мраморного голема из заточения богов. Оживить статую и заставить ее служить его делу.

— Это должно не понравиться послушнику Бога Теней. — Заметил Алистер.

— Разумеется, представь, что за твою душу кто-то что-то покупает.

Глава 5. Особенности местной кулинарии

Осень 1670 года, Темнолесье, центральная тропа

“Человек, пребывающий в гармонии с собой, стоит отряда солдат. Слаженный отряд стоит целой армии.” — Неизвестный солдат королевской гвардии Везерлеха о создании Серого легиона в Нортленде.

Центральная тропа Темнолесья напрямую вела к горному хребту. А орудующие здесь разбойники не давали покоя даже торговцам, нанимавшим охрану. То, что осталось от торговых караванов, имевших несчастье оказаться в этом месте в неподходящее время, теперь украшало обочину тропы: тут и там валялись детали телег и людские кости. Словно вычерченная под линейку, тропа не имела изгибов и поворотов, а все съезды с нее давно поросли травой — любой близлежащий трактир или селение ныне пустовали.

Большую часть ночи Алистер не мог сомкнуть глаз из-за кашля и мыслей, терзающих сознание, а утром из-за громких выкриков его друга-воина и рыцаря. Сначала он пытался игнорировать их, но звон мечей настораживал, вызывая невольную панику, а жжение в кисти лишь укрепляло внутреннюю тревогу. Встав на ноги с сырой земли, кое-как пробудившись ото сна, разведчик взглянул на свои руки — они тряслись, словно от холода. Кожа была бледнее обычного, а вены на руках стали темнее, что бросалось в глаза, пришлось понижее опустить рукава куртки. Пройдя двадцать метров вниз по холму, он застал своих компаньонов за тренировочным боем.

— Хорошо, что это не те стоны, о которых я подумал, вы всего лишь тренируетесь.

— Очень смешно Алистер. — Буркнул Роланд, отвлекшись и тем самым позволив Титусу сбить себя с ног.

— А что я должен был подумать, между вами искры так и скачут.

— Доброе утро, Алистер.

— Недоброе, Титус. — Указав на небо, скрытое кронами деревьев, продолжил. — Только вот тут и утра толком нет. Вы меня скоро до могилы доведете, не могли сделать это немного дальше, мили так две на север? Где-нибудь, где я бы вас не слышал и не видел.

— Выглядишь паршиво, ты как?

— Лучше многих, Роланд, как насчет моей просьбы заняться этим подальше от меня?

— Титус быстро учится. — Заметил воин, проигнорировав ворчание разведчика. — Если нам предстоит сражаться, думаю, он сможет работать в команде.

— Чья была инициатива?

— Моя. — Постучал себя по бронзовым латам Титус. — Ты сам говорил, что я делаю глупости во время боя. Подумал, что от меня будет больше пользы, если я пойму, какую тактику вы предпочитаете. Как сменяете позиции, как подменяете друг друга и в какие моменты. Так я смогу лучше гармонировать с вами.

— Двое разбойников и рыцарь будут гармонировать, ты затылок застудил? Достаточно было бы не мешать нам, держаться где-то подальше, чтобы Роланд не снес тебе мечом голову, и не мельтешить между моим луком и целью. Где он взял себе меч? — Спустившись с холма, разведчик взял у рыцаря меч и начал пристально рассматривать его. Это было хорошее оружие со змеиным орнаментом на лезвии, сам металл, в свою очередь, напоминал серебро, а по всей длине тянулся аккуратно выточенный желобок.

— В лесу нашел, пока ветки для костра собирал. Ты же поймаешь нам что-нибудь на

завтрак? — Пожал плечами Роланд. — Красивое оружие, но слишком легкое, я бы с таким не ходил.

— Я бы не шумел так, мы недалеко от центральной тропы. А вот оружие интересное, хорошее качество и стиль исполнения. Титус, знаком с таким? Знаешь откуда он?

— Гаарден наверняка тамошняя королевская гвардия.

— Почти правильно и хорошо, что чему-то вас все же научили. Это не совсем гвардейский меч, это клинок разведчика Гаардена, видишь змею? Она красуется не только на гербах и гобеленах королевства. Узкое лезвие — не лучший выбор для открытого боя, облегченная рукоять, наверняка сосновая, пустотелая, перевязана крашеным шелком.

— Что разведке Гаардена делать в Темнолесье?

— Нортленд на грани войны с Везерлехом, а такие страны как Гаарден не будут спокойно стоять в стороне, попробуют найти выгодного союзника. Таким образом, они присвоят боевую славу и себе, ведь уже кусали локти, когда при первой войне севера с Везерлехом, отсиживались в своих избушках. Через этот лес они пытались попасть на север, но в Везерлех также был послан разведчик, я более чем уверен в этом, нельзя недооценивать столь наглых политиков. Прощупывают почву, оценивают обе стороны. Как я уже сказал, если начнется война, они объединятся с сильнейшим королевством, чтобы потом почивать на лаврах. Я бы поступил также, уж не знаю теперь, стоит ли вообще идти через горы, в Темнолесье становится слишком людно.

— Риск есть всегда. — Заметил Роланд. — Мы не маленькие девочки, чтобы сидеть и плакаться. И если потребуются дать бой, я буду только рад. Буквально горю от нетерпения сразиться с инквизиторами, ты и представить себе не можешь. — Признался северянин, настораживая Алистера, который только отчетливее вспоминал слова из своего сна, и был ли это вообще сон!?

— Да, но сейчас на кон поставлено слишком многое. Нужно узнать новости, здесь неподалеку есть малое поселение, к вечеру дойдем туда. Попросимся на ночлег, выспимся, залечим раны и разузнаем, о чем говорят вне Темнолесья, какие-то слухи все же доходят сюда.

— Сколько времени мы потеряем? — Озадаченно вздохнул рыцарь. — Я все понимаю, просто мне невыгодно медлить с поимкой Кроули, ведь вопрос чести и справедливости не позволяет медлить.

— Да, разумеется, месть ты хотел сказать. Успеешь отомстить брату-предателю. Четверть ночи на малый крюк, благодаря чему спать мы будем не в траве, а в теплых кроватях. Если не знать обстановку извне, выйдет так, что мы вслепую пойдем через кордон, не зная, что нас там ждет. Гаарден вполне мог спровоцировать войну, если так, то не исключено, что границы в горах будут перекрыты одной из сторон. Да и про инквизицию не стоит забывать, не исключено, что медноголовые могли исхитриться, и что-то приготовить — они неспроста в этих лесах.

Пока разношерстная компания шла к городку, некий рыцарь Дэнтон Стоун добирался до перевала. Ему нужно было перейти горный хребет, за которым лежало бескрайнее Темнолесье. На своем пути он повстречал инквизиторские патрули во главе с одним из старших офицеров. Дэнтон спешил, поправил плащ и вальяжно подошел к ним, выказывая свою гордыню и неприязнь к их мировоззрению.

— Вход закрыт. — Заявил инквизитор, поглядывая на своего офицера.

— Да мне до задницы. — Признался рыцарь. — Я доверенное лицо короны Везерлеха, а потому имею полное право пересекать границу взад-вперед, как только мне вздумается.

— Это ничего не меняет: никого не впускать — никого не выпускать. — Продолжал офицер, пока остальные инквизиторы собирались позади него. — Это был приказ и как один из командиров своего ордена я обязан соблюдать его.

— Насколько я знаю, — сплюнул рыцарь — наши короли, якобы пришли к выгодному соглашению, что мы сами ликвидируем нарушителей границ и вашего сомнительного правопорядка — рыцарей Ордена Пылающего сердца. Я лично отловлю предателей, тем более, их осталось всего двое, и вернусь назад. Может, видели эту парочку в бронзовых латах? Братья Борн, у которых головы задержались на плечах, а я вот как раз еду исправлять это недоразумение.

— Увы, это приказ, а другого указа — не поступало.

— Эти ваши шарик, детекторы, или как вы эти штучки называете, вибрируют, когда я с вами говорю? — Дэнтон исподлобья взглянул на них, еле скрывая свою злость. — Или я, может, похож на серого легионера? Дезертира там какого-нибудь?

— Нет, однако, сути приказа это не меняет.

— Эй. — Крикнул кто-то из инквизиторов, пытаясь добежать до блокпоста, где вокруг выходящего из себя рыцаря скопились инквизиторы. — О нем говорилось в донесении, он должен пройти. — Добежав, не отрывая взгляда от бумажки, инквизитор продолжил общаться, но более учтиво, словно боялся выговора, если это дойдет до короля или куратора. — Вы должны ответить на вопросы, простая формальность. Вы сэр Дэнтон Стоун?

— С утра был таковым.

— Прошу простить, мы получили приказ только сегодня, моя вина.

— И почему же он дошел только сейчас? — Озлобленно рыкнул рыцарь, поправляя латные пластины. На них были узоры, изображавшие драконов из разных мифов, четкие линии передавали всю красоту и грацию этих существ. Инквизиторы с интересом осматривали броню, вовсе не слушая диалог. — Неужели так тяжело было доставить послание, это не огромная страна, а просто лес, и не говорите, что ваши гонцы заблудились.

— Вы недооцениваете эти земли. — Инквизитор покрутил в руках послание, показав на кровавые пятна испачкавшие лист и размывшие часть текста. — Гонца нашли мертвым вместе с отрядом, сопровождавшим его. Мы прошли бы мимо, однако едва живой шкуродер сообщил о гонце и о том, что у него есть донесение. Подумать только, вы бы так и простояли на границе, если бы не эта случайность.

— Вот только не нужно говорить, что всему виной дикие звери. — Предупредил Дэнтон, он был наслышан о гигантских пауках, медведях размером с холм, ему хватало этих баек.

— Отчасти, самый страшный зверь на земле — человек. Судя по тому, что шкуродер выдавил из себя, их было не больше трех, кстати говоря, среди них замечен бронзовый рыцарь. А еще какой-то сумасшедший в красной маске.

— А второго бронзового не было? Уж больно не хочется его искать, хорошо, если он уже мертв. Вообще, есть шансы, что они погибли сами, и мне не придется искать их?

— Уже перехотели странствовать по темным лесам? — Иронично подколот его инквизитор. — Увы, по тому, что мы видели, у них есть все шансы выжить. Но будем реалистами, в чаще убит целый боевой отряд, очень сомневаюсь, что ему противостояло только трое.

— Хочешь сказать, один человек бессилён против группы?

— Конечно! — Уверенно крикнул он. — Если это не инквизитор против горсти магов.

— Брось меня смешить, сейчас поножи обмочу, заржавеют. — Рыцарь похлопал по ножнам. — Вот этим мечом я могу сразить сразу троих из вас, одним ударом. Затем мог бы свернуть шею двум другим, которые стоят справа, а тем, кто слева, вбить медные шлемы так глубоко в туловище, что любая шляпа будет спадать. — Взглянув на напряжённых инквизиторов, Дэнтон мило улыбнулся. — Расслабьте булки, штаны порвете. Я с дороги очень нервный и попросту хочу пройти мимо вас, чтобы выполнить свою работу. Туда, знаете ли, в это ваше Темнолесье, страшное и великое место.

— Его нельзя назвать нашим. — Подал признаки жизни офицер-инквизитор.

— Это часть Нортленда. — Заметил рыцарь.

— Лишь формально. — Признался он в ответ. — Никто не говорит о нём как о части севера, кому нужны эти земли, разве что визуально расширить границы. Дойдя до Темнолесья, можно считать, что стоишь у кордона.

— Спорный вопрос, офицер, о спорных землях. Это слабое северного королевства, и как только мы позволили вам стать королевством!? Было лучше, когда вас считали дикарями под началом конунга, а ваши местные ярлы имели куда больше влияния.

— Вашу страну пугает север, так или иначе.

— Заговорил истинный северянин. — Заметил рыцарь Везерлеха. — Наш народ разумеется, опасается севера, каждый переживает, что начнется война. С тех времен, когда вы выстроили флот и ходили от берега к берегу, совершали налеты, грабили наши церкви, убивали и насиловали, не щадили стариков и детей, простые люди боятся вас.

— Так разве не стоит ли вам следить за своим языком?

— Из-за этого страха я и прибыл сюда, дабы устранить возможную причину войны — двух нарушителей. Да и без последних событий шаткого союза как и не бывало, но не доводить же до открытого противостояния. А теперь мне пора на охоту...

Поселение было ещё меньше, чем рассчитывал Титус, на его родине такие хутора даже не имели названий. Дюжина домов, из которых в одном с радостью согласились принять гостей на ночь — никакой речи о трактире не было вовсе, из всех мест, имевших значение для здешних жителей, был лишь колодец с родниковой водой, но и он не внушал доверия.

Многодетная семья, которая приютила странников, уживалась в двухэтажном доме с ветхой деревянной крышей: четыре комнаты, небольшой амбар-пристройка и несколько метров огорода с ежевикой — вот и все, что у них было. Хозяйева настояли, чтобы гости отужинали с ними, на что тролица любезно согласилась. На первом этаже, за обеденным столом, собрались старик, старуха, их дочь и трое внуков — подобное дружелюбное соседство не могло вызывать никаких опасений. Было тесно, но все вели себя очень учтиво, то и дело предлагали попробовать очередное блюдо, якобы приготовленное специально для гостей. Это послужило поводом для осторожного приема пищи Алистером, она вполне могла оказаться отравленной, разведчик сталкивался с подобным ещё во времена службы в Легионе. Воин и рыцарь, в свою очередь, искренне верили в любезность хозяев и их добрые намерения, а потому уминали угощение с большим аппетитом, поставив под сомнение слухи об этих землях.

— Благодарю за любезность и за то, что приютили на ночь. — Сказал рыцарь, на что

Алистер закатил глаза к потолку и вздохнул. — Не думал, что в этих краях обитают такие чудесные люди. Провел здесь достаточно небольшое количество ночей, но эта определенно лучшая из них, ведь от сырости земли уже давно сводит суставы.

— Я сам не думал. — Добавил саркастично Алистер, поглядывая на мальчика, лет десяти, который сидел напротив и радостно смотрел на него. — Давно вы живете здесь? — С недоверием процедил он, осматривая бокал вина, прежде чем отпить из него.

— Давно, можно сказать родился в этом доме. — Ответил старик, что довольно сильно насторожило разведчика, отложив вилку, он встал и поднялся в свою комнату. Алистер даже кивком не поблагодарил хозяев за мясную похлебку, всем своим видом выказывая нежелание и принужденность.

— А вы, молодой человек, настоящий рыцарь?

— Более настоящий, чем остальные, уверяю вас. Я рыцарь-командор Ордена Пылающего Сердца. — Гордо представился Титус, отчего глаза детей заблестели от восторга, как, собственно, и глаза Роланда. — Если вы услышите, как клеветают на Орден, прошу вас не верить лжецам: эти слухи — полнейший обман и не могут восприниматься здравомыслящим человеком всерьез.

— Командор. — С уважением обратился старик, что невероятно порадовало седого рыцаря. — Вы мне поможете достать из погреба мешок с картошкой, я уже стар и слаб, мне не осилить тяжкий вес, руки уже не те, что раньше.

— Разве вам можно отказать? — Засмеялся Титус, взглянув на сидящего рядом Роланда, который был слегка взбешен, дескать, сразу же видно, у кого мышцы больше.

Счастливый Роланд поднялся в свою комнату после ужина, он с улыбкой посмотрел на своего друга-разведчика, который проверял стрелы и лук, словно готовился к бою. Воин сначала удивился, после чего присел рядом, начав пристально следить за действиями товарища, попутно ковыряясь в зубах, стараясь вытащить мясные волокна. Алистер проверял насколько крепко сидит острие на каждой стреле, не распушилось ли оперение, легко извлечь ее из колчана. Разведчик покосился на друга, и ему показалось, что он с отвращением следит за тем, как он ковыряет в зубах.

— Вкусно?

— Да. — Ответил Роланд. — Думаешь говядина?

— Откуда в Темнолесье говядина? Это не она уж точно, или ты часто видишь здесь коров.

— Ты ведь только кусочек попробовал, может не почувствовал всего вкуса?

— Это не говядина, не курятина, не свинина, ничего из того, что может прийти тебе в голову. — Пальцем разведчик указал на пол, где лежал выплюнутый им кусочек мясного ужина. — Я бы на твоём месте не ел это.

— С пола? И не собирался.

— Я про мясо в целом, не ешь это.

— Отвратительно, а меня еще манерам учишь, хоть бы под ковер закинул. И я бы почувствовал яд, если ты об этом, я не так туп, как ты думаешь. — Поморщившись, глядя на пожеванную еду, лежащую на полу, воин почувствовал себя неловко. — Действительно яд?

— Нет, подумай лучше, неужели тебя никак не насторожила эта семейка?

— Да нет, не сказал бы, очаровательная семья, столько соседей пришло на нас посмотреть, видно гости у них редко. — Воин замялся, ведь понимал, что теперь от давнишнего друга последует очередная нотация с последующей демонстрацией его

умственного превосходства. — Да что ты так смотришь на меня? Говори уже что хотел, а то голова лопнет.

— Старик врал, все его слова — сплошная ложь. Не мог он с рождения здесь жить, раньше тут обитали бежавшие с севера заключенные, это было во время смещения ярлов. Тогда королевская эпоха в тамошних краях только начиналась. Я был тут год назад, проездом, в те времена, когда мы выискивали торговые пути для грабежей. Эти люди даже не смахивают на уроженцев севера. Волосы черные, кожа бледно-серая, коренные люди Темнолесья, так что ложь это все.

— А у жителей севера волосы светлые. — Произнес воин, вытянув из зубов длинную светлую волосинку. Явно длиннее, чем у него. Когда осознал происшедшее, его чуть не стошнило. — Это что, выходит, я съел человека?

— Не всего, по моим догадкам, человека с лихвой хватит, чтобы целую неделю кормить семью, однако, приятного аппетита. Зови эту седую занозу и пойдем отсюда по-доброму, пока наши тела не потрескивают на вертеле, не хочу стать чьим-то завтраком.

— Он пошел со стариком. — Опарашено заметил Роланд, после чего стал быстро собирать вещи.

— Как же задорно проводить ночь в гостях. — С иронией прошептал разведчик. — Если рыцаря съедят, то не увидишь ты свободный край Везерлех и так и останешься тут гнить. Не забывай об его условиях, нужно довести Титуса живым до границы, а не донести в руках то, что от него останется.

Титус был за поселением, рядом стоял старик с факелом, указывая пальцем на ржавую дверь в погреб и продолжая что-то рассказывать себе под нос. Показалось странным то, что погреб находится так далеко от дома, но кто знает здешние обычаи. Может, из-за сырой почвы опасно строить подвалы рядом с домом? Может, есть риск обвала? Как бы то ни было, в глубине души рыцарь тревожился, но все это заглушалось голосом, напоминавшим о необходимости помогать людям, что, по мнению Алистера, ничем не отличалось от слабоумия.

— Довольно далеко от жилья, у нас в Везерлехе подвалы сразу под домом.

— Разве? Не знаю, сынок, у нас так заведено, негоже еду под домом хранить. — Пояснил он, слащаво ухмыляясь. — Мы уже привыкли. Сынок, боюсь, ты не пролезешь вниз, сними эти свои железки, а я их посторожу. — Рыцарь отказывался чувствовать подвох, да и чего бояться? — со стариком-то он справится и без своей защиты, голыми руками может придушить, если потребуется. Сняв броню, он начал спускаться в темный сырой подвал. — Спускайся, а я подам тебе факел, как слезешь.

— Как скажешь, отец. — Спустившись вниз, Титус понял, что довольный старик не спешил подавать ему факел, а в нос почти сразу же ударил запах крови. Вполне логично было думать, что здесь хранится мясо, где-то ведь оно должно быть. Да и на столе были в основном мясные блюда. — Эй, я ничего тут не вижу, подайте мне факел.

— Чудно. — Засмеялся старик, он поспешно скинул факел и захлопнул железную крышку погреба. Небольшое сырое подземное помещение озарилось тусклым светом — теперь Титус смог разглядеть расчлененные трупы, деревянный стол, с лежащей на нем отрубленной ногой, горы костей, на которых зачем-то были сделаны засечки. Ужас охватил тело и разум, но силы воли хватило, чтобы дрожащей рукой поднять факел, пока он не погас, лежа на земляном полу, влажном от крови.

— Эй! — Выкрикнул Титус, пытаясь забраться наверх, но попытки открыть люк были

тщетны. От любого удара с крыши осыпалась ржавчина, но она никак не поддавалась.

Около получаса рыцарь безуспешно бился об люк, который даже не пошатнулся — конструкция была крепка, наверное, укреплена сталью. Слегка придя в себя и выбившись из сил, Титус осторожно спустился вниз, после чего неожиданно для себя увидел знакомое лицо. Это был Кроули, тот самый предатель Ордена, который ныне лежал среди покойников — запах стоял не на зависть. Подбежав к нему и рухнув на колени, рыцарь стал обыскивать тело, пытаясь обнаружить украденный артефакт, причитая при том.

— Вот ты где, Кроули. Где монета, а? Выродок, я лишь сожалею, что сам тебя не прибил.

— Ему уже все равно. — Прошептал кто-то, прикованный к стене цепью, рыцарь заметил его раньше, но и подумать не мог, что он жив. У незнакомца не было одной ноги, культя перемотана окровавленным бинтом и чем-то, похожим на сухожилие, которое исполняло функцию жгута. — Я смотрю, седой, ты будто покойника увидел.

— Выживший? — Удивился рыцарь.

— Да, но вот ноги не чувствую. — Он кивком указал на стол, на котором красовалась посиневшая конечность, словно экспонат чудовищного музея. — Больные сволочи, отрезали мне ногу, но я уверен, скоро их самих на фарш пустят. — Последние силы этот человек тратил на шутки, что вызывало удивление рыцаря.

— Ты еще шутишь в таком положении? — Присев рядом, Титус, тяжело дыша, стал осматривать раненого, его увечья, цепь, к которой был он прикован, страшную рану, но ничем помочь не мог, что просто сводило его с ума. — Откуда уверенность в том, что эти изверги поплатятся за содеянное зло? Это у тебя символ Легиона на шее, ведь так? Раньше увидеть вашего брата было редкостью.

— Да, символ, лишь кровью измазан, не удивляйся, в Темнолесье еще много легионеров. Мы со спутниками, со своей группой, долго следили за этими фанатиками, но меня поймали. — Выдержав короткую паузу и обхватив руками огрызок ноги, продолжил. — Как же зудит нога, вернее то, что от нее осталось. Никогда не думал, что буду съеден людоедами. Это одна из тех вещей, которую не ожидаешь. Не стоило идти в разведку одному.

— Что тут происходит?

— Людоеды, фанатики, тот парень, которого ты обыскивал, знаешь его?

— Поверь, он заслужил участь и пострашнее. Продолжай говорить и старайся не засыпать. Расскажи, он тут давно? — Титус панически оглядывался на Кроули Борна, своего брата, который никогда более его не признает. — Эй! Приятель, только не молчи.

— Все нормально, я просто устал и хочу спать. — Солгал пленный. — Парень, который тебя так интересуется, он тут со вчерашнего дня. Из всех, кого я повидал тут, он держался хуже всех прочих, плакал дольше, бился в люк меньше, слабовольный человек.

— Он достоин более болезненной смерти.

— Раз ты так говоришь, то может и достоин. Они как пауки, заманивают путников в сети, кормят их прошлыми жертвами, а потом убивают, добывая еду для себя оставляя немного мяса для следующих простаков. Придумали отвратительную слаженную схему, и страшнее всего то, что она работает. Поужинал у них недавно, ведь так? Мерзость, кажется, ты съел моего товарища по оружию. Или даже того паренька, он так рыдал, проклинал кого-то.

— Как он умер, и было ли при нем что-либо?

— Умер медленно, сюда скидывают без ничего. Все отбирают, понимаешь? Для начала они просят помочь достать еду, но не уточняют, что еда — это ты сам.

— Там наверху мои друзья, они в опасности, как мне выбраться?

— Нашел, кого спросить. — Залился смехом пленник. — Если бы я знал, как покинуть это место, ноги бы моей здесь не было. Хотя, я ведь сказал про ногу? Забавно вышло. Из твоих друзей, скорее всего, уже варят суп, чтобы покормить своих отпрысков, ты видел их детей? Мелкие паразиты очень любят человеческое мясо. Смирись, они покойники, а вот ты можешь еще выжить, просто молись своим богам, чтобы мои люди вытащили нас отсюда.

— Ты их не знаешь, почему думаешь, что они уже мертвы?

— В этой общине более трех десятков людоедов, а сколько у тебя там друзей?

— Двое. — С надеждой произнес рыцарь и начал обыскивать подвал. — Но стоят они целого взвода солдат.

— Что ты делаешь?

— Ищу хоть что-то, что поможет нам выбраться. Рычаги, черный ход, все что угодно. В подвале нашего ордена всегда было несколько секретных ходов, чтобы даже в пылу осады можно было вывести прислугу и мирных людей.

— Вы с друзьями рыцари, значит? Почему ты думаешь, что если потайной ход есть у рыцарей, то и у людоедов тоже должен быть? Ха! Сказочник. Это тебе не повесть о героях, которые всегда находят нелепый способ спастись и выручить всех остальных.

— Если у них такая хитрая система, то они должны перестраховаться, на случай, если их самих здесь закроют.

— Экономь силы, пока ты бегаешь и суетишься, они отдыхают и едят твоих товарищей, когда эти твари придут, чтобы отрезать от тебя кусочек, силы будут ой как нужны. Так ты проживешь дольше, ведь они рискнут напасть только сворой, а через узкий лаз она не пролезет. Так что, чем больше у тебя сил — тем больше времени.

Роланд посмотрел в окно комнаты, расположенной на втором этаже. Алистер быстрым шагом подошел к нему и также принялся осматривать темную улицу, ища взглядом людей, вскоре он насчитал четверых взрослых мужчин, которые куда-то шли, иногда искоса поглядывая на их окно.

— Алистер, думаешь все тут людоеды?

— Роланд, тут каждый второй с мясным топором за поясом, вдумайся, ведь это мясные топоры, а ты видел в округе хоть один амбар для скотины? Или, может, курятник? Тут только один скот на убой и это мы.

— Я понял. — Согласился светловолосый воин. — Ладно, допустим, мы даем им бой: сомневаюсь, что эти сумасшедшие — тренированные бойцы, они берут хитростью и количеством. Но что делать с детьми?

— Ты когда-то убивал ребенка?

— Я не стану этого делать, Алистер.

— Скажи мне, вот есть ребенок, которого все время кормят человеческим мясом, приводят жертв к нему домой и не исключено, что при нем убивают. Какие шансы, что он станет городским лекарем, библиотекарем или простым рыбаком? Думаешь, его не учили убивать? Думаешь, если бы мы легли сейчас спать, мелкий сорванец не зашел бы сюда с садовыми ножницами?

— Проверять не хочу. — Признался Роланд. — Но обязательно нужно убить?

— Без необходимости — нет, просто будь осторожен. Я и простых детей

недолюбливаю, а что касается людоедов — опыта не имел. Нужно отыскать Титуса, это основная задача, без него мы не попадем в Везерлех на своих условиях. Я спущусь вниз, попрошу кого-то помочь тебе с постельным бельем, отвлеки его, пока я буду занят первым этажом. Не думай слишком много, позволь мне сделать это вместо тебя, просто делай то, что я прошу. Доверься моему здравому смыслу.

— Я давно перестал в него верить.

— Не всегда есть возможность обойтись без жертв, так что ты или рискуешь нашими жизнями, или моральными ценностями — так было всегда. Взгляни на нас, пока что оба живы, верно? Или присутствие рыцаря заставляет тебя сомневаться во мне? Может, я и не ношу стальные латы, у меня всего лишь лук, а не метровый блестящий меч, в левой руке нет щита с какой-то розой, или что они там изображают, но я единственный, кто заботится о тебе.

— Алистер, ты же знаешь, мой меч направлен против твоих врагов. Говори, что нужно делать. Мне импонирует Титус, это так, я поражаюсь его принципам, уважаю его выбор, духовность, но мы дружим с детства. Повторяю, не сомневайся во мне.

Опытный разведчик так и сделал, спустя десять минут после того как напарник вышел из комнаты, в нее постучала женщина, желая помочь Роланду сменить постельное белье. На ее несчастье, помощь ему не требовалась, а вот информация пришлась бы кстати. Только женщина зашла в его спальню, он схватил ее и швырнул о дверной косяк, сломав пару зубов и переносицу, а как только она попыталась взвыть от боли — нанес удар в верхнюю часть живота, лишая такой возможности. Повалив ее на спину около кровати, нажал коленом на ее грудь и заткнул рот ладонью, приводя в ужас своей красной железной маской.

— Ни звука, пока я не позволю. — Предупредил Роланд, а измазанная слезами и кровью женщина попробовала утвердительно кивнуть. — Очень плохо кормить гостей человеческим мясом, это никоим образом не вписывается в понятие дружелюбия и гостеприимства. Будешь со мной честна — останешься жива. А теперь говори, все ли в общине людоеды? — Утвердительный кивок и усилившиеся всхлипы подтвердили опасения. — С нами был третий, он уже мертв? — Отрицательный кивок. — Сейчас я отпущу руку, но ты будешь говорить тихо, по делу. Уяснила? — Утвердительный кивок. — Где наш друг?

— Погреб, севернее поселка. — Шепелявила женщина, ей пришлось быстро учиться говорить со сломанными зубами, ради спасения своей жизни. Она боялась, ведь взгляд северянина словно прожигал ее насквозь.

— Детей вы тем же кормите? Они знают, что едят?

— Да-да, знают. — Зарыдала она, в знак благодарности Роланд свернул ее шею. Мысль о том, что мать откармливала своих родных детей человеческим мясом, приводила его в ужас. Позади послышался хлопок двери и истошный вопль мальчишки, который, впрочем, резко оборвался. Роланд выскочил из комнаты, обнаружив, что у маленького людоеда грудь была пробита стрелой, а дальше по коридору стоял Алистер.

— Это было необходимо? — Опарашено спросил Роланд.

— В этом доме его уже никто не услышит, но продолжая орать, он бы созвал всех здешних жителей на поздний ужин. Берись за дело, не жди, что эти сумасшедшие покорятся так просто, они привыкли быть хищниками, а не добычей. Время разорвать замкнутый круг и вырезать их всех до последнего.

— Титус все еще жив. — Обнадежил его воин. — Он в погребке к северу от поселка.

Женщина не солгала, Титус был жив, но испуган как никогда раньше, в голове

вертелись мысли касательно Кроули, Роланда и Алистера — трех людей, которые вызывали у него разные переживания. События спровоцировали целый шквал эмоций — смесь страха, опасения и удовлетворения. Выживший следил за ним и ни капли не разделял суеты Титуса. Он почему-то был уверен, что выживет и уже завтра будет вместе со своим отрядом, но у рыцаря не было таких надежд.

— Как-то, когда я еще служил в Легионе, у меня был командир. — Начал одноногий пленник. — Матерый был парень, никогда ничего не боялся, а когда настал черный день для Легиона, день засады, он во время боя сказал нам: “Мы или умрем сейчас, прославив богов, либо завтра, каясь в своем предательстве и трусости”. — Но ты все еще жив.

— Верно, Кастиэль воодушевил солдат, мы сражались отчаянно, хотя и знали, что умрем, но стоило ему погибнуть, последние лучи надежды погасли в наших душах. Мы пытались вытащить его тело с поля боя, но там нам это не удалось, и не было никаких шансов похоронить его по-человечески. Я за то, что у каждого есть внутренний голос, который воодушевляет и дает надежду, может, стоит и тебе прислушаться к нему?

— Знаю я пару офицеров легиона.

— Их бы сейчас сюда, было бы полезно. — Вздохнул он, тщетно пытаясь порвать цепь.

— Они как раз наверху.

— Ты странствуешь в компании офицеров легиона? Какие имена они носят?

— Роланд и Алистер.

— Самозванцы. — Утвердительно заявил он. — Командир пехотной группы Роланд, мы звали его Жнецом, не бежал бы с поля боя. И второе имя знакомое, но Алистера, командира разведывательной группы, убили у меня на глазах. Два арбалетных болта, и казавшийся неуязвимым герой упал, как мешок. Кажется, ты водишься с самозванцами, ведь после такого не выживают.

— Их непросто убить. — Улыбнулся Титус, сев рядом, понемногу он начинал обретать веру в благоприятный исход, но все же тяжело вздохнул. — Ведь правда, не так это просто, как кажется.

— Так-то лучше. Станный из тебя рыцарь, думал, среди вас все, как один, верят в свой успех, или что там вами движет?

— Долг и предназначение. Именно мой орден был занят тем, что защищал людей от невидимого зла, пока нас не предал вон тот парень, настоящий выродок. Стыдно это признавать, но он мой брат. Кроули всегда был высокомерным, всегда жаждал власти. Это отравило его душу и сердце. У него при себе была очень важная вещь, ты представить не можешь, какая сила в ней заключена. Теперь она у этих... не знаю, как их даже назвать.

— Все снаряжение они продают в город грехов.

— Я уже что-то слышал об этом городе. — Задумался он. — Что-то плохое?

— Лагерь самых отъявленных головорезов Темнолесья.

— Черт, подобного поворота событий я не ожидал. Мне необходимо попасть туда, но как узнать, где он находится? Алистер будет не рад и вряд ли согласится составить мне компанию. Придется выкручиваться самому, ведь я дал им слово, что переведу через границу.

Роланд залпом допил треть бутылки вина и осмотрелся. Первый этаж дома стал склепом для людоедов: труп со стрелой в груди лежал на столе, два покойника — на полу и тело старика, у которого из спины торчали три стрелы. Алистер спешно спустился и начал собирать стрелы обратно, вытаскивая их из "мишеней" и вытирая наконечники об тела.

— Как?

— Что "Как"? — Переспросил Алистер.

— Первый вопрос, как они не закричали? Второй вопрос, почему на старика ты потратил три стрелы?

— Не успели. — Буркнул Алистер. — Пока первый из них падал на стол, я запустил по стреле в двух других, а услышав, что кто-то зашел с улицы, натянул сразу три стрелы. Сколько было стрел, столько и пустил, а вошедшим оказался старик. Короче, они все просто не успели выдать из себя ни слова.

— Ты бы еще четыре натянул.

— Остряк, четыре стрелы полетят в разные стороны, а не туда, куда мне нужно. Да и зачем больше трех, если одновременно в двери могли зайти только двое. Думай сейчас не об этом: спрячь тела в кладовку, но так, чтобы они не выпали. Остались еще маленькие монстры.

— Дети? Ты убил детей?

— Это уже не дети. — Заявил Алистер. — Потом спрячь трупы, которые лежат наверху, и туши свет. Они убивают гостей во сне, я более чем уверен. Не знаю даже, есть ли какие-то знаки, говорящие о том, что дело сделано, чтобы соседи знали, что все идет по плану.

Роланд делал все так, как сказал напарник. Спрятал тела, потушил свет и сам забрался в шкаф. Тем временем Алистер обходил другие комнаты. В одной из них, как ему показалось, что-то мелькнуло, послышался шорох. Остановившись у дверного проема, он попытался расслышать дыхание. Шагнув в комнату, разведчик знал, что рискует и был готов к тому, что на него могут напасть из-за угла, но немного обрадовался открытому окну, хотя не почувствовал сквозняка, который мог бы его распахнуть. Вдруг кто-то схватил его за воротник и отшвырнул в середину комнаты, а кто-то другой закрыл дверь. Ему зажали рот шелковым платком, послышался шепот людей, стоявших над ним.

— Большой убудок, сколько еще вас в доме? — Прижав нож к его горлу, незнакомец продолжал. — Я вытащу кляп, но ты не кричи и говори только правду. Услышу ложь, пойму и прирежу, как собаку. Сколько вас еще в доме?

— Я не из них. — Заметил Алистер, нанеся удар в пах одному из противников, и оттолкнув другого, завертелся на полу как юла, в одно мгновение вскочив на ноги. Заскрипела тетива лука, а в полуночной тьме сверкнул наконечник стрелы, направленный в их сторону.

— Да вы еще кто такие? Словно, мне людоедов было мало!

— Просто хорошие люди. — Попятились налетчики.

— Этот дом мы уже зачистили вместе с другом. Вы вдвоем?

— Нет, еще двое зачищают второй этаж. — Пожал плечами воин, который не катался по полу, держась за причинное место. — Кто вы?

— Отзывайте их, или им придется совсем несладко.

Вдвоем налетчики забежали в комнату к Роланду, за ними заскочил и Алистер. На полу в бессознательном состоянии лежало двое "хороших людей", а воин уже заносил двуручный меч, чтобы добить их, но остановился, глядя на вошедшего товарища.

— Роланд, постой!

— Алистер? Они напали на меня.

— Это не людоеды, не делай глупостей. — Попросил разведчик, на что Роланд покладисто кивнул и опустил меч, сделав пару шагов назад. — Это якобы люди, которые

хотели тут всех вырезать, в свете последних событий — у нас с ними сходятся интересы.

— Предпочитаем слово "зачистить", а не "вырезать". — Заметил один из них, всматриваясь в лицо Роланда, подходя все ближе и разворачивая его к едва пробивавшемуся через окно лунному свету. — Это как с грязью, которую принято счищать. Кстати говоря, воин, твое лицо мне знакомо.

— Мое? Это вряд ли, большинство наших знакомых безмолвны и холодны.

— В чем-то он прав. — Согласился Алистер и медленно подошел к окну. — Вас слишком мало, а значит, шансы на успех невелики, на вашем месте я бы не рассчитывал на благоприятный исход этой затеи. Если вы только не собираетесь рассмешить их насмерть.

— Разве вы нам не поможете?

— Это не наш бой. Мы просто хотим вытащить своего друга, его держат в погребе, к северу этого змеиного гнезда. Какого черта — непонятно. В любом случае, вы могли не заметить, что мы не рыцари в сияющих доспехах, более того, ни башен, ни драконов, ни принцесс я тут не вижу, а значит — нет и смысла задерживаться.

— Мы следили за ними больше месяца, они выработали отменную систему.

— Может, вы просветите нас?

— Может, вы все же нам поможете?

Алистер пожал плечами и переглянулся с озадаченным товарищем. Роланд следил за двумя нападшими на него ранее линчевателями, немного паникуя, но они быстро приходили в сознание и успокаивались, глядя на соратников.

— Как насчет взаимопомощи? — Поинтересовался Роланд. — Вы поможете нам освободить товарища, а мы поможем зачистить поселение, как бы то ни было, лишний меч и лук будут полезны. Даже несмотря на отсутствие башен и драконов, от хорошего сражения я не откажусь.

— Верно. — Кивнул один из линчевателей. — Они работают по такому плану: заманивают к себе странников, так как трактиры в округе странным образом сгорели год назад, часть путников убивают во сне, часть скидывают в погреб. По какому умыслу, нам не ясно.

— Вы раньше охотились? — Вздохнул разведчик. — Если животное умерло, не чувствуя опасности, в спокойствии и знакомой обстановке, мясо будет мягкое и сочное. Если же в страхе и панике, мясо будет жестким. Возможно ли, что эти люди питаются теми, кого убили во сне, из тех, кого запугивают, готовят вяленое мясо как запасы на черный день.

— Отвратительно.

— Согласен, но возможно лишь благодаря этому, наш друг все еще жив, а может, даже не он один.

— Потом людоеды продают трофеи одному человеку, которого учтиво называют Профессор, личность более известная как смотритель Города Грехов. Раз в месяц он посещает поселение, выкупает трофеи и банки с кровью, иногда части тел. — Проверив меч на поясе и щит на спине, линчеватель осмотрел комнату. — Как мы поступим?

— Работа может, и слаженная, но вот исполнение хромает. — Подошел ближе Алистер, начав осматривать линчевателя, который стоял ближе к нему. — Дисциплинированной: стойка, как при построении, командный голос, но не офицерский, человек был явно родом не из Темнолесья. В каких войсках служил и как казался тут?

— Разве это так важно?

— Нам нужно знать, кто прикрывает наши спины. — Заметил Роланд.

— Сержант Серого легиона, подразделение пехотного отряда Кастиэля, а имя, думаю, не пригодится.

— Количество серых легионеров в этих краях слишком велико.

— Что-то имеете против Легиона? — Возмутился один из них, сделав шаг навстречу Роланду.

— Живым легионерам обычно не доверяют свои жизни, но для вас будет сделано исключение. Пред тобой стоят офицеры Серого легиона, боец! Командир пехотного подразделения Роланд, а мой друг командир подразделения разведки Алистер, будь любезен, не повышай тон на своих предводителей.

Линчеватели отступили назад, по привычке приняв стойку смиренно, расслабившись лишь тогда, когда Алистер снял платок и капюшон, открыв свое лицо лесным мстителям. Он пристально посмотрел на бывших легионеров, казалось, что разведчик хочет заглянуть в их души.

— Самозванцы, все офицеры пали в тот роковой день. — Заявил линчеватель. — И если ты Алистер, то, как объяснишь то, что на наших глазах ты был застрелен в упор. — На этот вопрос разведчик мог ответить без слов, он спокойно подошел ближе, расстегивая на ходу кожаную куртку, после чего задрал рубаху и указал пальцем на два шрама, хорошо видимых при лунном свете. — Что за черная магия?

— Воля к жизни и везение, никакой магии, только верный боевой товарищ.

— Так или иначе, Легиона больше не существует, а вы не наши командиры.

— Если хотите все здесь разгромить, обрушив этот грешный клочок земли в преисподнюю, то временно, вы под нашим началом. Мы с Алистером составим план, а вы пока соберете в этом доме всех своих, да так, что об этом будем знать только мы, не сорвите операцию и тогда все вы вернетесь домой.

— Истреблять лишь одиночные цели. — Добавил Алистер не спеша заправляя рубаху в брюки. — И хватит глазеть на меня, словно живого покойника увидели...

Титус боролся со сном, ведь искалеченный легионер тогда наверняка уснет и может умереть. Приходилось разговаривать с ним, слушать истории о Легионе, как выяснилось, их было много, и они были в основном веселыми. Вдруг, что-то упало на крышку погребца, заставив двух выживших дернуться. Спустя пару секунд они услышали скрип замка, поэтому Титус вооружившись костью, на которой были следы пилы, приготовился к обороне.

— Титус! — Послышался выкрик сверху, как же он был рад слышать этот голос. — Тебя уже съели?

— Роланд!

— Титус! Хватит мариноваться, нам нужна твоя помощь.

— Это мне нужна помощь, тут выживший, легионер.

Воздух никогда не был таким свежим и сладким для седого рыцаря и одноногого легионера, эти порывы холодного ветра были самыми приятными в жизни. Словно впервые вдохнув свежий, легионер был опьянен им, забыв про боль, он держался за плечи Роланда и Титуса, улыбаясь и смеясь.

— Прекрасно!

— Эй, не шуми. — Попросил воин. — Твои люди во главе с Алистером еще не зачистили поселение.

— Ты Роланд? Титус рассказывал о тебе, ты довольно живучий, в чем секрет?

— В том, что меня прикрывает еще более живучий товарищ.

— Эй, оставьте меня здесь, а сами помогите в поселке.

Воин с рыцарем согласно переглянулись, подведя освобожденного легионера к дереву и усадив, Роланд дал ему короткий стальной клинок. Он мог понадобиться в двух случаях: в первом — чтобы отбиться от диких животных, которые могли сбежаться на запах крови, во втором — чтобы вскрыть себе горло, если линчеватели не справятся. Титус рванул в поселение сразу же, а Роланд протянул раненому фляжку, строго-настрого запретив засыпать.

Что-то пошло не так, и тихая вылазка перешла в открытый бой, перебить всех людоедов незаметно не получилось. В этом Алистер винил линчевателей, которые слишком долго были своеобразными носителями справедливости в этих местах, но совсем забыли, как выполнять военные приказы. Послышался звон битого стекла и из окна выпал старик, сжимающий в сухой руке мясной топор. В самом окне появился некто в капюшоне, с луком, это без сомнений был Алистер. Завидев знакомую седину, лучник выкрикнул:

— Титус! Найди оружие и быстро беги к восточному выходу из города! — Этим оружием стал топор людоеда, недавно выброшенного из окна. Схватив его буквально на бегу, рыцарь скрылся за углом дома, а лучник прицельно пустил стрелу в женщину, бегущую из поселка. Это напомнило ему одно из правил, которым он пользовался на войне, как и другие разведчики. Бывают приоритетные цели, вынужденные, и запрещенные. Первые — это цели задания, например, офицер, после смерти которого, война затихнет или прекратится вовсе. Вынужденными жертвами, называли солдат и мирных жителей. Запретные цели — дети, женщины и старики. Сейчас — же стрелку нет дела до разделения по группам, врагами стали все.

Роланд не сумел догнать Титуса, поэтому забежал в дом, где был лучник. Преодолев гостиную, ступеньки, перескакивая тела, он забежал в комнату к Алистеру, встал у второго окна, чтобы осмотреть поле сражения. Что именно пошло не так, сказать было сложно, но в глаза бросался горящий на окраине дом, а из другого конца деревни доносились выкрики и звон мечей.

— Что пошло не так?

— У них подкрепление! Неожиданно в город пришли вооруженные люди в кольчугах, их мечи и броня были из черной стали

— Сколько? — Удивился воин.

— Меньше дюжины, уже точно меньше. Роланд, чего застыл? Беги к ним, прикрывай Титуса, я сейчас приду — быстро пробегу по крышам и помогу вам. — Договорив, Алистер вынырнул в окно, оттолкнулся от подоконника и вскочил на крышу, скрывшись с глаз.

Титус видел черную сталь лишь один раз в жизни, когда-то давно в хранилищах рыцарского ордена. Тот меч нашли у одного из торговцев на черном рынке, и было бы грехом не приобрести подобный шедевр. Но здесь все восемь человек были закованы в черную сталь. Такое редко где увидишь. Неизвестных солдат украшали ярко-желтые накидки, похожие на рыцарскую одежду.

— Бойцы Темного леса! — Взвыл один из линчевателей, указывая на построенных в ряд наемников, которые холодным взглядом осматривали разбросанные тела людоедов. Они глядели на лужи крови, косясь на своих противников: пятерых линчевателей и седоволосого рыцаря, которые также приняли боевую стойку, держа мечи наготове. И хоть последние не выглядели столь воинственно, внушительности им было не занимать.

— Нашему нанимателю это придется не по нраву. — Выкрикнул один из воинов, глядя

на подбегающего к противникам Роланда, который слегка отдышавшись, закрыл брешь в построении.

— Кто вас нанял? — Прокричал линчеватель.

— Профессор, один из тех, у кого хватает денег на наши услуги. Большого вам знать не нужно, на том свете информация бесполезна!

— У вас еще есть шанс уйти живыми. — Заметил Роланд, отчего один из наемников рассмеялся почти до слез. Но шибко веселого противника усмирила стрела, прилетевшая издали. Он резко затих, после чего, зазвенев своей массивной броней, рухнул лицом вперед, сломав стрелу с зеленым оперением, торчавшую из глазницы. — В последний раз предлагаем!

— Сыны Темного леса не отступают! — Взвыл один из них и рванул в бой, за ним последовали и остальные, словно неистовое злобное стадо, они набросились на стену линчевателей.

Одного из линчевателей сразу же скосил одетый в черное боец, которого в свою очередь обезглавил вспыльчивый воин в красной железной маске, так завязался бой. Лучник, стоявший на крыше, не мог нормально прицелиться, опасаясь ранить союзника. Занятый поиском цели, Алистер не заметил угрозы, он чуть не падал от усталости, он никак не мог выбросить из головы мысли о смерти. С его стороны, терять бдительность было опасно и глупо. Также лучника отвлекало наличие сразу двух людей, которые обязательно должны были выжить — Роланд сражался слишком открыто, не думая о защите, а бездоспешный Титус, словно нарывался на вражеский меч. Послышался свист, за которым последовала резкая боль в левом бедре, и нога разведчика подкосилась. Он рухнул с крыши двухэтажного дома, ударившись ребрами об дубовые бочки.

— Лучники на крышах! — Послышался крик линчевателя, который спустя пару секунд рухнул замертво, держась за стрелу в груди. Роланд, лишь краем глаза, увидев друга, падающего с крыши, яростно закричал и набросился на одного из наемников, чтобы прорваться к Алистеру. Северянин разделался с ним, словно бешеное животное: быстро и безжалостно. Первый удар рукоятью меча, оставил часть щеки наемника на земле, а следующие стали смертельными. Уже спустя пару секунд, лицо наемника превратилось в кровавую кашу, а сам воин переключился на двух других врагов, полностью забыв про защиту. Снеся двух наемников на землю, предоставив линчевателям возможность добить их, он рванул к единственному ближайшему противнику. Несколько взмахов меча, и дело было сделано. Первый отрубил кисть руки, державшей одноручный меч из черной стали, второй срубил часть плеча, а третий, смертельный выпад, пронзил наемника насквозь. Он даже не успел закричать, хоть и очень пытался.

— В укрытие! Стрелы! — Выкрикнул Титус, и все направились в ближайшее здание, все кроме Роланда.

Алистер безуспешно хватал губами холодный воздух, пытаясь расстегнуть кожаную куртку, лежа на боку в высокой траве. Было ощущение, что дышать он не мог из-за куртки. Подбежал Роланд, из плеча которого торчала стрела, но он будто не замечал ее, пытаясь помочь другу. Расстегнув куртку и уложив Алистера на спину, он сорвал с лица платок, после чего схватился рукой за древко стрелы, торчащей из его бедра.

— Не вытаскивай! — Выкрикнул Алистер. — Наконечник зазубрен: вытащишь, и я истеку кровью.

— Что мне делать? — Испугано спросил он.

— Сражайся! Пока стрела в ноге, я не истеку кровью и смогу продержаться некоторое время. — Процедил сквозь зубы разведчик, пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха. — Мои ребра, они не дают мне нормально продохнуть. — Где-то за спиной были слышны выкрики Титуса, никак не отвлекающие воина от раненого друга. Было важно сделать разрез таким образом, чтобы зазубренный наконечник стрелы вышел, не нанеся лишнего урона мышцам. Поэтому, это стоило отложить до более удобного момента. Алистер указал рукой на сражающихся людей. — Роланд! К бою, я продержусь! — Неуверенно скомандовал он, и стоило воину сорваться с места, чтобы ринуться в бой, сопровождая свое наступление неистовым и свирепым криком, Алистер начал терять сознание.

И вновь знакомая комната, повторение недавнего сна или просто его продолжение? Все серое, лишено красок, однако вместе со способностью различать оттенки, Алистера покинула и жгучая боль. Он вновь сидел за тем же столом, и напротив находился все тот же силуэт. Таинственный незнакомец из его снов, называющий себя Богом Теней. Собеседник стоял спиной к потухшему камину, с интересом глядя на младшего, из семьи Де-Ветт.

— Теряешь хватку. — Огорчился он.

— Такое бывает, когда мир переворачивается вверх дном.

— Дешевое оправдание, знаешь ли. Ты просто не желаешь признавать, что боишься смерти, не хочешь и служить мне, поддаться соблазну, поступив так, как поступали твои предки. Да и монету ты так и не нашел, хотя она почти у тебя под носом.

— Монета — воплощение Глашатая бога, верно?

— Ну, что-то вроде того. — Пожал плечами силуэт, изрядно развеселившись и начав расхаживать по комнате.

— Ты говорил, что у каждого бога есть свой глашатай. Роланд — глашатай Бога Войны. Значит, у него тоже есть какой-то артефакт, благодаря которому можно разорвать эту связь.

— Схватываешь на лету, молодец.

— Что это за артефакт?

— Серьезно? — Засмеялось божество. — Так я и сказал, хочешь оборвать связь со мной, а заодно и своего друга освободить от служения Богу Войны! Для тебя принципиально постоянно выводить меня из себя? Или у тебя это выходит ненароком? При этом свою монету ты для него не пожертвуешь, забавно, самоотверженность на грани эгоизма.

— В чем заключается мое служение тебе?

— С этого и нужно было начинать, Алистер. — Силуэт приблизился к нему, после чего разложил на столе горсть золотых монет — единственное, что сохранило свой натуральный цвет в этом помещении. — Ты убивал ради них, деньги имеют важный вес в твоей жизни. Блеск золота слепит тебя, из-за него ты не видишь и солнца. Молчи! Не говори ничего, я знаю что прав. Служи мне, и любые монеты станут для тебя самой дешевой вещью. У тебя будет столько золота, сколько захочешь, но интерес к нему пропадет. Никакого сна, голода, боли, страха...

— И воли. — Добавил пленник собственного сознания.

— Она тебе и не нужна, ты идеальное оружие, а не человек. — Силуэт закрыл ладонью глаза, а когда он убрал руку, Алистер перенесся в другое место. Повсюду была тьма, а он стоял перед высоким зеркалом, которое висело в воздухе. В отражении разведчик видел себя иначе. Глаза стали совершенно черными, лишенными белков. Что это на нем надето? Броня из черной стали и окрашенной в черный цвет кожи. Алистер не мог представить, что будет выглядеть так величественно.

За его спиной красовался черный механический лук, с пояса свисали кинжалы из невиданного ранее материала. — Вот. — Добавил силуэт, возникший из-за зеркала.

— Вот что? — Уточнил Алистер, рассматривая себя в зеркале.

— Это ты настоящий, лишенный эмоций и привязанностей. Это броня твоего отца, он служил верно, но однажды ослушался меня, а поэтому должен погибнуть.

— Почему? Если он жив, почему ты не найдешь его сам?

— Он скрыт от моего взгляда, но точно жив, его нет среди плененных мною душ.

— Что значит “ослушался”?

— Отказался убить тебя, он почти оправдал мои ожидания и должен был убить последнего из своего рода, отправив твою душу ко мне, чтобы ты мог занять его место у моего трона. — Силуэт простым щелчком пальцев вернул их обратно: в ту же черную комнату и брони на Алистере — как не бывало. — Впечатляет?

— Я не удивлен. — Признался лучник. — Если бы он убил меня, я занял бы его место, а монета превратилась бы в бесполезную игрушку? Скажи мне правду, если можешь, хочу узнать, как работает эта проклятая система.

— Мог бы, но не стану. Никто не откажется от такой силы. Прозрение, которое ждет тебя, позволит увидеть все, что когда-либо видели твои предки, узнать то, что было ведомо им, и понять, что происходило при правлении твоей семьи

— И больше никаких эмоций? — Задумчиво переспросил Алистер, словно подумывая о вариантах.

— Никаких. — Подтвердил силуэт. — Монета может тебя освободить, да, но свобода ли это — быть уязвимым, слабым и беззащитным? Постоянно озираться по сторонам, опасаясь встретить инквизитора, который в отличие от тебя, уже успел достать оружие. Просыпаться с кровью на губах, скрывая страх. Почему бы не познать истину, доверившись своей судьбе и умереть, дабы возродиться из пепла?

— Многообещающе.

— Меня искренне интересует твой ответ.

— Нет. — Холодно процедил Алистер, понимая, что разговор не даст ему ничего нового.

— Нет. — Насмешливо повторило божество. — Но, в отличие от тебя, мне ведомо все, что будет впереди.

— Свобода. Там, впереди, меня ждет свобода.

— Глупец! — Разгневался силуэт, перевернув стол одной рукой. — Свободой ты считаешь свое рабство, когда станешь самым верным оружием богов, станешь наряду с прочими глашатаями, и вы пройдете по миру, утопив его в крови. Вслед за тобой будет следовать вуаль непроглядной тьмы, и день, когда ты пойдешь против смертных, станет последним, когда кто-либо, увидит солнечный свет.

В этих краях было лишь немного светлее, чем обычно. А это значило, что сейчас солнечный день. Разумеется, не для Темнолесья, но где-то там, за кронами, наверняка светило солнце. Титус сидел у костра и чистил картошку ножом Алистера, его плечо было перемотано слегка окровавленным тканевым бинтом. Линчеватели занимались разными делами: от рубки дерева до установки палаток. Алистер пришел в себя рывком, словно после ужасного сна. Над ним летала муха, которая назойливо садилась на его вспотевшее лицо.

— Черт! Пошла вон! Я все еще жив! — Выкрикнул Алистер, отгоняя назойливое насекомое. Осмотревшись, разведчик понял, что находится в палаточном лагере тех самых

линчевателей. Пошевелиться он не смог, только увидеть, что лежит у костра на теплой медвежьей шкуре в одних изорванных штанах и с голым торсом. А на груди расплзлось огромное синее пятно — след после падения с высоты. — Алистер. — Обрадовался Титус, быстро подсев поближе к нему.

— Тебя все же ранили? — Улыбнулся разведчик, увидев бинт на руке.

— Мое первое ранение, впервые полез в бой без лат.

— Молодец, уже совсем большой стал.

— Ты, я смотрю, тоже слегка ударился, дышать уже можешь? Я не думал, что великий Алистер такой же смертный, как и мы, хотя не уверен, пережил бы я такое падение. Тебе правда повезло, стоит благодарить богов за помощь.

— Разумеется, все дело в них. — Болезненно улыбнулся он, искренне радуясь лицу назойливого рыцаря, который был чем-то опечален. — С чего ты вообще взял, что если боги есть, то они обязательно добрые и милосердные?

— Людям нужно во что-то верить.

— Титус, сколько я тут лежу?

— Уже полдня, приятель. — Заявил один из линчевателей — это был одноногий легионер, который опирался на бревно. — Когда я служил в Легионе, многое слышал о твоём отряде. Да и твои друзья отзывались о тебе хорошо, в те моменты, когда не проклинали.

— Славно, где Роланд?

Да и твои друзья отзывались о тебе хорошо, в те моменты, когда не проклинали. Собирает лечебные травы, нужно поставить тебя на ноги.

— Роланд собирает мне целебные травы? Я думал, вы желаете меня вылечить, а не отравить.

— Ты недооцениваешь его, он ведь не ребенок. — Пояснил рыцарь. — Зато ты выглядел, как младенец, когда он, сам со стрелой в плече, тащил тебя несколько миль. Тебе бы кто мозги вправил, чтобы ты прекратил видеть в нем щенка? Нелепого и беззащитного.

— Титус, помоги мне встать, сам я не смогу.

— Нет. — Холодно сказал рыцарь, что напомнило Алистеру о том, что когда-то после подобной услуги, он не поблагодарил его. Возможно, причина отказа заключалась в этом, и нужно попросить более вежливо?

— Титус, помоги мне встать, пожалуйста.

— Тяжело было из себя это выдавить? — Засмеялся он. — Нет, я не помогу тебе встать, но лишь по одной причине: тебе вообще нельзя двигаться. Ты слаб, не исключено, что сломано несколько ребер. Ты был на пороге смерти! Отдохни хотя бы пару дней.

— Я всегда на этом пороге, если ты помнишь. Мы потеряем слишком много времени, твой Кроули за это время сможет перейти через горы пару раз, даже если будет останавливаться в каждом трактире, который встретится на его пути. У нас был уговор, не смей этого отрицать, а какой ценой я выполню свою половину обязательств, тебя волновать не должно.

— Планы поменялись, Алистер. В том подвале я обнаружил тело Кроули — это хорошая новость, но есть и плохая — артефакта при нем не было. Если верить нашим новым друзьям, монета у Профессора или в городе грехов. Кем бы ни был этот человек, мне нужно к нему, чтобы найти и забрать то, что по праву принадлежит моему ордену.

— Был уговор.

— Я не забыл про него, он неизменен. Я поражаюсь твоей стойкости, ты воистину

удивительный человек, Алистер. Вы отправитесь в Везерлех, найдете в столице моего друга, он у меня в долгу, а значит — обеспечит вас всем необходимым. А я в это время отправлюсь на поиски этого человека, заберу свое и, возможно, когда-то с вами встречу. В более благоприятных условиях, скажем, за чашкой чая.

— Самоубийца, не думаю что Роланд одобрит это. Будь у тебя пышная грудь, он бы давно на тебе женился. Пожалуйста, обдумай свое решение еще раз. Не уверен, что твои боги приветствуют в своем раю самоубийц.

— Знаешь, Алистер. — Наклонился над ним Титус, убедившись, что его никто не слышит. — Как насчет шантажа? Я уйду этой ночью, а Роланд не узнает об этом. В противном случае, он узнает, что ты умираешь от болезни, плюясь кровью. Не смей даже говорить о богах, нами движет не вера в них, а знание простых законов человечности, которые должны быть сохранены вне зависимости от религии.

— Быстро учишься, шантаж, значит. — Выдохнул Алистер, закрыв глаза и опустив голову, отвернувшись от рыцаря.

— Есть у кого. Как будете в столице, в Везерхолле, найдите Моргана. Он служит в национальной библиотеке. Скажите ему, что вы от меня, и передайте на словах, что пора вернуть должок. Он сразу же поймет, о чем идет речь. Потребуйте у него кров, первую работу он тоже поможет найти.

— Я постепенно лишаюсь рассудка, мой друг.

— Значит, все же друг. — Отметил для себя рыцарь. — Для меня это имеет огромное значение. Но о чем именно ты говоришь? Что не так с твоим рассудком?

— Ужасный сон, который не дает мне покоя даже во время бодрствования. Предчувствие скорой кончины...

— Это просто страх смерти, не говори, что не ощущал этого раньше.

— Ощущал. — С неохотой признал разведчик. — Но это нечто другое, словно моя смерть повлечет за собой события, которые понравятся не всем. Словно переход в мир мертвых принесет собой боль, которую я не могу себе вообразить. Словно останется что-то, похожее на меня, но это буду уже не я, вдобавок, это нечто будет способно навредить близким для меня людям.

— В ком-то проснулся человек. — С улыбкой проговорил рыцарь, заботливо положив руку на плечо Алистера, подбадривая его. — Это называется боль утраты, разумеется, будут люди, для которых твой уход станет тяжелым испытанием, взять, к примеру, Роланда.

— Я не об этом.

— А твой образ останется с ним надолго. Он не раз будет посещать его, лишая покоя.

— Я не об этом! — Изо всех сил рыкнул Алистер. — Тебе меня не понять. Я говорил с самой настоящей физической боли. Словно во мне есть нечто, что выберется на волю после моей смерти?

— Я рад, что ты внимательно меня слушал, когда я говорил о глашатаях богов, но это бред. У тебя жар, поэтому не принимай свои рассуждения слишком близко к сердцу. Просто пойми, если боги и сошлют в мир живых глашатаев, их послание не принесет людям страданий.

— Откуда ты знаешь, что не принесет.

— Боги породили нас, в чем смысл лишать своих детей жизни?

— Титус. — Окликнул его Алистер, вновь развернувшись к товарищу. — Ты ведь понимаешь, что не все дети желанные и любимые. Что, если боги не те добрые отцы,

которые берут своих сыновей на рыбалку, рассказывают легенды и учат читать? Что если нас не хотели?

— Даже если ты не нужен богам, всегда найдутся люди, которые нуждаются в тебе. Оставайся для них все тем же циником и не вешай нос. А теперь отдыхай, тебе нужно набираться сил, я лишь надеюсь, что увижу тебя хозяином дома, в который как-то зайду погостить.

В очередной раз, Алистер пришел в себя за полночь. Роланд толкнул его в плечо, предложив глиняную миску с какой-то мясной похлебкой, которая вызвало у раненого отвращение. Он заметил, что уже был укрыт какой-то меховой накидкой.

— Тебе нужно поесть.

— Роланд, ты должно быть шутишь. После того ужина аппетит у меня пропал не меньше, чем на месяц.

— Не глупи, не будешь есть, быстро отправишься на тот свет. — Продолжал заботиться Роланд.

— Быстрее, чем ты думаешь. — Про себя шепнул Алистер. — Где Титус?

— Никак не могу найти его, он словно исчез из лагеря, не знаю, куда отправился наш рыцарь.

— Не знаю. — Замялся Алистер, ощущая непривычное чувство вины. — Может, за дровами?

— Когда ты лежал без сознания, мне приходилось отвлекаться от переживаний, я целыми днями рубил дрова. Их хватит, чтобы в два ряда обнести лагерь частоколом. Очень сомневаюсь, что у него появилась потребность в древесине, если только он не захотел отстроить настоящий форт.

— Черт! — Выругался Алистер. — Не могу так.

— Как это так?

— Так не годится, ты заслуживаешь знать правду. В подвале он нашел того самого Кроули, но безделушки при нем уже не было. Якобы она у некоего Профессора, и понятно, что Титус рванул на его поиски. Если хочешь, можешь отправиться за ним.

— Ты позволишь мне уйти? — Удивился воин.

— Я слишком опекаю тебя, хотя ты не ребенок. Он уже не раз говорил мне это. И знаешь, не только он, да я и сам отлично это понимал. Хочешь успеть за Титусом, отправляйся немедленно.

— Я не могу оставить тебя одного в таком состоянии.

— Думаю, здесь мне помогут, а с тобой мы встретимся в горах. Если повезет, то и с рыцарем тоже. Не дай ему наломать дров. — Вздохнул Алистер, попытавшись съесть ложку похлебки. — Чего сидишь, вперед за этим неусидчивым.

— Алистер, я даже выразить не могу, как я тебе благодарен.

— Хватит сопли жевать, этот рыцарь встрянет в первую передрагу, если уже не встрял, это по моим подсчетам. Да и смотри, не попади под раздачу, хоть иногда вспоминай о том, чему я тебя ежедневно учу.

— Звучит как прощание.

— Роланд, я тебя сейчас изувечу, не мозоль глаза.

— Последний вопрос, ты что-то еще от меня скрываешь?

— Нет. — Тут же ответил Алистер, едва сдержав кашель. — Теперь дай мне отдохнуть.

Роланд быстрым шагом направился Мартину, легионеру, с недавних пор — одноногую.

Не говоря лишних слов, он прижал его к стволу дерева. Бывший легионер не сразу понял, что произошло, а осмотревшись по сторонам увидел воина, чей злобный взгляд казался еще более зловещим из-за отблесков костра, горевшего неподалеку.

— Чем могу помочь? — Неуверенно спросил одноногий линчеватель.

— Куда направился Титус?

— Он просил не говорить тебе. — Пожал плечами собеседник. — Так что просто остынь и поешь похлебки. Она без человеческого мяса, заодно сменишь рацион. Говорят, человеческое мясо вызывает привыкание, а это серьезно.

— Я не шучу, ты или говоришь мне сейчас, или у тебя будет привыкание к потере конечностей.

— Что это значит? — Неуверенно спросил легионер.

— То, что тебе придется орудовать двумя костылями вместо одного.

— Профессор уехал из города грехов, это место оказалось слишком людным и шумным для него. Ему пришлось залечь на дно ближе к центру Темнолесья, в городе Дракониий Клык, желаю удачного путешествия.

— Черт, я был там недавно, и мне будут не рады. Не знаю, что предназначено мне судьбою и надеюсь, что на вас можно оставить друга? Он дважды чуть не отдал концы за Легион.

— Он такой же легионер, как и мы, только рангом повыше. Так что да, можешь на нас рассчитывать, но он может не выжить, с такими-то увечьями. Будет видно лишь через неделю, успеешь вернуться до этого времени?

— Да. — Кивнул воин, после чего быстрым шагом направился в лес.

Мартин попытался поскорее добраться до Алистера и упал у костра рядом с пустой миской. На первый взгляд, могло показаться, что разведчик спит, но одноногий легионер явно знал больше. Окинув взглядом миску и догадавшись, что похлебка была просто вылита, он спросил:

— А ведь поесть стоило бы.

— Я завязал с мясом на некоторое время.

— Они ушли, я такой молодец, что спровадил обоих. Что будем делать дальше, командир?

— Хорошо, их нужно было отвести подальше от нас.

— Посвятишь меня в свой хитрый план?

— Да, постепенно.

— Выкладывай. — Сказал легионер. — Зачем ты попросил отправить их в Дракониий Клык, они вскоре поймут, что там ничего нет, и быстро вернуться сюда. Разве здесь от них не был бы больше пользы? Во время штурма поместья Профессора два дополнительных бойца пришли бы кстати. Да и направляясь туда, они имеют все шансы наткнуться на его настоящее убежище.

— Не стоит впутывать их в эту авантюру, да и мне нужно получить нечто большее, что не станет моим, если с нами будет Титус. Когда они вернуться, нас уже не будет здесь. Этот артефакт, монета, имеет очень интересную историю. Многие трактуют ее неверно.

— Что может эта монета?

— Все что тебе нужно знать, так это то, что ценности, найденные там — ваши, меня интересует только монета.

— Важная вещь, верно?

— Мартин! — Подошел один из линчевателей. — А почему нам просто не убить его?

— Нас осталось девять человек, я без ноги и не смогу сражаться. Так что считай восемь. Он опытный разведчик и знает Темнолесье лучше, чем ты ориентируешься в нашем маленьком лагере. Учитывая то, что мы знаем об этом Профессоре, подмога нам не помешает.

— Это не повод доверять ему.

— О боги, он при смерти, эта монета нужна ему, как глоток воздуха. А она там, дубина. Поможем ему, а он поможет нам, и я не поспею отдать эту безделушку. Даже не факт, что она работает, так как он думает, поэтому будь добр, не спорь со мной.

— Я напишу список. — Начал Алистер. — Список ягод и растений, которые заживляют раны. Дадите ступку, я сделаю себе мази, кое-как, но завтра мы выдвигаемся в путь. Уговор дороже моего самочувствия сейчас, так что можете мне доверять.

— Сказал человек, который обвел своих друзей вокруг пальца.

— Я деловой человек. — Заметил разведчик. — А мертвецу друзья не нужны, поэтому мне не стоит бороться за свою шкуру.

Титус быстрым шагом шел через Темнолесье, озираясь по сторонам, внезапно он услышал хруст веток где-то позади себя. Кто-то бегом приближался к нему. Обнажив позаимствованный у линчевателей клинок, рыцарь приготовился вступить в бой с неизвестным соперником. Но это оказался знакомый ему северянин в красной маске.

— Во имя всех богов, Роланд, что ты тут делаешь?

— Эй, думал встрять в неприятности без меня? — Спросил воин, запыхавшись и согнувшись в три погибели, упершись руками в колени. — Ты ведь без меня и мили дальше не пройдешь

— Алистер тебе сказал?

— Да.

— Не похоже на него. — Задумался рыцарь.

— Может, не так недолюбливает тебя, как кажется на первый взгляд? Алистер своеобразный человек, не плохой, но и не хороший, порой невозможно понять, что им движет. У каждого есть две стороны, как у монеты. Кстати о монетах, неужели этот артефакт стоит того, чтобы рисковать ради него своей головой?

— Могу спросить то же у тебя, неужели рыцарь стоит того, чтобы рисковать своей жизнью?

— Эй, имей совесть, тебе нужны друзья. И я один из них! — Восторженно заявил Роланд. — У меня мышцы, словно горы, страшная маска и большой меч, которым, я размахиваю в разные стороны, и представь себе — от этого гибнут люди.

— Отрицать не стану, друзья нужны. Попросту, я не знаю, что меня там ждет, а поэтому не посмел бы втягивать тебя во все это.

— Плохо, когда кончается вино, а смерть в бою — честь для северянина.

— Мило. — Позади послышался незнакомый голос, а в спину рыцаря ударился метательный нож. Рухнув от боли на одно колено, и вспомнив, за что он любит тяжелый доспех Титус обернулся назад. — Это ты, убийца из таверны?

— Да. — Согласился Измаил, выходя из чащи. Позади него шагал Кастиэль, уставившись на Роланда, следя за каждым его действием. Под тяжелым рыцарем хрустели ветки. Воин сделал рывок к стальному мстителю, будто специально спровоцировав сильный удар в грудную клетку. После чего северянин упал на землю, пролетев перед этим больше

метра. — Меня зовут Измаил, а ты должно быть Титус, верно? Я — твой убийца, очень рад знакомству.

— Вежливо с твоей стороны, хоть представился. Измаил, кто тебя нанял?

— Разве это имеет значение? — Поинтересовался безумец, отвлекаясь на Кастиэля, который уже готовился добить воина, но сдерживался изо всех сил. — Кастиэль, пока что рано.

— Имеет.

— Бернارد Борн, но он только посредник, истинный наниматель Кроули Борн, знакомое имя?

— Кроули? — Засмеялся Титус, озадачив наемника. — Позволь представиться, Титус Борн: и Кроули, и Бернارد — мои братья. Вот такая, мать вашу, семья. — Вновь залившись смехом, рыцарь смотрел на наемного убийцу.

— Что смешного, ты считаешь уже покойник. — Перестал радоваться Измаил, а стальной рыцарь озадаченно переводил взгляд с наемника на седоволосого рыцаря, в то время как прижатый к земле воин так же трясся от смеха, пытаясь его подавить. — Что, твою мать, смешного? — Выкрикнул Измаил и метнул еще один нож, который попал в ногу седоволосого рыцаря, но не утихомирил его.

— Да то, что твой наниматель мертвее, чем мой орден. Тебе ничего не заплатят, ни монетки, даже спасибо никто не скажет. Подумать только, столько энтузиазма и все мимо кошелька. Ха! Я прожил дольше, чем ты думаешь, мой дорогой Измаил, но подобной абсурдной ситуации...

— Я должен поверить в то, что заказчик погиб, верно? — Ехидно улыбнулся наемник, подойдя ближе к рыцарю. — Если бы я всегда верил своим жертвам, стал бы беднее проповедника. Но я не столь наивен, я не верю словам, только предсмертным стонам.

— Но сейчас ты можешь это проверить. — Заявил Роланд, лежа под стальным сапогом Кастиэля.

— Внимательно слушаю.

— Неподалеку отсюда есть деревня, а немного севернее от нее, в погребке, лежит тело твоего проклятого нанимателя.

— Просто проверь. — Посоветовал Титус. — Если мы тебя обманули, тебе ничего не помешает убить нас по возвращению. Пусть громила нас останется охранять, а ты сходи, разочаруйся слегка, а как вернешься, сможешь извиниться и отпустить нас.

— Я так и сделаю. — Согласился безумец. — Но вы зря думаете, что меня просто обмануть, я ведь знаю, как выглядит Кроули. Да вам не вырваться из стальной хватки моего нового напарника.

— Даже пытаться не будем, хотим потом взглянуть на твое лицо. — Заявил Роланд.

Неимоверно красивое место — неохотно признал Дэнтон Стоун, глядя по сторонам. Вокруг было темно, но ведь когда он спускался сюда, на небе еще светило солнце. Подсвечивая путь факелом, рыцарь прогулочным шагом углублялся в лес. Очарованный, но не потерявший бдительности, он слышал шаги позади.

— Вечер добрый. — Поприветствовал рыцарь, обернувшись назад, он наблюдал одного единственного мужчину, среди небольшой группы женщин. — Очень красивое место, вы не находите?

— Ты что, слабоумный? — Удивился главарь разбойников, а его спутницы лишь насмешливо осмотрели представителя Везерлеха. — Как ты сюда забрел, козел?

— По делам. — Признался Дэнтон, продолжая любоваться видом вокруг. — Следует полагать, вы разбойники, а я, как оказывается, совершил основную ошибку путешественников. Наслышан об этом: никаких факелов — это привлекает головорезов, я прав?

— В таких латах сложно остаться незамеченным, но вот факел тебя за версту выдает.

— Факел, мой дорогой друг, для меня рабочий инструмент. — Указав пальцем на дракона, который красуется на щите, рыцарь продолжил. — На родине меня называют драконом — это мифическое огнедышащее создание.

— Молодец, отрастишь крылья и улетишь отсюда?

— Боюсь, от дракона мне достались далеко не крылья. — Договорив, Дэнтон отпил из фляги, после чего, дождавшись пока разбойник начнет идти, используя факел и вещество во рту, обдал грабителя пламенем. Со стороны это действительно выглядело, словно огненное дыхание дракона. Искусство, которое дало ему такое прозвище. Вещество быстро распространило смертоносный огонь по телу грабителя, из-за чего он просто отбежал в сторону, а потом молча рухнул, догорая. — А теперь, послушайте меня. — Обратился рыцарь к женщинам, стоящим дальше. — Советую дважды подумать, прежде чем нападать на меня. Я джентльмен и категорически против насилия над женщинами.

— Ого! Какой молодец, настоящий мужчина. — Злобно процедила разбойница. — Это будет хорошее дополнение к нашей пленнице, может, получишь ее манерам.

— А где, позвольте спросить, вы держите пленницу? — Поинтересовался рыцарь. Поняв, что боя не избежать, Дэнтон обнажил одноручный меч, после чего поднес его к факелу. Он моментально загорелся, но дальше лезвия пламя не расходилось. — Сразу скажу, что это не магия. Метеоритная сталь имеет особое свойство: поглощает влагу и энергию, словно губка. И если окунуть меч из метеоритной стали в бочку с жидким драконьим порохом, приблизительно на целую ночь, получится любопытный эффект.

— Что ты несешь? — Возмутилась разбойница, дерзко подходя к рыцарю.

— Он будет иметь горючие свойства, при этом не станет накаляться до температуры плавления. — Заявил он, после чего довольно резво выскочил вперед, сделав выпад снизу.

Удар едва ли задел разбойницу, оставив неглубокий порез на животе, однако воспламенил тряпичную кофту. Пока она отвлеклась, сбивая с себя огонь, а другие ее соратницы бросились доставать оружие, рыцарь нанес еще один удар. Лезвие со свистом и полыханием пронеслось к шее противницы и с громким хрустом встряло вблизи ключицы. — Однако. — Добавил он, глядя на подходящих разбойниц. — Острым его не назовешь, оно крошится в слабых местах. Именно поэтому, я собираюсь сделать желоб из метеоритной стали в простом стальном мече. Но вот не могу понять, способно ли пламя расплавить сталь? — Разбойницы сорвались с места, издавая подобие боевого клича. Дэнтон Стоун лишь с задором ухмыльнулся им, после чего сам вступил в бой.

Уже спустя полчаса он подходил к их лагерю, месторасположение которого выбил у одной из уцелевших разбойниц. В итоге он перерезал ей горло, но не потому, что не привык оставлять врагов в живых. Скорее из принципа, а не из религиозных побуждений — Дэнтон считал, что за любой грех наступает наказание. Лезвие из метеоритной стали периодически вспыхивало, оно уже потеряло способность гореть, однако еще рано было прятать его в ножны. На входе в лагерь, представляющий собой жалкие изорванные палатки и костер,

возле которого стояла клетка, рыцарь держался осторожно.

— Есть кто? — Проговорил он едва слышно, но ответа не последовало. — Эй! Я богатый безоружный торговец, тут есть, кому меня ограбить? — Прокричал он, но вновь ответа не было, рыцарь слышал лишь легкое потрескивание костра. Пройдя чуть глубже, он заметил, что клетка не такая пустая, как показалось с первого взгляда и в ней сидит девушка, связанная по рукам и ногам: невысокая, темноволосая, вокруг ее головы была намотана большая грязная тряпка, часть которой была использована как кляп. Дэнтон не особо торопился, спешить было некуда. Пройдя мимо одной из палаток, он взял со стоящей бочки яблоко, надкусил его и выбросил в костер, разбросав угли, и лишь после этого, что-то насвистывая, дошел до клетки. Она не заперта на замок — подумал он, когда открывал ее. Веревки Дэнтон разорвал без особых усилий, похоже, они годились лишь для хрупкой девушки. Она испугано развернулась к нему, вытащив кляп изо рта.

— Спасибо. — Сказала чародейка Майя.

— Не за что, темноглазка. — Кивнул рыцарь, что-то тщательно пережевывая. — Давно тут?

— День, может больше. Ты...

— Не враг тебе. — Перебил ее Дэнтон. — Я здесь по важному поручению, но решил не проходить мимо и помочь.

— А они...

— Они мертвы, если ты про разбойников. Не шибко весело странствовать в здешних краях в одиночку?

— Со мной была подруга, они убили ее.

— Мы не в сказке, милая. — Пояснил он, глядя приходящую в себя пленницу. Ее глаза покраснели от слез, судя по всему, она оплакивала подругу. — Люди умирают, это непреложный закон жизни, но главное — не пополнять этот список.

— Она всегда волновалась обо мне, телохранительница стала настоящим другом.

— Увы. У нас в Везерлехе часто предлагают услугу за услугу, и мне от тебя кое-что нужно, но не подумай ничего плохого. Я ищу рыцарей в бронзовых доспехах, не встречались ли они тебе?

— Встречались. — Призналась Майя. — Но только один, очень хороший человек, зачем он тебе?

— Я должен убить его.

— Я не стану помогать. — Вскочила на ноги пленница. — Это добродушный человек, рыцарь.

— Этот твой рыцарь — один из тех, кто перерезал целый городок простых лесорубов. И судя по твоему лицу, не знала этого, а инквизиторы на горном перевале сказали мне, что он может быть не один, если конечно мы говорим об одном и том же человеке.

— Инквизиторы?

— Ты не знаешь, кто это или не предполагала, что они там? — Дэнтон взглянул в глаза девушки. — Разрази меня гром, только не говори что ты маг! Молчишь, мне все понятно. Тогда предложу кое-что еще. Я рыцарь страны, которая чтит честь, и я проведу тебя через инквизицию, как свою пленницу, а когда мы пройдем через границу, можешь отправляться на все четыре стороны.

— Какой резон тебе делать это?

— Я трудолюбив, а работа у меня — специфическая. — Дэнтон указал на себя

пальцем. — Я легенда.

— Если ты легенда, чего тебя сослали сюда? Разве нельзя было отправить в Темнолесье того, кого не жалко пустить в расход? За какую гору монет ты согласился прийти в эти земли?

— За деньги, что мне заплатят, смогу заказать себе новую броню. Есть ли с тем рыцарем, другие люди, стоит ли мне ожидать сопротивления?

— Да, и тебе не одолеть их. — Призналась она.

— Я буквально недавно перебил целую группу разбойников и не смогу справиться с шайкой этого преступника? Ты бы видела, на что я способен в гневе.

— Это не вшивая группа разбойников. Это рыцарь, за которого горой стоят двое легионеров, офицеров.

— Я участвовал в войне, и этот Легион тоже повидал. Убивать их также просто, как и обычных солдат, и с парой дезертиров кое-как справлюсь, пожалуй, это будет легко. — Дэнтон протянул ей фляжку с водой, которую девушка взяла с явной неохотой. — Заключим сделку: ты помогаешь мне выполнить мой контракт, а я помогаю тебе перебраться через перевал и избавлю от проблем с инквизицией.

— С чего ты вообще решил, что мне нужно в Везерлех?

— А куда? — Насмешливо бросил Дэнтон. — Три варианта: первый — тебе понравилось здесь, что очень маловероятно, второй вариант тоже не особо правдоподобен — ты рвешься на север, ибо до жути хочешь встретиться с инквизиторами и испытать и их теплое радушие, царящее в темницах, ну, и третий вариант — свобода в Везерлехе.

— Ладно.

— Ладно? — Переспросил Дэнтон.

— Ладно!

— Где их можно найти?

— Они следуют в Везерлех, но окольными путями, пытаются срезать дорогу, так как за кем-то гонятся.

— А это значит...

— Их нужно подождать у перевала. — С неохотой отвечала Майя.

— Значит, будем терпеливы и подождем их.

Прошло полдня, Титус и Роланд были связаны по рукам и ногам крепкой веревкой. За пленными следил стальной рыцарь Кастиэль, который искренне не понимал, почему нельзя прибить светловолосого воина прямо сейчас. Он всегда был сдержан в своих чувствах, и сейчас выжидал подходящего момента, дабы убийство дезертира было обосновано.

— Кастиэль. — Окликнул его Роланд, лежа лицом в траве. — Мир тесен, верно? Когда-то мы сражались с тобой за одно дело, а сколько королевских гвардейцев полегло от наших мечей, это были славные времена. Что так тебя сломило, что ты восстал против бывших братьев?

— О чем ты? — Переспросил он, подойдя ближе к воину, ударом стального ботинка перевернул его на спину, после чего слегка наклонился над северянином. — К чему именно ты ведешь?

— Охотник на легионеров, надо же, как ты специальность сменил, от героя войны и бога для своих людей, до стального губителя жизней.

— Все, кто видел во мне героя — пали, сложили головы в том бою.

— Я буквально вчера сражался плечом к плечу с твоими братьями по оружию, с твоим отрядом, в живых осталось девять человек из сорока, если я не ошибаюсь. Славные парни, знаешь ли, один, правда, лишился ноги, но не чувства юмора. — Роланд изменился в лице, приняв выражение истинного героя. — Они, мой друг, до сих пор чтят память о тебе. Какого бы они были мнения о своем командире, узнав горькую правду о том, кем ты стал теперь?

— Не старайся заговорить мне зубы.

— Он дело говорит. — Согласился Титус, пытаясь перевернуться на спину. — Он не лжет, могу дать слово рыцаря, если для тебя это что-то значит. Законы чести имеют значение для тебя?

— Имеют. В любом случае они бы стояли до конца в тот день, или я тоже могу убедиться в своем неведении, как вы провернули с Измаилом? Это была жалкая попытка отсрочить свою смерть. Может, предложите и мне пройти и посмотреть, пока вы не спеша освободитесь от пут?

— Как ни странно, можешь, но учитывая, что у тебя зуб на выживших легионеров, мы не скажем где они.

— Охотно верю, но если захочу, узнаю и сам.

— Они сражались за тебя до последнего.

— Пока тебя не оглушили. — Заметил Роланд, тем самым поддержав друга. — Или что там с тобой было, не суть важно. Имя Мартин тебе знакомо? Он лишился ноги в той деревне, куда отправился твой напарник. И именно мы спасли ему жизнь, не ты, не твоя месть, а мы.

— Легион должен был сражаться за корону, мы не имели права бежать.

— Не соглашусь. Я с моим другом, Алистером, бился до последнего. Я не думал сдаваться без боя, но знаешь, когда на твоих глазах, падает друг детства, из груди которого торчит две стрелы, поневоле забываешь про долг перед короной.

— Заткнись! — Рыкнул Кастиэль, сильно надавив сапогом на грудь болтливого воина.

— Начинается агония, которую ты разделяешь с ним. — Задыхаясь, продолжил Роланд. — И ты тащишь его, вокруг настоящий хаос, суета, но ты все равно несешь его прочь. Не думаешь о себе, продолжаешь тащить, что бы ни происходило вокруг.

— Перестань злить его. — Попросил Титус, глядя как Кастиэль, придавливая сапогом все сильнее.

— Тащишь его по грязи, под дождем, потом по крови ваших соратников. Притом знаешь, что если оставишь его, он умрет. Понимаешь меня? Умрет тот человек, ради которого ты готов изменить своим клятвам и принципам. От этого страха не защищен даже сильнейший. Стальной выродок, ты знаешь, что такое семья?

— Знаю! — Рыкнул он, вдавив воина в землю так сильно, что у него захрустел позвоночник, а влажная земля под ним слегка просела. — У меня были жена, дочь, маленький сын! Я никогда не вернусь домой из-за того что изуродован пламенем!

— Ты бы спас свою семью, если бы они были там, или продолжил бы сражаться? — Едва выговаривал Роланд.

— Я выбрал бы свою семью. — Возмутился Кастиэль, едва сдерживаясь, чтобы не сломать воину грудную клетку. — За свою семью я и пошел воевать, и братья по оружию должны быть каждому легионеру как вторая семья, которую тоже нельзя бросать.

— Алистер — моя семья. — Прошептал он, заставив Кастиэля убрать с него ногу. — И я, так же как и ты, стал легионером лишь из-за него, отправился за ним в огонь, спина к

спине мы сражались не один раз, участвовали в осадах, и не думали бежать! Мы вошли во вкус, со временем начали разделять идею принца. Мы стали этим проклятым Легионом! Проходили огонь и лед, умывались кровью и сбивали кулаки до костей, мы герои, твою мать.

— Думаешь меня разжалобить?

— Даже не думал, просто когда решишь прикончить меня, знай и помни это. Ты навсегда запомнишь эти слова, поймешь, что лишил кого-то семьи, как пламя лишило твою семью отца и мужа. Рыцарь, давший клятву быть на страже жизни, сейчас просто мститель. Каков твой дух, неужели столь ужасен, как его оболочка, или в тебе остались те идеалы, на которых ты вырос?

— Моя жажда мести оправдана.

— Думаешь, тебя кто-то похвалит? — Поинтересовался Титус, опасаясь, что теперь придавят к земле и его. — Думаешь, что убивая каждого встречного офицера Легиона, ты убьешь предателя, выдавшего ваше месторасположение? Виноваты не легионеры, которые по сей день живут с этим, и даже не нападавшие наемники — для них это было средство заработка, твои методы неправильные. По своей воле или по воле богов, но ты выжил, а значит тоже вне закона северян, на тебя, как и на других легионеров, открыт сезон охоты. И плевать все хотели, какой ты там славный парень, при первой возможности, король вздернет тебя на виселице.

— Что прикажешь делать, умник?

— Найти того, кто действительно заслуживает смерти? — Предположил Роланд. — Ведь на нас тогда напали не дикари, хоть все считают именно так, но ты был там и видел, с кем мы сражались, это были наемники. Знающие как драться, имеющие хорошее снаряжение — закаленные мечи и отличные доспехи. Их самый главный козырь — знание нашего маршрута, о нем разболтал кто-то из легионеров, они точно знали, где и когда нападать, готовились к этому.

— Может, мне тебя еще и развязать?

— Я и сам могу. — Показал свободные руки Роланд. — Алистер меня многому научил.

Кастияэль уже сделал шаг в его сторону, но услышал хруст веток позади себя. Первым, что пришло в голову стальному легионеру, что Измаил вернулся раньше, чем должен был, но это был не он. Несколько солдат в черных доспехах и желтых накидках высокомерно смотрели на Кастияэля, Роланда и связанного Титуса, пытаясь сопоставить факты.

— Под описание вроде подходят. — Заметил предводитель наемников Темного Леса, переглянувшись с другими бойцами. — Только вот о стальном чучеле речи не было. Подстрахуемся и возьмем всех, думаю, за него тоже заплатят.

— Сам тащить будешь. — Заметил другой, на что тройка товарищей по несчастью стала недоуменно переглядываться. — Вы идете с нами.

— Уверен? — Спросил Кастияэль, сделав шаг к наемнику, приоткрыв забрало. Скрежещущее зубами, похожее на сгоревший череп лицо, изобразило что-то похожее на оскал.

Измаил абсолютно не понимал всей ситуации, да и этот назойливый “голос” все время невпопад вставлял свои реплики. Было очень тяжело соединить все факты воедино, чтобы получить общую картину происходящего. С одной стороны, его наняли для защиты Кроули и Титуса, и наняли через Бернарда, при этом, все члены уравнения — братья Борн! Как тут можно сообразить, провалено ли задание, если цель для убийства поймана, а истинный заказчик мертв? Неужели он впервые потерпел поражение? И стоит ли считать неудачу его

виной, если дело приняло такой оборот без его участия? И получит ли он награду, если продолжит выполнение задания? Но от кого? Дойдя до места, где он оставил Кастиэля с пленниками, он был удивлен еще больше: Кастиэль стоял в центре, среди разбросанных покойников, а освобожденные пленники, как ни в чем не бывало, ходили рядом, в поисках выживших.

— Какого черта?

— Измаил, рад тебя видеть. — Насмешливо поприветствовал рыцарь. — Нашел моего брата Кроули? Он бледнее, чем обычно, верно? Может даже распух, с мертвецами так обычно и бывает. Я жду извинений, пожалуй, это будет честно.

— Да, он мертвый, вернее то, что от него осталось, точно не шевелиться. Запах, правда, хуже не стал, но его кончина — не признак того, что я не могу убить тебя для собственного удовольствия. Кастиэль, ты передумал мстить? Да что с вами не так?

— Он мне кого-то напоминает.

— Измаил? Мне тоже. — Задумался Роланд. — Волосы бы черные, да зеленые глаза, был бы копией Алистера.

— Алистера? — Побледнел убийца, ведь так звали его брата, которого он застрелил. Но сообщать об этом глупо, ведь в тот роковой день, наемник сражался за врагов Легиона. Это была ошибка, но подобное признание окружающие не оценят. — Кто такой Алистер? — Неуверенно спросил он, ожидая ответ типа “кузнец из Гаардена” или “трактирщик из Везерлеха”, неважно, в любом случае, это совпадение — подумал рыжеволосый наемник.

— Алистер Де-Ветт, самый везучий выродок Темнолесья. — От этих слов Измаил сделал пару шагов к ним поближе и сел на одного из покойников из числа воинов Темного Леса. Кастиэль недолго думая подошел к нему.

— А ты разве не...

— Измаил Де-Ветт. — Проговорил он, словно сквозь сон, отчего Роланд побледнел на глазах, а Титус и Кастиэль в свою очередь почувствовали себя словно не в своей тарелке. Тишина не прервалась бы, если бы один из наемников, не застонал. Роланд подбежал к выжившему противнику, и все еще не отойдя от шока, спросил его:

— Мы ищем твоего нанимателя, Профессора, если расскажешь нам, где он, останешься жив. Сейчас мы знаем, что он в Драконьем клыке, но где именно нам искать его?

— Кто вам сказал, что он там? — Откашлялся он, тяжело было приходиться в себя после удара Кастиэля, хоть он и поставил блок, защита не спасла. Оба локтя были сломаны, из-за чего воин чувствовал себя беспомощным и не потерял желание дерзить своим врагам. К тому же сидящий на нем рыжеволосый человек не давал ему глубоко вдохнуть. — Он в поместье, я могу рассказать, где именно, если пощадите меня.

— Даю слово рыцаря. — Сказал Роланд, Титус, стоявший позади посмотрел на него с недоумением.

— В ту сторону! По тропе, а затем налево вдоль реки. Его поместье никак нельзя пропустить, безумие идти туда вчетвером, даже с этим верзилкой. — Встав с колена, Роланд нанес удар ботинком в кадык наемника, после чего он захлебнулся в своей крови.

— Нарушил слово рыцаря? — Переспросил Титус.

— Я ведь не рыцарь. — Пожал плечами Роланд.

— Если вчетвером опасно вам двоим придется очень тяжело. — Заметил Кастиэль.

— Нет. Вы, пойдете туда с нами. — Заявил воин, предвкушая отличную сделку, именно так бы и поступил Алистер, дипломатия — вовсе не тот способ, которым он любит решать

проблемы, но здесь сложились беспроигрышные условия получить поддержку этих двоих. — Измаил, сможешь зачистить поместье и мы отведем тебя к Алистеру, может, это просто совпадение, но я уверен, тебе интересно было бы проверить. Алистер почти ничего не рассказывал о брате, интересно, какой будет ваша встреча. Насколько я знаю, брат бросил его, ушел вместе с отцом.

— Я согласен на сделку. — Встал Измаил. — Но отец бросил не только его.

— Кастиэль, если сможешь, мы отведем тебя к твоим людям, которые до сих пор помнят своего командира и настоящего героя. Можешь похвалить их, или убить, как захочешь, мне они не особо нравятся, если честно.

— С чего ты взял, что я соглашусь?

— А куда тебе еще идти? — Подошел к нему новоиспеченный дипломат Роланд. — Ты сегодня открыл глаза на свою жажду мести и остыл, ради чего ты теперь будешь жить? Может, захочешь найти того, кто стоит за нападением на Легион? Но в любом случае, они твои люди, скажешь им мстить вместе с тобой, и они послушаются.

— Кастиэль. — Обратился к нему Измаил. — Что, если я знаю, кто стоит за нападением на Легион. Чем быстрее мы сделаем дело, тем быстрее я встречу с братом, а после ты получишь объект для мести. Я могу помочь тебе найти того, кто предал Легион. — Четверо мужчин переглянулись между собой, стиснув зубы и тяжело дыша от напряжения, но никто не отказался заключить сделку. — Я действительно могу тебе помочь.

— Чего же ты раньше не сказал? — Процедил стальной легионер.

— Раньше это не было мне на руку.

Алистер поднялся на колени, опираясь на лук. Его веки дрожали от невыносимой боли, кисти рук тоже тряслись. Одноногий линчеватель стоял у него за спиной, будто радуясь тому, что разведчик почти встал, но даже не попытался ему помочь. Поспешили подойти и другие линчеватели, бывшие воины Легиона, ставшие дезертирами.

— Сегодня. — Заявил Алистер, встав с колена и расправив плечи. — Мы совершим авантюру, которая озолотит вас. Конечно, похвально, что вы стараетесь сделать Темнолесье безопаснее, истребляя таких подонков как Профессор, его людоедов и прислужников. Вы не обрадуетесь, узнав о том, Профессор, необходим нам живым.

— На кой черт он сдался? — Высказался кто-то из отряда, этот человек стоял позади Алистера, которому из-за сломанного ребра было неудобно повернуться к нему. — Он терроризирует ни в чем неповинных людей, не говоря уже о затее с людоедами.

— Сделка, знаешь значение этого слова? — Возмутился разведчик, встав уже на обе ноги. Его колени онемело, а все тело дрожало. — Или голова тебе нужна лишь для того, чтобы носить на ней шлем? — Подобное заявление разъярило несогласного, он хотел толкнуть раненого разведчика в спину, но Алистера уже не было на прежнем месте, он вдруг оказался чуть левее. Не успел линчеватель выругаться, как в его шею встрял охотничий нож Алистера, выходя, зазубренное лезвие разорвало кадык, разбрызгивая кровь. Тело несогласного с разведчиком линчевателя безмолвно рухнуло на меховую подстилку. — Я даже со сломанными ребрами дам фору любому из вас! Есть еще замечания?

— Ты можешь убить так просто? — Удивился Мартин, холодно взглянув на тело соратника.

— Мартин, оглянись вокруг, тебя окружают не люди, вы волки. И не стоит смотреть на меня так, вы все прекрасно понимаете, о чем я говорю. Собственная шкура и небольшая стая — все, что у вас есть. Слабость одного — это общая слабость. Вы жили без вожака, и

скольких людей потеряли?

— Дюжину.

— Я ваш новый вожак, отныне вы не потеряете ни единого человека, если будете четко следовать моим указаниям. Есть какие-то возражения? — Алистер окинул всех взглядом, но никто не рискнул открыто смотреть ему в глаза. — Так я и думал. Право на жизнь — это то, за что вы все боретесь, правда, по отдельности. Пора бы уже вам научиться принимать бой сообща, дерзко вырывая победу из любых цепких лап.

— Что насчет сделки?

— Она вступила в силу уже сейчас, Профессор нужен мне живым. — Подняв руку и указав пальцем вглубь леса, он продолжил свою речь. — Там человек, на которого вы охотитесь целый месяц. Изверг, скрывающийся за спинами наемников. Их больше чем нас, они сильнее, но мы быстрее, умнее, на нашей стороне единство.

— В чем суть сделки? — Спросил один из линчевателей.

— Алистер помогает нам одолеть профессора и организовать атаку на его поместье. Взамен, он просит остаться с ним наедине. Думаю, часа ему хватит, после чего Профессор будет в нашем распоряжении, мы сможем судить его по-своему, как делали это с другими.

— Забыл сказать кое-что. Монета, Мартин, не забывай про нее. Пришлось лгать друзьям, дабы все вышло так, как мы с тобой планировали, помнишь?

— Не сказал бы, что ты очень дружен с рыцарем, а что касается стаи, в устном договоре не было речи о твоём лидерстве и нашей верности тебе. Ты явно рассчитывал на большее, чем я.

— Вы постоянно думаете об этом, такова суть человеческого разума. Жажда выживания, звериные инстинкты и воинская дисциплина — все указывает на то, что я лучший лидер для вас. Схемы, которую Мартин мне нарисовал, недостаточно. Даже Роланд составил бы более четкую картинку, хоть он далек от азов разведки.

— А ты себя любишь, раз пытаешься взять над нами командование.

— Ведь кто-то должен. — Пожал плечами разведчик. — Противоречий я не слышал, да и ты сам, Мартин, не шибко рвешься мне перечить. Нас осталось семеро, не считая меня и Мартина. В бою от него толку мало, но для него у меня свое поручение. Я и один из вас возглавим отряды по четыре человека. Чтобы было понятно — троих возьму я, еще троих кто-то из вас. Сначала я в одиночку разведу местность, а вы будете ждать меня за километр от поместья, на карте есть река, предположим, мы встретимся здесь.

— Ты едва стоишь на ногах. — Заметил один из них.

— Скажи это своему мертвому товарищу. И заруби себе на носу, щенок, я с малых лет один бродил по этим лесам. Я умел скрываться и выслеживать добычу еще до того, как стал совершеннолетним. Я разведу местность, вернусь к вам и разделю нас на две группы. В поместьях всегда делают черный ход, обычно он выходит на задний двор. Это даже не военная постройка, так что проблем с захватом не возникнет — сложнее будет удержать позиции от подкрепления. Ударная группа, она же отвлекающая, пойдет через задний двор.

— Используешь моих людей, как приманку и открыто говоришь об этом? — Удивился Мартин, это было подобием восторга, ведь такой прямоты никто не ожидал. — А как же обещание, что все вернутся домой?

— Если обещал, то так и будет. Этой группе нужно будет всего лишь отвлечь наемников на себя, никто не подумает, что отвлекать будут именно с черного хода. А я с тремя бойцами прорвусь, найду слабое место, где — еще сам не знаю. Как я уже сказал, необходима

нормальная разведка.

— И какая роль отведена для меня?

— Мартин, ты же инженер, верно?

Алистер и Мартин переглянулись, на лицах этих двух промелькнул оскал, который вгонял в замешательство. Никто даже не мог предположить, что было на уме у этих двоих ...

Глава 6. Время исповедей

Осень 1670 года, Темнолесье

“Знания — мощнейшее оружие. Владая ими, каждый сможет играть в бога или политика, но лишь в редких случаях знания используются во благо.” — Неизвестный.

Роланд с опаской шел впереди человека, который не так давно собирался его убить. Измаил хоть теперь и зависел от воина, но все равно не внушал доверия. Сумасшедший — Думал про себя Роланд, постоянно косясь на него — ничего не могло внезапно внушить уверенность в этом спутнике. Оба раза Измаил появлялся внезапно, выказав оправданное рвение к убийству Титуса и вот — теперь они их союзник. Он еще якобы и брат Алистера, чему было сложно поверить.

Воспользуюсь рыжим и убью его, так будет лучше — Продолжал думать воин, пока не дошел до нужного места, до мелочей продумывая свой план. Присев, он выглянул из-за куста. Перед ним красовалось высокое поместье, принадлежавшее якобы тому самому Доктору или Профессору, чье имя с трудом задерживалось в голове Роланда. Он словно слышал отголоски просьб Алистера быть осторожнее и прочее, что товарищ повторял ежедневно. А их сегодняшнюю вылазку никак нельзя было назвать осторожным и безопасным занятием.

— Похоже, это тут. — Процедил Роланд, нервно поглядывая на рыжеволосого наемника.

— Попробуешь обмануть меня — потеряешь свое лицо. — Любезно заявил Измаил, проведя ладонью по щеке светловолосого воина, тем самым явно его озадачив. — Так бы и съел его, а срезать буду осторожно, чтобы на жаровню ложились аккуратные куски.

— Отвратительно. — Сплюнул Роланд. Позади них резко зашуршала трава — подошли Кастиэль и Титус, до этого обсуждавшие что-то касавшееся Легиона. — Титус, больше не крадись так, если не сложно. И так нервы шалят из-за этого свихнувшегося. — Сказал северянин.

— Ты говоришь не подкрадываться парню, с которым идет целый стальной форт с ножками, может, у тебя проблемы со слухом? — Титус нетерпеливо выглянул из кустов, осмотрев поместье. — Итак, это и есть убежище Профессора?

— Есть шанс проверить. — Ответил Роланд, пересчитывая наемников. Они периодически возникали возле дома, обычно, ходили по двое. Часовые, признающие лишь деньги, по его мнению, не самая надежная защита. — Измаил, займись ими. Если ты вправду родня того Алистера, которого я знаю, проблем у тебя не возникнет.

— Смотри в оба, боров. — Прошептал он, нырнув в кусты, практически не задевая ни одного листочка. В потемках едва ли можно было уследить за рыжим убийцей, заметными оставались лишь его волосы.

— А мы втроем будем атаковать в лоб.

— Почему не пойти вчетвером? — Прозвучал грозный голос из-за забрала шлема.

— Не знаю как ты, здоровяк, но я не особо жажду доверить свою шкуру наемному убийце, что бы он ни говорил о моем друге, и о каком бы родстве ни шла речь. В то время, когда ты хочешь справедливости, он желает непонятно чего. Никогда не поймешь, какими мотивами руководствуются сумасшедшие, и когда одни их порывы сменяются другими.

— Если бы он хотел, убил бы при первой возможности. — Размышлял Кастиэль.

— Может, и убил бы, но как бы то ни было, ждем, пока Измаил снимет часовых, а после идем на штурм. В любом случае так будет проще прорываться, а если его убьют, я лишь почувствую облегчение. Присутствие наемника, как тяжкий груз на душе. Без него будет проще: можно будет реже оглядываться по сторонам, и не беспокоиться постоянно о собственной безопасности.

— Он мне еще нужен как кладезь информации.

— Так чего же ты не выбьешь из него правду? — Удивился северянин.

— Я видел таких, как он. Он не расколется даже под угрозой смерти. — Словно что-то припоминая, стальной легионер застыл, после чего вновь вернулся в реальность. — Точно не выдаст, они, сумасшедшие, да и вообще, наемные убийцы, на редкость принципиальны. Я верю в то, что он сдержит слово. Авантюра не шибко продумана, но в этом вопросе я буду полагаться на судьбу.

— Не шибко продумана? — Обрадовался Роланд. — Она вообще никак не продумана, приятель, это ведь импровизация. Тот случай, когда ты просто действуешь, не зная наверняка, что за этим последует. Тебе информация — нам артефакт.

— Ты вообще умеешь секреты хранить? — Возмутился Титус. — Господи помилуй, Роланд! Смотрите, дверь может быть заперта. — Заметил рыцарь, осторожно выглядывая из кустов, стараясь не привлечь к себе внимание часовых Профессора.

— Не смей меня. — Встал с колена Кастиэль, принимаясь рассчитывать траекторию и дистанцию для разбега, чтобы проломить дубовые двери. — Это для вас она заперта. Если крепежи не толще самой двери, считайте, ее там уже нет.

Из-за дома показался Измаил, который словно издеваясь над Роландом, жонглировал ножами и пританцовывал, якобы намекая на то, что во дворе уже безопасно. Роланд вышел из кустов и взглянул на стального рыцаря, на что он согласно кивнул, а после побежал в сторону парадной двери. От тяжести бегущего рыцаря с дорожки, которая вела к поместью, во все стороны разлетелся щебень. Стальные сапоги стучали о камешки, казалось, звук распространялся на несколько миль, что намекало лишь на одно — тихой работы не предвидится. Не сбавляя скорость, Кастиэль взбежал по ступенькам и плечом выбил парадную дверь.

Четверо наемников Темнолесья стояли в просторном холле. Двое из них обсуждали подорожание стали, которую они закупают в самом Гаардене, а двое других просто стояли, думая о чем-то своем и рассматривая дорогостоящие вазы, расставленные по всему поместью, картины, висевшие на стенах, выставленные в углах скульптуры. Как вдруг деревянная дверь была с грохотом выбита! Один наемник стоял у двери, прижавшись к ней спиной и в тот момент услышал лишь хруст своего позвоночника, а другой, находившийся поближе к нему, разглядывающий расписанную красками глиняную вазу, был сбит с ног куском двери. Она отлетела, словно в нее пальнули из корабельной пушки.

Нет, Кастиэля не остановила дверь, лишь она лишь слегка сбавила скорость, которую он быстро наверстал по дороге к паре наемников, стоявших подальше. Лишь один из них успел отпрыгнуть и перекатиться в сторону, второй изумленно встретил громилу грудью. Увесистый стальной легионер пронесся вместе с ним до самой каменной стены, и не сбавляя скорости, врезался в нее, используя ошарашенного наемника как подушку, смягчившую удар. Стена начала осыпаться, как будто была облицована не мрамором, а выстроена из песчаника. А по всему зданию стали слышаться выкрики и скрежет камня. Последствия были ужасны, грудная клетка наемника деформировалась, издав неприятный хруст, а из

тела, словно лепестки дивного цветка, вырвались ребра, пробив даже тонкую кольчугу.

Спустя минуту, Роланд и Титус зашли в холл, ошарашено поглядывая на последствия подобного разбега, мысленно оценивая урон. Титус по рангу был равным Кастиэлю, но сейчас чувствовал себя простым новобранцем, которому показывают, как нужно идти на штурм. И рыцарский титул никак не мог повлиять на это ощущение.

— Нужно будет открыть дверь — обращайтесь. — Пытаясь отдышаться, заявил Кастиэль, следя, как один выживший наемник бежит вверх по ступенькам, дабы предупредить остальных. Увы, его догоняет летящий нож Измаила, который беззаботно зашел вслед за остальными. Наемник рухнул лицом на ступеньки, после чего стал нелепо скатываться по ним.

— Измаил, зачем? — Обратился к нему Роланд.

— Он бы позвал остальных.

— Как ты думаешь, если в поместье разрушена дверь, каковы шансы, что на втором этаже об этом не узнают? Без обид Кастиэль, ты провернул все безупречно, Алистер бы минут пять замок взламывал, но я ожидал меньше шума. Эх, ждем остальных, уже предвкушаю, как они суеются и собираются к нам спускаться. Впереди славный бой...

— Сомневаюсь. — Поделился Титус. — Сомневаюсь, что кто-то вообще захочет спуститься сюда. Даже тот доходяга, которого умертвил Измаил, хотел скрыться. Там наверняка пытаются выбрать с какого окна спрыгнуть.

— А у меня больше никого и нет. — С улыбкой пожал плечами седой старик, одетый в бежевый халат. Он спускался к ним, ступая босиком по холодным мраморным ступеням.

— Ты и есть тот самый Профессор? — Повеселел Роланд.

— Предпочитаю свое имя, но так меня обычно и называют. Потому, что настоящее имя уже все позабыли. Что тебя так веселит?

— Ну, не знаю. — Замялся воин. — Когда услышал о каком-то Профессоре от его наемников разодетых в черную стальную броню, подумал, что тебя здесь уважают и боятся. Отчего-то решил, что ты повыше будешь. Знаешь, плечами шире, волос на голове больше. А ты даже халат не завязал, прикрой хотя бы пупок.

— Вы выбили мне двери, убили мою охрану, а значит, я имею право хотя бы знать ваши имена и цель визита. Окажите любезность, представьтесь.

— Мы те, кто неслабо надерет тебе зад, унылый ты антиквариат. — Заявил воин, натягивая красную железную маску и аккуратно застегивая ремешки на затылке. — Я бы спросил твое мнение, но оно мне безразлично, в твоём возрасте, судя по всему, ты уже написал завещание. Внукам достанется хорошее поместье. — Обратив внимание на наемника, который только сейчас отклеился от стены, и, оглядев вынесенную с петель дверь, Роланд продолжил. — Им придется сделать ремонт.

— Ты же не собираешься вот так просто его убить? — Вклинился в диалог Титус. — Он безоружен, настоящий рыцарь никогда не убьет безоружного старика, пусть и такого, как он. Мы, сдадим его властям Темнолесья, где его осудят по здешним законам.

— Ха! Темнолесье и законные власти, лучшую шутку сложно придумать. Но ты кое-что упустил, я не рыцарь, как ты. Что, кстати говоря, плохо для него. В Темнолесье нет власти а, единственная истинная власть здесь сейчас — это я!

— Вот Измаила, я узнал, не раз пользовался его услугами через посредников. Сколько возьмешь за то, чтобы встать на мою сторону в этом небольшом споре? — Старик, улыбаясь, спускался все ниже, перешагивая через тело одного из своих охранников. — Ты меня не

помнишь? Я никогда не обижал тебя золотом и не ставил строгие временные рамки, в которые нужно выполнить заказ.

— Сейчас, мне предложили нечто ценнее, чем золото.

— Не ожидал от тебя услышать подобное, интересно, что бы это могло быть? Де-Ветт, жажда золота у тебя в крови. Слышал, ценнее золота лишь платина, или может тебе предложили что-то из драгоценных камней? Если да, то наверняка это был кто-то из Фаурена, однако не помню, чтобы я переходил там кому-то дорогу, разве что...

— Встретитесь в преисподней, там и пообщаетесь. — Заявил воин, закончив с маской. — Правда, тебе придется долго его ждать. Твоя гнилая душа в скором времени переселится туда. Советую подышать перед смертью, даю последнюю возможность.

— Знаете, молодой человек, чем я занимаюсь?

— Растите поколение людоедов и платите наемникам.

— Моя страсть — это наука. Прогресс, который даже не снился ученым из университета Гаардена и Везерлеха, про Фаурен я вообще молчу. Я изучаю человеческую сущность, жители той деревни продавали мне некоторые органы своих жертв, иногда поставляли трупы целиком. Моя слабость — это страх, такой же яд, как и все прочие. За страх отвечает нечто, вызываемое одним из органов человеческого тела. Я создавал из него реагенты. Из тела можно извлекать все: от новых знаний до всевозможных веществ, открыть бессмертие смертным, подарить зрение слепым, поставить на ноги искалеченных солдат! Я потратил всю свою жизнь на подобные исследования: дни, ночи, месяцы и целые годы я не закрывал книг, изучая то, что якобы создали боги. Мои труды непостижимы вашим рыбьим мозгам! — Показав продолговатую металлическую трубку, старик спустился к ним на один уровень. — Это венец моих творений, понимаете ли, это просто шедевр. Он способен поразить насмерть, остановить наступление вражеских войск, поможет выяснить правду — все что угодно, в зависимости от его содержимого.

— Ты говоришь о пытках. — Заметил седой рыцарь. — Речь идет об оружии, которым ты явно пытаешься нас утратить, не так ли? Что оно сделает, перенесет тебя подальше от нас? Ох, как бы это было кстати, Профессор.

— За такой ужин, что я отведал в той деревне. — Вмешался Роланд. — Тебя не спасет даже наука. Самые злые враги, которых ты только мог себе нажить, стоят в холле твоего дома. — Оглянувшись на соратников, и осмотрев их, он развернулся назад к Профессору и продолжил. — У тебя четыре проблемы, старик. Первая — это очень злой и страшный воин с севера. У меня есть талант рубить все на ровные кусочки, ты даже упасть не успеешь, как превратишься в мясной салат, нарезанный настолько идеально, что любой кулинар, молча, пустит слезу. Вторая проблема — это принципиальный рыцарь из Везерлеха, который, несмотря на свои устои и законы, может развесить твои останки по дому. Третья — рыжеволосый парень, который не дружит с головой, так что я даже не знаю, чего от него ожидать, а у него есть отличный стимул сделать последние минуты твоей жизни мучительными. И четвертая неподвижно стоит, тяжело дыша, а чуть раньше она, словно пушечное ядро, разнесла твои двери, ты заметил, наверное. Что ты сможешь противопоставить нам?

— Инициатива питаться людьми — не моя, но пусть они делают все что угодно, лишь бы поставляли мне органы и подопытных крыс. Насколько я помню, одну из моих деревень вы разгромили в щепки, это было проявлением агрессии. Так невежливо с вашей стороны. — Профессор сделал шаг вперед, после чего бросил в их сторону металлическую трубку,

которая в полете издала странное шипение и стала выпускать едкий желтый дым. Навстречу летящему снаряду выскочил Измаил, который отбил нечто обратно, с разворота ударив по нему ногой. Четверо незваных гостей отскочили назад, но Роланд и Титус успели вдохнуть странную субстанцию, а след профессора вовсе простыл благодаря дымовой завесе. Никто не рискнул преодолеть ее и побежать вверх по лестнице за ним.

— Измаил! Живо на улицу, следи за окнами! — Выкрикнул Роланд, пытаясь бороться с начинающейся мигренью. — Кастиэль, помоги ему, он не должен уйти!

Стальной легионер рванул за убийцей через дверной проем, а Роланд рухнул на колени перед рыцарем, который стал оттаскивать его подальше от дыма, в итоге, оба покинули здание. Сразу за ними, из парадного входа выкатились клубы желтого дыма. Роланд кашлял и постепенно терял зрение. Лишь осознание происходящего не давало ему выйти из строя.

— Ты тоже вдохнул эту чертовщину, как себя чувствуешь?

— Думай сейчас о себе, я в порядке. — Озабочено процедил Титус. Не привыкший ходить без тяжелых доспехов, он чувствовал себя гораздо свободнее, чем в них. Ничего не помешало ему перетащить тяжелого товарища через порог. А этот якобы опасный дым вовсе его не тревожил, лишь заставлял чувствовать странный запах. Усадив Роланда на ступеньки, с расчетом на то, что из-за ветра, желтая дымовая завеса вновь не достанет его, Титус вернулся назад в поместье, скрывшись за желтой пеленой.

Измаил бежал вдоль дома, после чего резко свернул за угол, скрывшись от преследующего его стального легионера. В дюжине метров от него, стоял лучник в черном капюшоне, с платком на лице, блестящая в полумраке стрела была направлена прямо в грудь наемника.

— Алистер? — Забеспокоился Измаил, подняв вверх руки, он сделал неуверенный шаг навстречу лучнику. — Ты ли это? Прошу, скажи, что это вправду ты. — Позади разведчика из леса стали появляться люди, которые называли себя линчевателями Темнолесья, но так как их предводитель не стрелял, то и они не брали инициативу на себя, а лишь внимательно следили за происходящим.

— Немногие знают мое имя. — Пальцы только сильнее натянули тетиву. — Назовись.

— Измаил Де-Ветт, сын нашего отца и твой родной брат.

— Не лучшая идея, прикрываться именем моего брата. — Заявил Алистер, лишь слегка ослабив тетиву.

— Какой смысл мне делать это?

— Не хочешь умирать, наверное. О моем брате знал лишь Роланд, где он и что с ним сейчас, ты добрался до него?

Измаил сделал еще один неуверенный шаг, вовсе забыв про Профессора, ведь зачем делать поручения Роланда, если сделка уже перестала его интересовать. Позади рыжеволосого наемника, выскочил Кастиэль, что заставило Алистера до предела натянуть тетиву, из-за чего раздался характерный скрежет. Наконечник стрелы поднялся чуть выше, глядя в кадык убийцы. В какую бы сторону рыжеволосый не метнулся, лучник не промажет.

— Ты тот наемник, что пытался убить нас в трактире, а с тобой легионер, который попытался сделать то же самое. Скажешь, это совпадение? Непохоже, так что советую рассказать, кто тебе говорил о моем брате и кто сделал заказ — за это я подарю тебе легкую смерть.

Измаил опустил руки и сделал еще один шаг вперед, после чего стал расстегивать плотную куртку, оттянул поношенную серую тунику и указал пальцем на небольшой ожог на

животе. Лучник хорошо помнил о том, как еще в детстве, случайно ткнул своего брата тлеющим поленом прямо в живот. Измаил в отместку отвесил ему подзатыльник, но даже не кричал на него. Это была первая и последняя ссора с братом. Алистер опустил лук, но не ослабил тетиву, стрела все еще была готова отправиться в полет, если собеседник сделает хоть одно лишнее движение — ловкие руки успели бы направить стрелу в нужном направлении, хотя уже слегка дрожали от усталости.

— Назови имя нашего отца, Измаил. — С недоверием процедил Алистер. — Граф Теодор Де-Ветт, он же Черный волк якобы основатель гильдии убийц, разумеется, если верить королевской гвардии, лживым сволочам. — Ответив, безумец сделал еще один шаг вперед. — Мы же слышали, как его называют Кровавым Вороном, Сумеречным Ястребом как угодно, только не по имени. Это был скрытный, но искренний человек. — Назови имя нашей матери.

— Мы не знали ее, Алистер. — Склонил голову Измаил, сделав очередной шаг. Ответ был верный, они действительно не знали о ней совсем ничего, кроме того факта, что у нее были рыжие волосы, которые унаследовал старший сын, Измаил. Алистер выкрикнул что-то на неизвестном остальным диалекте, после чего пустил наемнику стрелу, попав в правую ногу.

— Братец! Давно не виделись! — Прокричал лучник, запустив еще одну стрелу в другую ногу, пока наемник еще не успел рухнуть на колени. — Ты оставил меня! — Сблизившись с утерянным братом, Алистер наотмашь нанес удар древком лука, заставив его свалиться на бок.

— Как мило. — Добавил стальной легионер, слегка отступив назад.

— Громила, ты ведь не думаешь на меня нападать?

— Если не будешь называть громилой, то даже не подумаю. — Ответил Кастиэль, после чего указал на лежащего в бессознательном состоянии убийцу. — Но он нужен мне живым, Измаил обладает некоей информацией. Убьешь своего брата потом, идет?

— Во-первых, он мне давно не брат, а во-вторых, делай с ним что хочешь. Я, может, и не самый совестливый человек, но уважаю тебя как командира, мы воевали плечом к плечу. Просто оставь в нем хоть каплю жизни, будет обидно, если он умрет не от моего клинка. — Развернувшись к линчевателям, разведчик жестом указал идти за ним. — Эта сволочь, Профессор, сам себя не убьет.

Титус взлетел по ступенькам, сразу же ворвавшись в спальню Профессора, который стоял в у противоположного конца комнаты спиной к большому витражу с его изображением. На голову профессора была надета странная маска. В воздухе витал непонятный аромат, вполне вероятно, что это такой же газ, который был в холле, но на этот раз он не был видим. Не исключено, что желтизна превратилась в осадок, покрыв мебель и пол — это бы объяснило желтый налет на всем, что его окружало. В дрожащей руке были зажаты еще две металлических колбы.

— Сколько бы тебе ни заплатили, я дам больше. — Невнятно сказал Профессор. — Как ты вообще еще стоишь на ногах? Может, в твоих легких природный фильтр? Ты мугант? Вот и эволюция, во всей красе. Пойми, я должен это знать!

— Что с моим другом, сволочь?

— Сейчас он испытывает самые жуткие страхи своей жизни. Но он переживет это, если у него нет проблем с сердцем, или если он не боится всего. В противном случае твой товарищ — не жилец. — Продолжал бубнить Профессор, выпуская какой-то газ из двух

металлических колб. — Как ты противостоишь этому?

— Элементарно. — Процедил рыцарь, грозно приближаясь к нему, взяв со стола небольшую бронзовую статуэтку. — Я не знаком со страхом. Советую отдать мне то, что ты получил из той деревни. Монета Властителя Тени, черная такая, где она?

— Монета Бога Теней. — Поправил профессор.

— Она у тебя?

— Да, это настоящая находка для ученого! Ты хоть знаешь, на что она способна?

— Знаю, и я должен ее скрыть от людей. — Титус свободной от статуэтки рукой прижал Профессора к витражу, вследствие чего, оно стало издавать скрип и скрежет, подтвердившие серьезность намерений рыцаря. — Вы, люди, всегда отличались тем, что пытались постичь то, чего знать не положено. Магия, боги, другие миры и наука, неужели всего того, что уже у вас есть, недостаточно?

— Магия и наука, одно объясняется другим, да какая разница?

— Не томи, мне нужна монета.

— Для начала, я объясню тебе, с чем ты имеешь дело! Если магия — это энергия, то подобные артефакты — ее источник. Вечная батарея, которая веками отдает энергию проводникам, которых вы называете магами. Найдя сильнейшего проводника, который еще не слился с ней, и убив его, человечество получит бесконечный запас энергии.

— Сильнейший проводник?

— О боже. — Возмутился Профессор. — Первородные.

— Не томи с лекцией, Профессор.

— Создав свои миры, боги оставили заряды своей уникальной энергии в некоторых местах, что повлияло на людей, живших там. Со временем они обуздали магию, и постепенно порождали поколения одаренных потомков, способных ее использовать. Но те, которые оказались ближе всего к месту перехода, были изменены полностью. Словно вода по руслу реки, в венах их предков текла чистая энергия.

— Ты про глашатаев богов?

— Верно, ты начинаешь понимать. — Возрадовался он, ощутив, как седой рыцарь слегка ослабил хватку, и ему больше не приходилось стоять на носках у витража с собственным изображением. — Моя теория гласит то, что через оставленный каким-либо богом артефакт, энергией снабжается и сам первородный.

— Но как? Другие маги ведь тоже черпают эту энергию?

— Нет, потомственные маги не были так сильно изменены, их род настолько заражен этим даром. Но первородные, по моей версии, имели при себе артефакты, и как любое порождение магии, они вызвали всплеск энергии, в корне изменивший этих людей.

— Говори проще!

— Еще проще? Короче говоря, баран седой, глашатаем становится тот, чей предок в то время имел при себе артефакт бога. И если верить религиозным байкам, боги так и выбирают себе глашатаев, ими проще манипулировать, отдавая свою энергию напрямую. — Ощувив, что пальцы ног вновь оторвались от земли, Профессор вспомнил про самое первое требование. — Монета в сейфе! За картиной! Больше ничем не могу помочь, шифр от него я не дам!

— Так на кой черт ты мне тогда нужен? — Возмутился рыцарь и с невероятной силой вышвырнул старика из окна.

Алистер со своим отрядом шел вдоль дома, вдруг что-то разнесло в щепки цветное окно

верхнего этажа и края оконной рамы. Это был широкий витраж, осколки которого сопровождали падение тела Профессора. Их враг рухнул чуть ли не на линчевателей, они едва успели разбежаться. Послышался хруст костей и звон стекла. Подняв взгляд наверх, Алистер увидел знакомую физиономию.

— Титус! Ты начинаешь меня раздражать.

— Мне нужна твоя помощь! — Выкрикнул рыцарь и скрылся. После чего Алистер развернулся к отряду, пожав плечами. — Чего уставились на труп, он не кусается. Делимся на группы, половина зачищает склад, берем все, что не прибито к полу.

— А другая? — Поинтересовался линчеватель.

— Другая группа разбивает лагерь подальше отсюда, ибо воевать здесь уже не с кем. И притащите туда Измаила. Кто освободится, помогите переносить добычу в лагерь, разобьем его примерно в сотне метров отсюда. Нет желания встретиться с подкреплением наемников, если такое вообще будет.

Роланд видел все окружающее, но это не было похоже на сон. Он оказался в клетке — она была ржавая, но просторная. А за клеткой стояло множество бледных людей. Он узнавал их, это были те, кого он лишил жизни. Не все заслуживали этого, далеко не все, попросту судьба толкала его на действия, которые он никогда бы не совершил ради развлечения. Там были и женщины, и старики, несколько детей. Все это вызывало в нем звериный ужас. Со стороны он выглядел, как бьющийся в припадке или даже агонии беззащитный человек, рядом был Алистер и пара линчевателей. Алистер, сплюнув в сторону крышечку от небольшой мензурки, залил вязкий сироп в глотку друга.

— Противоядие, надеюсь, ему это поможет. — Вздохнул Алистер, заметив, что из дома выбежал Титус, и как бы невзначай подмигнул ему. — Что там произошло?

— Я просил тебя не говорить ему. — перевел стрелки рыцарь, указывая пальцем на Роланда, который пытался вырваться из рук линчевателей. — Ты подговорил их, чтобы они указали на неверное обиталище Профессора?

— Возможно я, но кто мог подумать, что вы наткнетесь на него. Как вы узнали, где он, как вышло так, что ты встретился с этими людьми: Измаилом и Кастиэлем? — Поинтересовался разведчик, указывая пальцем на Кастиэля, волочащего за воротник Измаила. — Этот рыжий выродок — мой брат. Может, ты постарайся хотя бы объяснить мне, что здесь вообще происходит?

— Дым рассеялся! — Прокричал один из линчевателей, дав команду остальным ворваться в поместье, дабы довольно технично его обчистить.

— Алистер, вся авантюра в том, что ты захотел ограбить Профессора?

— Да. — Солгал разведчик. — Только лишь из-за этого, да, это цинично, эгоистично, но это не давало вам повода мешать мне. Научись не совать свой нос в чужие дела, ведь так он очень быстро сотрется о мой клинок, приятель.

— Угрожаешь мне? — Возмутился седоволосый рыцарь и подойдя, толкнул Алистера, а поскольку он еще не до конца выздоровел, не смог устоять на ногах и рухнул на спину. — Ты рискнул своими друзьями.

— Я никогда не называл себя героем! — Процедил разведчик. Линчеватель хотел помочь Алистеру встать, но он оттолкнул его руку и использовал лук в качестве опоры, поднялся на ноги. — Тронешь меня еще хоть раз, и в один прекрасный солнечный день я вырежу твое сердце осколком стеклянного бокала.

— Ты едва стоишь на ногах, а говоришь так, словно ты в лучшем положении, чем я.

— Хватит! — Вмешался Мартин. — Это не рыцарский турнир и даже не полуночное противоборство, просто давайте зачистим периметр и уберемся отсюда подальше. Наемники Темнолесья — странные люди. Сколько их не убивают — меньше не становится. Давайте не испытывать удачу и не проверять мою теорию на практике, все свои споры оставьте на потом, решите их в лагере.

Фыркнув, Титус вернулся в дом, махнув Алистеру, намекая, что ему все еще нужна его помощь. Сейчас достать артефакт было важнее, чем попусту спорить с Алистером, вера в правдивость слов старика была сомнительна. Голова рыцаря была забита только этим, но отчасти, у него проскакивали мысли о том, что его могли разоблачить, застать саму расправу над Профессором, тогда вопросов было бы не избежать. Разведчик, отряхнувшись от травы, провел рыцаря взглядом, после чего перевел внимание на друга, лежащего в беспамятстве, хоть обращался к одному из линчевателей:

— Отправляйся в дом, собери все документы, письма, свитки, все, что только можно. Если Профессор был одним из тех, кто записывает свои мысли, наработки и прочее, то его бумажки будут стоить дороже золота. — И Алистер, прихрамывая, последовал за рыцарем.

Это был огромный чугунный сейф, который бросился в глаза Алистеру сразу же, как только он зашел в помещение. Титус остался стоять у картины, упавшей со стены. Почесав седой затылок и указав пальцем на сейф, разведчик попросил. — Открой.

— Вот как, если я вор, то значит и сейфы вскрывать умею?

— Разве не так?

— Так. — Признался Алистер, подойдя к сейфу и доставая сверток со своими инструментами. Они уже были наготове, ведь он рассчитывал на то, что ему попадет сейф. А такой большой наверняка скрывал много ценного и полезного. — Монета там?

— Да, справишься с замком? — Титус ощущал легкий трепет и недоверие к Алистеру, пытаясь понять его замыслы.

— Я-то справлюсь, а ты?

— Справлюсь с чем? — Попятился рыцарь.

— С правдой. — Пояснил он, оглянувшись назад. — Я планирую рассказать тебе правду. Она будет тебе неприятна. Но пожалуй, ты единственный, кто может меня сейчас понять. Единственный, у кого есть шанс мне помочь, если захочешь. Считай это исповедью, вроде тех, которыми грешники достают своих священников у вас в Везерлехе.

— Нам нужно поговорить, ведь так? — Спросил Титус, усевшись в кресло, глядя, как Алистер вскрывает сейф.

— С глазу на глаз, верно. И начну я с того, что обманул тебя. Отчасти потому, что мне пришлось, а не потому, что у меня такая натура, с которой ты довольно хорошо знаком.

— Тебе нужно не золото Профессора. — Почти утвердительно бросил рыцарь.

— Да. — Признался собеседник. — Мне нужна монета, уже довольно давно и очень сильно.

— Зачем?

— Ваш орден занимался тем, что прятал вещи, не всегда понимая их назначение. Подобно сороке, которая свою блестящую находку тащит в гнездо. В детстве, рыская в сорочьих гнездах, мы находили разные вещи: от позолоченных ложек до серебряных украшений. Но если не отклоняться от темы, вы связывались с тем, чего не знали. Но я могу рассказать об одном артефакте от первоисточника. — Алистер оставив в замочной скважине отмычку, и спешно сев напротив рыцаря, продолжил. — Поговорим о той самой монете

Теней.

— Актуальная тема сегодня, но мне кажется, первоисточником является сам Бог Теней.

— О нем речь и пойдет.

— Продолжай.

— Мой род, как я знаю с недавних пор, всю свою жизнь служил Богу Теней. Недавно меня начали посещать видения, сны, столь реальные, что нельзя было понять, не происходит ли это все наяву. В них предо мной восстает темный образ, который тревожит мои раны, использует рычаги давления.

— Рычаги давления? Это страх смерти?

— Да, я страшусь смерти. Но также я всегда боялся быть чьим-то слугой, это мне явно не по душе. И ты только представь, как я себя чувствовал, когда узнал о том, что после смерти, буду вечно служить кому-то, кто даже не может показать мне свое лицо. Я пойму, если ты мне неверишь.

— Мне тяжело тебе верить, особенно после этой аферы с Профессором.

— Ну так взгляни мне в глаза. — Алистер наклонился ближе к рыцарю, так, что Титус поневоле всмотрелся в черные глаза разведчика и стал видеть больше, чем он говорит. — Вас учили распознавать лжецов, и ты должен видеть правду я говорю, или нет.

— Ты хороший лжец.

— По каким-то безумным расчетам, я должен стать глашатаем богов, и почему — не имею понятия.

— У мира больше загадок, чем ответов. Но я все равно не понимаю, как такое вообще возможно. Ты говоришь правду, но глашатаев призывают только тогда, когда боги собираются вернуться в наш мир. Это не укладывается у меня в голове. Что если ты считаешь это правдой, потому что обезумел от болезни? — Попятившись назад, он вспомнил о монете. — Веришь ли ты в судьбу?

— С неохотой, ведь моя судьба служить тому, в кого я не верю.

— Возможно, судьба свела нас вместе неспроста. Всегда есть какой-то умысел, непонятный даже богам, и мы оба в этом участвуем. Кто-то пишет за нас историю, и у каждого из нас есть своя роль. В чем моя роль в твоём пути? Или твоя в моем?

— Если верить образу, что ко мне приходит во сне — монета, способ освободиться от рабства.

— Мы сейчас говорим о Боге Лжи и Обмана, не только Тени. Ты ведь понимаешь это? Осознаешь, что в том сейфе может быть не только спасение, а наоборот — своеобразный договор о вечной службе, который ты подпишешь сам того не зная. Даже если там пропуск к свободе, то чем-то, он все же подкупал твоих предшественников, которые сами отказывались от него.

— Силой, даром, бессмертием в своем мире.

— И ты отказался? — Удивился Титус, он понимал, что Алистер говорил правду, но неужели разведчик действительно ценит что-то, кроме власти и блеска золота.

— Я не был плохим человеком, крал только у тех, кто жил в достатке, убивал только тех, кто заслуживал смерти, и золото меня не слепило, попросту, я стремился к лучшей жизни. Может из-за благородной крови, может из-за условий, в которых я рос, но я стал таким не из плохих побуждений.

— Ты просишь меня отдать тебе монету?

— Нет. Я прошу тебя о помощи. — Разведчик скинул с себя куртку, задрал кверху

рубаху. От увиденного ужаса, чаще забилося сердце. По телу разведчика проступили черные вены, все порезы, даже самые мелкие, словно были чем-то заражены. — Я прошу тебе сказать, что мне делать. Всю свою жизнь я руководствовался лишь своим мнением, а сейчас, я боюсь ошибиться. Мне сложно просить тебя о помощи, но выбор у меня невелик.

— Алистер...

— Я погибаю, во мне медленно угасает жизнь. Больше смерти я боюсь только вечной службы. И как бы меня не одарили этой энергией, какой бы трон не обещали, пусть даже сулят бессмертие — я не хочу быть вечным рабом, как все прошлые поколения моей семьи. Вдруг я действительно сошел с ума? И ты понимаешь, что я не тот человек, который стремится быть мессией, я не провел и одной ночи в храме, не умолял какую-либо из высших сил помочь мне, не совершал паломничеств, не приносил даров и жертвоприношений, так на кой черт боги пытаются сделать меня фигуркой на своем игровом поле? Шутки ради?

— Ты вверяешь свою душу мне? Человеку, которого все время отталкивал от себя.

— Я своеобразный человек, думаю, ты уже понял это.

— Понял. — Вздохнул рыцарь. — Так как ты сейчас не знаешь, что делать с монетой, так и я не знал, что делать тогда, в тот роковой день. Предо мной стал выбор, и ирония в том, что такой человек как ты мог бы дать мне совет, направить тогда. Сейчас все иначе, и я тебе помогу, вернее, постараюсь.

— Что с тобой было?

— Западные или восточные врата — нужно было решить, какие из них уничтожить. Дилемма заключалась в том, что западные врата были храмом, выстроенным в виде арки, и там, вместе со стариками и детьми была моя возлюбленная. Восточные врата удерживались моим другом, там были раненные солдаты и оборона могла рухнуть в любой момент. А я был в центре города, мне нужно было решить, какой из складов драконьего пороха поджечь. Снаряд был заряжен в имперскую гаубицу, купленную на королевские деньги, и мы рассчитывали с ее помощью удержать город, но вас, северян, таким не напугать. Мы откатали ее на главную площадь, ибо попади она тогда вам в руки, мы были бы разбиты. Мне оставалось только выбрать цель...

— И что ты выбрал? — С интересом и пониманием спросил Алистер.

— Я не смог выбрать, слишком долго мешкал. — Признался рыцарь, опустив голову и закрыв глаза ладонью, чтобы спрятать слезы. — Если бы я тогда выбрал, мы бы успели взорвать один из проходов, все солдаты сосредоточились бы в одном месте и смогли отстоять город. Пока я стоял в ступоре, одновременно рухнула оборона и восточных, и западных врат. На своем пути северяне вырезали и раненых, включая моего друга, и мою любимую, Беатрис, вместе с мирными жителями. Когда королевская гвардия прибыла с подкреплением, я остался единственным солдатом, стоявшим на городской площади. — Ты один отстаивал город?

— Нет. — Титус скривился, словно сама мысль об этом, окунала его в сточные реки, словно он оказывался в гнилье по самое горло. — Северяне окружили меня, их забавляло то, что остался только один противник. Иногда кто-то набрасывался на меня, но спустя мгновенье, я скидывал его с лезвия меча, и так не менее дюжины раз. А после, когда это перестало их забавлять, враги намекнули на то, чтобы я передал послание королю.

— Послание? — Дрогнул Алистер.

— Попросили передать королю, чтобы он тщательнее вылизал свои бубенцы, ибо север наступает и те должны блеснуть на блюде северного правителя. Но я передал иначе: просто

сказал, что идет север, чтобы это для него не значило. В хрониках это записано иначе, мол, Титус Борн из знатного семейства — единственный, кто выжил после той резни. Мол, я герой, а не трус. Стране нужен был герой — символ единства и надежды на победу в войне.

— За это ты получил рыцарский титул?

— Да, этот титул лишь напоминание о том, чего я не сделал. Я должен был выбрать что-то одно. Как и ты в данный момент. В тот день я лишился всего, что любил и ценил. За месяц мои волосы стали белее снега, а рыцарский титул я использовал для вступления в Орден Плающего Сердца, чтобы уехать подальше от людей, которые считали меня героем. Со временем мой «подвиг» забыли, а я встал на путь искупления.

— Прости, я не знал этого, не знал, что ты пережил.

— Есть один способ проверить.

— Что?

— Есть один способ проверить. — Громче повторил Титус. — Монета или повергнет тебя в вечное рабство, или спасет, но есть лишь один способ это проверить. Алистер, я поддержу твой выбор, каким бы он не был.

— Сутки на размышление у нас точно есть, думаю, угли в моем костре еще дают жар.

— Да, но тебе стоит рассказать Роланду. — Титус опрокинул голову назад, уложил затылок на спинку удобного кресла, всматриваясь в высокий потолок и разглядывая свисающую с него хрустальную люстру. Ветер, врывавшийся в разбитое витражное окно, обдувал его вспотевшую шею и лицо. — Его я тоже поддержу, Роланду будет тяжело, и не факт, что он захочет поговорить именно с тобой.

— Я понимаю. — Заявил Алистер, так же расположившись в кресле напротив. — Ты ведь все равно рванешь в этот свой храм, стараясь обезопасить хоть малую часть артефактов? Ведь, Кроули канул в пустоту, некому положить клешни на тамошние сокровища.

— Может и некому, но хоть и убежище скрыто, всегда ли так будет? Его строили на века, но никто не думал, что оно останется пустовать, а собранные нами артефакты покроются пылью на жестяных полках, дожидаясь искателя приключений. Возьмет, да и найдет кто-то, эдак столетия через три.

— Что если остаться тут?

— В Темнолесье? — Едва сдержав смех, буркнул рыцарь. — Не знаю даже, этот край уже не кажется мне таким прекрасным, сказывается проведенное здесь время. Смысл прятаться, если тогда придется делать это вечно? Тебе по нраву всю свою жизнь оглядываться по сторонам?

— Титус, прости, конечно, но ты, кажется, забыл, о чем мы только что говорили. Для меня «вся жизнь», не самый длительный период. — Пояснил Алистер, сдерживая искреннюю, но печальную улыбку. — Пока болезнь не пригвоздила меня к постели, я могу выжить где угодно: от болот до заснеженных гор, но речь не обо мне. Да и подумай сам, не станешь ли ты оглядываться там, за горами?

— Стану. — Признался собеседник, едва оторвав затылок от кресла, он устремил взгляд через разбитый витраж, там, на тонком суку толстого дерева, сидел ворон, с интересом заглядывающий внутрь. — И там буду, и тут, но меньше. В этом сказочном лесу можно спрятаться от чего угодно: от взгляда богов или инквизиции, от городской суеты или палящего солнца и самое прекрасное, что это место — темный потаенный уголок, в самом центре нашего мира.

— Материка, а не мира.

— Алистер, но ведь за океан никто никогда не плавал. Север имеет отличный флот, но куда бы он не плыл, корабли возвращаются назад, в другое место, но назад. Так мы и Фаурен нашли, раньше все считали что он — конец мира, а это, оказывается, просто продолговатый кусок песка, обычная жаркая пустыня.

— Увы, но природа удивит нас еще не раз. — Услышав шорох в коридоре, за дверью, Алистер принялся вставать, намереваясь все же открыть этот сейф. — Ладно, священник, ты выслушал мою исповедь, а теперь поднимайся и помоги, остался последний рывок, и мы возвращаемся в лагерь.

Далеко не дружелюбная парочка инквизиторов: шкуродер и офицер, пешком шли через Темнолесье. Безымянный, как всем казалось, офицер инквизиции, наслаждался тишиной, ведь его напарник удивительно долго не раскрывал рта. Но подобная благодать внезапно закончилась: шкуродер не выдержал.

— Я хотел спросить...

— Ну, неужели, зубы не выдержали натиск пустой болтовни. — Возмутился Кристоф. — Что опять?

— Эй, если я шкуродер, а ты, офицер, значит, нам вовсе общаться нельзя?

— В меру разве что, в уставе эта истина не прописана.

— Я вот подумал, сколькими видами силы обладают маги, которых мы нещадно режем?

— Ты нещадно режешь, это твоя работа. — Поправил его офицер, не сбавляя темпа ходьбы. — Я же, ликвидирую тех, кто несет риск для себя и окружающих. Избавляю мир от порождений магии, тех, кто обладает силой, которой не должен обладать никто. Все по нашему кодексу, о котором ты ничего толком не знаешь.

— Ну, не важно. Вот, есть маги огня, сил им дает Бог Огня, якобы. Есть маги льда следовательно, они находят общий язык с Богом Льда, не сильно уж глупые имена для божеств?

— Не глупее твоего титула. Все далеко не так банально, как ты думаешь. История мира прекрасна, стоит отметить, что маги черпают силу не напрямую от богов. Когда-то, мир жил без богов, люди вели между собой ожесточенные войны. Их причиной были земли или политические раздоры. Однажды в мир, якобы пришли боги. Они поселились среди людей, повелевая и владея целыми народами, так как обладали силами, однако потом решили уйти.

— Куда?

— Кто знает, но самая распространенная теория, это то, что уйдя в другой мир, они оставили часть своих сил, некий след. Якобы создали себе свои миры. И след, который остался, можно назвать порогом между мирами. Силы приходят из иных миров, а маги получают их. Шли годы, и малая доля людей стала сильнее других. Магия, как тебе известно, это энергия, особый дар, который передается по наследству. Не видел ни одного мага, не унаследовавшего свой дар от предков. Древних магов называли первородными. Поговаривают, что они могли принимать сущность того, чем управляют. Ну, знаешь, маг огня полностью превращался в пламя, маг воздуха растворялся в ветре, и так далее.

— Но почему-то все с разными способностями. — Возмутился шкуродер. — Не успеваешь привыкнуть к летящим в тебя ледяным шипам, как уже отпрыгиваешь от булыжников.

— Каждый бог оставил след, а их было немало.

— Выходит, есть Бог Разума? Я видел одного, подчинил разум одного паренька в моем родном городе, и он напал на своих же союзников. У нас тогда была гражданская война с местными властями, как сейчас помню те жуткие картины, полегло столько молодых ребят.

— Не знаю, что меня больше удивляет: то, что в тебе есть хоть капля сострадания, или то, что ты был повстанцем? Хотелось бы знать, почему ты стал таким козлом.

— Понятия не имею. Так что насчет магов разума?

— Наверняка было божество, которое отвечает за подсознание человека. Может быть, встреченный тобой маг был способен что-то внушить жертве. Не всем же языки пламени пускать или реки замораживать. — Пожал плечами офицер, после чего осмотревшись по сторонам, решил устроить привал. Начал вынимать из рюкзака жестяные миски, небольшие мешочки с кашей и фляги с водой.

— А вот маги разума, имеют противоположную сторону, ну как огонь и лед?

— Да, этим магом являешься ты.

Шкуродер выдержал небольшую паузу, осмысливая слова офицера. С одной стороны, хотелось похвалить его за удачное сравнение, с другой было даже немного обидно, ведь он и так старается быть сейчас мягче, так как его командир стал слишком нервным в последнее время. Шкуродер еще не забыл ситуацию в коридоре барака.

— Очень смешно. — С сарказмом и легкой печалью произнес он, усевшись на противоположную сторону тропы, на холмик напротив. Сумка с оружием была точно посередине, оба смотрели на нее пристальным взглядом.

— К чему ты завел этот разговор?

— Хотел понять, какой из этих магов ты. — Холодно произнес он, уставившись на офицера. Кристофер в свою очередь почувствовал, как по спине прошел холод, а ноги на несколько мгновений онемели от страха и опасения.

— О чем ты?

Практически не дожидаясь ответа, оба дернулись к сумке с оружием, из которой выглядывал приклад мушкета. Гречневая каша устремилась в лицо шкуродеру, что не позволило ему быстро схватить оружие, рука скользнула мимо, хоть он первым добрался к сумке. Уже в следующую секунду прозвучал громкий выстрел. Стаи воронов взлетели со своих веток гигантских деревьев Темнолесья, оглашая лес своими криками. Первое, что ощутил шкуродер — запах пороха. Обычно, ему нравился этот запах, но сейчас его было слишком много, что зверски раздражало обоняние. Второе — звон в ушах, единственное, что почувствовали они оба. Третье — пронизывающую боль в животе, жгучая и резкая, сомнений не было — это сквозная рана. Кровь текла по животу и спине, на пояснице ощущалось тепло.

— Ублюдок! — Загорланил шкуродер, звон в ушах постепенно утихал — Меня зовут Кристофер.

— Так и знал, что мне не казалось! Я так и знал! Так и знал! — Повторял он.

Кристоф ошарашено отступил назад, будто совершил что-то ужасное и неправильное, однако почему тогда, он ощущал такую радость? Умиротворение постепенно сменяло страх. Даже не потому, что наконец-то он заткнул этот неиссякаемый словесный фонтан, не потому что выжил, а скорее потому, что сказал вслух, свое имя которое недавно вспомнил. Впервые произнес его не шепотом, а при ком-то, инквизитор почувствовал себя лучше, чем когда-либо. Неважно, умрет шкуродер, или нет, просто тот факт, что запретное слово —

сказано, перерождало его в нового человека, перечеркивая годы проведенные в инквизиции.

— В животе колет? — Засмеялся офицер.

— Я знал!

— Что ты мог знать, самоуверенный кусок... — Начал офицер, но обернулся назад, чтобы убедиться в том, что позади никого нет. — Да, мой дорогой друг, я маг. Знаю, что во мне есть энергия, унаследованная от предков, ублюдок. Но я не знаю какая, не знаю, кем точно были мои родители, но я убил их. Самое забавное, что я лишь потом понял, кем они были. Потом понял, что совершил, но ничего не сделал, даже не думал о том, чтобы что-то исправить. Я почувствовал это, узнал очертания, и всю свою жизнь, всю карьеру в инквизиции, строил на сомнениях и сожалении, но не думал об искуплении. И, не поверишь, даже сейчас не думаю.

— Если почувствовал я, почувствуют и остальные. — Исходил потом умирающий, он пытался отползти вверх по холму, подальше от предателя, но тот крепко держал его за ноги, продолжая свой рассказ.

— Не серчай на меня, мне попросту хочется хоть кому-то высказаться.

— Ты предатель!

— Лучше бы эти сволочи из инквизиции, убили меня еще в детстве. Жестоко брать малолетнего мага на службу, это был эксперимент? Что это было? Насмешка куратора, или его милосердие? Это нельзя назвать спасением, даже если этим руководствовался совет, это не милость — а чистейшее издевательство.

— Ты болен!

— Память, человечность, разве это болезнь? Знаешь, почему меня называли цепным псом инквизиции? Я довольно изящен в убийствах магов, это было скорее мстью моим родителям за то, что они являлись таковыми, за то, что я вынужден был их прикончить. Тяжело было смириться с этим. Не понимаю, почему я винил в произошедшем их самих, себя — но не инквизицию, ведь это она лишила меня всего самого дорогого и превратила в чудовище!

— Ты не сможешь бежать от правосудия. — Убеждал его шкуродер, офицер отпустил его ноги, тем самым позволив ему ползти в сторону. Но Кристофер даже не стал пытаться догонять раненого, он неторопливо вернулся к мушкету, начав аккуратно его заряжать. — Если ты отправишься к переходу в горах, тебя вздернут на виселице. Или подвешат за ноги, как животное, и пустят кровь.

— Я как-то выкручусь. — Ружье было заряжено, резко нацелившись на ползущего собеседника, он выстрелил из мушкета, отчего живая мишень взвыла от боли в пояснице. Ранение пришлось парой миллиметров в сторону, от первого попадания, и все также — насквозь. Кристофер не собирался убивать его сразу и начал заряжать свое оружие заново. — А вот ты, не выкрутишься, это твой конец. Ты умрешь на этом месте, или, если я позволю, на пару метров дальше, оставив за собой кровавый след. Я стал свободным человеком, не могу более держать эту энергию в себе, и знаешь? Когда я прорвусь через горы, через засаду инквизиции — заберу столько их жизней, что трудно вообразить.

— Ты умрешь!

— Я и не жил, раскрой глаза! Я первый раз поступил так, как хотел сам, а не как сказала инквизиция.

— А я впервые вижу подобное. — Заметил кто-то позади. Офицер инквизиции, ошарашено развернулся к говорящему, нацелившись тому в голову. За ним стояла целая

компания людей, которые везли за собой две повозки: на одной были деревянные ящики и бочки, на другой — раненые воин в красной железной маске и Измаил, чье лицо Кристофер хорошо помнил. — Инквизитор напал на своего же собрата. — Уточнил Алистер, держась за свою искалеченную грудь. — Не целься, если не собираешься стрелять.

— Уверен, что не собираюсь?

— Уверен, вдруг ты не знал, однозарядное ружье после выстрела необходимо еще раз перезарядить, что ты явно не успеешь сделать. Я — Алистер, а позади меня целый отряд легионеров, на которых ты охотишься и один офицер рыцарского ордена, который также преступил закон — не в твоих интересах угрожать мне.

— Мое имя Кристофер. — С гордостью представился офицер.

— Значит, ты не инквизитор — у них нет имен, кто ты?

— Повторюсь. Я самый настоящий офицер инквизиции, чихать я хотел на глупое правило единого имени и ваши символы на шеях, по кошельку монет за каждую, можете срезать их и затолкать себе в зад, я более не охотник!

— Тут, ты либо охотник, либо жертва.

— Алистер, верно?

— Верно.

— На приказы и законы я тоже плевать хотел, Алистер. — Оглянувшись на шкуродера, Кристофер огорчился: он истек кровью, но сумел проползти еще несколько метров. — Жалко, ублюдок не мучился так долго, как я этого хотел. Хотите меня убить — пожалуйста, но я умру свободным человеком, с именем и честью.

— На кой черт нужно? — Удивился Алистер.

— Но ведь я инквизитор!

— Судя по всему, ты уволился. И слушай, я уверен, что у тебя захватывающая история о том, как ты предал своих братьев, да и имя мне твое что-то говорит, если сложить это воедино с инквизицией, но пожалуй мы пойдем своей дорогой. Расскажешь свою слезливую историю в следующий раз, если тебя не расстреляют за измену прежним идеалам.

— Что? Прежним идеалам? Противоречить не стану, я жил по уставу, но теперь прозрел.

— Бывает. — Холодно бросил Алистер, собираясь дать остальным команду двигаться.

— Эй, путник. — Кристофер поправил свои длинные каштановые волосы. — Там, в горах вас ждет только смерть. Инквизиция перекрыла переход, множество офицеров и солдат дожидается там наплыва магов. Границы Темнолесья охраняются солдатами. Ударные отряды прочесывают все окраины крупных селений. Больше некуда бежать.

— Чего ты просто не пройдешь среди своих братьев? — Поинтересовался Титус, подойдя ближе.

— Я свой среди чужих, как в окружении инквизиции, так и в окружении магов. Внутренний слой моего костюма, более не может скрывать магию внутри меня. Это почувствовал даже шкуродер, а мы даем им самое худшее снаряжение.

— Алистер. — Заметил одноногий линчеватель. — Если хода нет ни через горы, ни через кордон, то мы в ловушке. Нас перебьют сразу, как мы ступим на подножье перевала. Нам не навязать инквизиторам бой на своих условиях. Я истощен и окончательно потерял веру во всю эту затею. Может нам вернуться в поместье Профессора и укрепить его? Пустить корни на несколько месяцев, пока шумиха не осядет?

— У меня есть идея лучше. — Пожал плечами Алистер. — Кристофер, верно? Ты гото

бросить вызов инквизиции, объединившись с бывшим врагом? Есть разговор, который, возможно, заинтересует тебя.

— Зависит от того, что ты мне предложишь.

— Насколько хорошо ты стреляешь?

— Самый меткий стрелок, которого ты найдешь. — Ответил Кристоф, гордо подняв подбородок. Откуда-то из повозки с ранеными послышался смешок Роланда, а Алистер с улыбкой поправил луки колчан, висевшие на спине. — Считанными минутами ранее, как ты мог заметить, я лишился всего, во что искренне верил, ради чего вообще носил эту форму. Что ты предлагаешь?

— Есть место, в горах, безопасное для нас, хоть и под носом у твоих соратников. Сдай свое оружие и можешь пойти с нами. Там мы сможем перегруппироваться, придумать что-то стоящее. Нам не хватает людей, у тебя нет шансов выжить здесь в одиночку. Если ты и маг, и инквизитор в одном лице — с тебя выйдет толк. Вас же учили такому понятию, как взаимовыручка?

— Отлично! — Выкрикнул из повозки Роланд. — На меня зуб точил за то, что я пригласил рыцаря путешествовать с нами, а сам волочишь за собой инквизитора!?

— Что если вы попадетесь на глаза инквизиции? — Озадаченно переспросил бывший офицер.

— Лучше спроси, что будет с ними, если они попадутся на глаза нам.

— Интересно. — Кристофер оглянулся на шкуродера и вдохнул витающий в воздухе аромат пороха.

— Слушай, медноголовый, нам бы поскорее свалить отсюда. Если понравилось убивать прежних соратников, прыгай в повозку, уговаривать не станем.

— Я с вами. — Бросил Кристофер.

Измаил очнулся в палаточном лагере, все суетились и носили какие-то ящики, а свет в крошечной тьме шел лишь от костра. В Темнолесье все завораживало и одновременно угнетало: ночью не видно неба, не видно вообще ничего. В этом была своя романтика, однако создавалось ощущение, что ты находишься вне реальности. На костре с треском вертелся кабан, насаженный на самодельный вертел, готовкой занимался Роланд, который казался бледным, но уже достаточно окреп, чтоб суметь справиться с дрожью и слабостью в руках. Затем, Измаил перевел взгляд в другую сторону — его брат Алистер, прямо рядом с ним.

— Брат.

— Не называй меня братом, ты утратил это право, когда оставил меня одного. Надо было сразу пустить стрелу тебе в грудь, но я не мог отказать себе в удовольствии послушать твои лживые оправдания, спросить про отца и высказать все, что думаю о вас обоих.

— Де-Ветт не может быть беспомощным, даже ребенком ты выжил в этих местах. Ты словно котенок, который уже спустя месяц от рождения способен выпускать когти. Презирай меня, но когда узнаешь всю правду обо мне, себе и отце, возненавидишь еще больше. Обещай, что выслушаешь все, что я скажу, и лишь потом убьешь.

— Я жил сиротой, слушая байки о том, что мой отец якобы глава гильдии убийц, что может быть хуже? Другие дети шарахались от меня, я слушал их насмешки, они говорили, что отец не хотел меня воспитывать и поэтому — бросил. А тот парень, который жарит нам ужин — единственный кто не входил в их число.

— Про отца были не совсем байки. Лишь догадки, которые, скорее, оказались горькой правдой. За это его изгнали, но будь у королевской гвардии больше доказательств, его бы казнили на месте. Отец отправился в Везерлех, якобы найдя убийц нашей матери, тех самых рыцарей. Ты вряд ли помнишь этот момент, но он верил в то, что это были они.

— Даже если так, куда подевался ты? Ты оставил меня одного через некоторое время.

— Хотел пойти по его стопам, обучиться всему, но он приказал мне оберегать тебя и поместье от всего, что может нести угрозу. — Тяжело вздохнул Измаил, взглянув на места, где еще вчера торчали стрелы — теперь там были аккуратные швы. — Ты меня зашивал?

— Роланд, у него в этом больше опыта, видел бы ты, сколько у него шрамов. Все зашивал сам, так как мне совсем не нравится возиться в его крови.

— Тот седой рыцарь, я должен был его убить, кто бы мог подумать, что ты станешь его телохранителем.

— Продолжай. — Потребовал Алистер, склонившись еще ниже. — Почему вы не вернулись за мной?

— Отец исчез, он не справился, а его друзья принялись меня обучать. Говорил, что что-то нужно достать для тебя и исчез. Уже в подростковом возрасте я участвовал в заказах. Для начала, прикрывал своих, а потом стал исполнителем. Однажды к нам обратились со странным поручением. Устроить засаду на Серый Легион, и наша гильдия приняла заказ. — С явной душевной болью пояснил Измаил, крепко закрыв глаза, рассчитывая, что вот-вот в его тело вонзится острие ножа. — Я справился с этим, но не выполнил обещание, данное отцу, подвел и его, и тебя.

— Ты... — Вздохнул Алистер, делая над собой усилие, чтобы выдержать до конца рассказа, хоть рука уже потянулась к ножу. — Ты встал на противоположную сторону, ты не только бросил меня, но и поднял оружие на своего брата и его соратников.

— Мы сражались без потерь. Эффект неожиданности, погодные условия — все было на нашей стороне. Появилась уверенность в бессилии Легиона даже у тех, кто изначально не верил в эту затею. Нас было не так много, но наемники Острогорья оказали неоценимую помощь. И в пылу сражения я встретился лицом к лицу с одним легионером. Я всадил ему две стрелы в сердце, и лишь потом, когда с него слетела маска, узнал в нем тебя. — Не сдержавшись в веках, слезы Измаила побежали по щекам, скатываясь на меховую подстилку под ним.

— Хватит разводить нюни! Что за день сегодня выдался? Тогда я был на пути в загробный мир, как и сейчас! Но я не хнычу о своей тяжелой судьбе. Не помню, чтоб отец воспитывал нас, как дочерей, так что собери волю в кулак и продолжи.

— Прости меня.

— Кто сделал заказ? — Холодно процедил Алистер.

— На сургуче была королевская печать, это был явно не король, ведь в заказе было имя его любимого сына, кажется, это был младший принц. Никто иной не мог заплатить так много. Единственная улика, само письмо, было сожжено, как того требовал договор.

— Брат на брата, ирония, верно?

— Я сделал то, о чем мечтал каждый день после твоей, как мне казалось, гибели. Хотел вымолить у тебя прощение, попробовать сказать тебе о том, как сильно я сожалею. Теперь можешь пустить в ход нож из рукава, я знаю, что он у тебя есть, ты ведь Де-Ветт. Все мы делаем ошибки, а за них приходится расплачиваться, так что это было бы справедливо с твоей стороны.

— Пустые слова, а этот нож. — Алистер потрусил ним перед лицом брата. — Для свежевания, а не для братоубийства. Я не убью тебя, тем более за то, что сделал бы и сам. Мы прирожденные убийцы — грех этим не зарабатывать. Если у кого-то ковать мечи и латы получается лучше, чем дышать, ясное дело, он пойдет в кузнецы. Твой грех в том, что ты оставил меня. Но если хочешь заслужить прощение, тебе придется кое-что сделать для меня, стать моим оружием в нелегком пути.

— Я стану твоим оружием, брат.

— Станешь, не сомневайся. — Алистер повертев в руке нож для свежевания, спрятал его за пояс. — Ты скептически отзываешься о гильдии убийц, однако заявляешь, что был среди наемников, не кажется ли тебе, что ты противоречишь самому себе.

— Это была не та гильдия убийц, в связи с которой обвинили отца, а просто горстка людей, способных искусно убивать. Отец не был чист на руку, но к легендарному составу гильдии, которой наверняка нет, отношения не имел. Слухи о ней, наверняка пустило правительство, дабы оправдать свои неудачи.

— Мол, это работала гильдия профессионалов, поэтому жертв было не избежать, и мы не виноваты?

— Разумеется. — Измаил тяжело вздохнул. — Не исключено, что они сами убивали людей, перешедших им дорогу, а когда появились вопросы о том, почему убийцы всегда знают о подноготной высокопоставленных чиновников, решили спихнуть всю вину на нашего отца, так как он занимал высокое место в совете.

— И заодно избавились еще от одного человека, который мешал?

— Да, но это лично моя теория.

Вот уже несколько часов, Кристофер смотрел на пламя костра, а на коленях лежала миска с куском жареного мяса. К нему он так и не притронулся, из-за недоверия к людям, которые так просто его приняли, позвали, дали еду и воду. К такому отношению, ни один инквизитор не был готов. Когда к нему подсел Титус, бывший офицер инквизиции попятился в сторону, с опасением осматривая седого гостя.

— Нервничаешь?

— Может. — Пожал плечами Кристофер. — Они забрали мое оружие и не сводят с меня глаз.

— Чего ты ожидал от подобного союза? Никто не уснет, зная, что в лагере инквизитор, который может воспользоваться случаем и убить всех во сне. Если ты истинно не враг нам, то находишься в полной безопасности и волноваться не о чем. — Пояснил рыцарь, с улыбкой взглянув на длинноволосого инквизитора, который все же решил поесть, и принялся пробовать пищу. — Так что не удивляйся, что линчеватели косо смотрят в твою сторону, возможно, они боятся тебя сильнее, чем ты их. Давай просто побеседуем, ты маг?

— Верно, маг-инквизитор, такая вот белая ворона. Бельмо на глазу, которое не собирается сходить. Я выбираю жизнь, хоть и был до этого в бегах от самого себя — так и жил все это время. Столько сомнений, столько жертв, зачастую невинные люди погибали от моей руки.

— У всех свои демоны. В нашем лагере непростые люди: каждый из них хранит страшнейшую из тайн, о которой не хочется даже вспоминать. Ты чувствуешь себя не, таким как все, я прекрасно знаю как это. Знаю, как жить среди тех, кто отличается от тебя.

— Ты ведь про энергию, которая исходит от тебя? — Спросил инквизитор, глядя, как на лбу рыцаря выступил пот. — Я ведь все еще в костюме, не забывай, всякие датчики, я

чувствую тебя настоящего. Но ты не маг, просто в тебе есть что-то не от мира сего.

— Это должно оставаться в секрете, надеюсь, ты понимаешь это.

— Понимаю, как ты сказал, у всех есть страшная тайна.

— На другом конце лагеря сидят два брата. Один думал, что убил другого семь лет тому назад, а другой думал, что старший бросил его еще в раннем детстве. Это тебе как яркий пример того, что твои поступки в прошлом могут быть перекрыты будущими делами.

— Я даже не знаю, кто я? Знаю только свое имя, мало что помню из своего детства. Кроме того, что был не в своей тарелке, жил по уставу, ничего толком не знал. Но спроси меня, как вычислить мага, вселить страх в простой народ — и я отвечу тебе. Перескажу полный курс по доктрине террора, теории пропаганды, начерчу схему парового двигателя, а спроси что другое — не отвечу. Да так подробно обо всем знаю, что можно записывать с моих слов, я продиктую копию кодекса инквизиции и сумею воспитать целое поколение себе подобных.

— Каждый должен самостоятельно понять, кто он есть на самом деле. Я не скажу, что полностью доверяю тебе, но верю в то, что ты неплохой человек. — Титус начал выискивать взглядом Алистера, но его нигде не было, как впрочем и спасенного им линчевателя, отныне носящего шутовское имя Одноногий.

— Что этот ваш Алистер задумал, ведь мы продолжаем идти к горам, к засаде инквизиции? О каком таком месте, безопасном для всех нас он говорил? Сесть на колени к инквизиции — не самая блестящая идея, хотя другие отзываются о нем, как о стратеге.

— Туда мы и направляемся, в безопасное место.

— Как нам поможет этот план? Мы же сами идем в ловушку, а подобное принято называть суицидом.

— Алистер — самый скользкий человек, которого мне только доводилось встречать, понятия не имею, что за аферы он вечно крутит, но разведчик не вел бы своих людей к верной гибели. Что-то созрело у него в голове, какой-то умысел, отчего даже мне не по себе.

— Ты доверяешь ему, но я не замечаю, что ты полностью уверен в нем.

— Мой орден должен искать артефакты, прятать их от людей...

— Ты из Везерлеха? — Перебил его Кристофер. — Орден Пламени?

— Верно, не знал, что вам об этом рассказывают.

— В бараках, мы нередко шутили о вашем ордене. — Улыбнулся инквизитор. Но никакой открытой неприязни мы к вам не испытываем. — Шутки породила похожесть наших профессий: только вы ищете то, что порождает магия, а мы, то, что порождает ее. Например, что будет, если маг сходит на горшок?

— Что? — Поинтересовался Титус, стараясь сдержать улыбку.

— Придет бронзовый человечек, заберет горшок и спрячет в хранилище.

— Ну. Вообще-то, как-то так и происходит. — Засмеялся рыцарь, не бросая своего второго занятия и краем глаза выискивая таинственного Алистера. — Шутки про инквизицию тоже много, не сомневайся. Алистер как-то рассказывал, но чаще он шутит про рыцарей, даже представить не могу, чем они ему насолили. Нередко говорил о наших умственных способностях... разное. Сравнивал нас с мертвыми животными, которые умерли, из-за того что подавились хлебом, а причиной такого печального итога была их тупость.

— Так что ты рассказывал про Орден?

— Точно, я расстроен из-за того, что буквально из-под носа у меня выскользнул один артефакт. Сегодня я добыл его, но теперь я знаю о нем больше. Порождение магии Тени,

занятная вещица. Алистер провернул какую-то авантюру, смысла которой я либо не понял, либо все действительно куда масштабней, чем, кажется.

— Алистер — темная лошадка?

— Еще какая. — Вмешался Роланд, зайдя со спины, чем изрядно напугал Титуса и Кристофа.

— Роланд? — Поинтересовался инквизитор, на что воин согласно кивнул и, словно ребенок, принялся рассматривать его снаряжение, подергивая за ремешки батареи, медную толстую проволоку, идущую вдоль рук и оттягивая воротник. — Нравится? Можешь взять себе, ведь мне этой формы больше не носить.

— Мило, но на мою грудь мышц, подобное не налезет, вам, соломинкам, проще.

— Я все равно собирался избавиться от этой формы.

— Не стоит. — Заметил Роланд, присаживаясь рядом и протягивая им початую бутылку вина. — Твоя форма еще пригодится, у Алистера могут быть на нее какие-то планы. И даже если нет, то мы можем раскрасить ее, как-то угрожающе, украсить шлем коваными узорами, добавить какой-то череп, усилить броню, чтобы ты выглядел подобающе среди нашей команды невероятных героев.

— Вы все так себя называете, или ты единолично окрестил вашу экспедицию?

— Пожалуй, я ее переименую. — Согласился воин, игнорируя смех рыцаря. — А может, и рога на твой шлем приварим, будешь как истинный северянин. Я еще подумаю, может, вообще крылья тебе смастерим, как у летучей мыши. Выпей лучше вина, у этого Профессора целый подвал был им забит, часть я в лесу припрятал, на будущее.

— Что у него за планы?

— Пока не знаю, он толком и не говорил. Я просто предложил убить тебя, а он сказал, что вместе у нас больше шансов выжить. Едва узнаю своего друга, он очень изменился. Потом я сказал, что один человек не противник для целой армии, а он ответил что-то наподобие этого: “Он имел смелость пойти против своей природы, что мешает ему пойти против целой армии?”. В общем, Алистер парень умный, даже слишком, иногда хочется выбить часть этого ума чем-то тяжелым.

— Не сказал бы, что там нас ждет армия.

— Тем лучше. — Заметил Титус. — Будет больше шансов покинуть Темнолесье.

— Не скажи, мой дорогой друг. — Возрадовался Роланд, чем просто заставил Титуса отпить вина и крепко задуматься. — Он и не собирается пока пересекать границу. Мы останемся тут на время этого шествия инквизиции через Темнолесье, а как именно перейдем потом, я так и не понял, но черт, ты ведь знаешь Алистера — что-то придумает.

— Что это значит? — Возмутился Титус. Вскочив, он отправился искать Алистера.

Кристоф взял уже ничейную бутылку вина и отпил из нее — это был первый глоток вина за всю его жизнь. Ведь крепкие напитки были запрещены всему инквизиторскому составу, включая офицеров. Это была еще одна причина восстать против куратора и его глупых правил.

— Невероятно вкусный напиток.

— Ты никогда вина не пробовал? — Удивился воин, подсев ближе и уставившись на него, словно увидел действительно странную картину. — Только не говори, что было не положено по уставу?

— Не положено.

— А отношения с женщиной?

— Никогда.

— С мужчиной? — Перепугался Роланд.

— Никогда.

— Слава богам. — Сплюнул воин. — То есть, ты всю жизнь игрался сам с собой?

— Не понимаю, о чем ты.

— Боги, пролети рядом дракон, я удивлюсь ему меньше чем этому бреду. Впервые вижу человека, который так напрасно живет. — Отпив из стальной фляги, которая была припрятана в кожаной броне, воин поинтересовался. — Титус слышал о том, что мы не собираемся пересекать границу и был огорчен, но не ты.

— Мне нечего терять, у меня нет семьи, дома, цели — идти некуда. Все что сейчас меня окружает — полная импровизация: меняются декорации, имена, лица, все что-то хотят, скрывают и о чем-то сожалеют. Это точно не мой мир — мой мир рухнул. Даже толком не осознаю, где нахожусь, зачем, и почему. Чего ожидать от завтрашнего дня, если до этого не знал чем жил вчера?

— Понимаю, у меня тоже нет дома и семьи. Ну, в какой-то мере, Алистер и Титус моя семья, я хоть с рыцарем я не так давно знаком, но сочту за честь сражаться с ним плечом к плечу. Только вот чувствую себя немного дискомфортно из-за этого убийцы, он пришел и назвался его братом, они говорили о чем-то весь вечер. А вот на меня, лучшего друга, времени нет.

— Ты же видишь, что я не особо понимаю, о чем ты? — Спросил инквизитор, на что получил ответ в виде улыбки и дружеского хлопка по плечу. — Алистер, мой старый друг, все годы, что я его знал жаловался на невозможность придушить своих брата и отца.

— Придушить?

— Я смягчил его слова, просто, если я буду говорить так, как обычно говорит он, у тебя завянут уши, и хоть, инквизиторы, искусны в пытках, тебе все равно эти его планы, показались бы чересчур жестокими и бесчеловечными. Они якобы бросили его еще давно, и он не говорил об этом так подробно, как хотелось бы.

— И сейчас они просто разговаривали? — Удивился Кристофер.

— Верно, так вот просто, без криков, спокойно. Не знаю, почему это так выводит меня из себя?

— Просто теперь ты получаешь минимум внимания. Не хотелось бы вспоминать об этом, однако еще лет пять тому назад, я старался как можно лучше выслужиться перед куратором. Делал все, что было необходимо инквизиции, задания выполнял как по учебнику, без погрешностей, все было настолько хорошо, что мне даже не поручали бумажную работу. Мол, ты настолько хорош, что лучше делай самое интересное.

— Постой-постой. — Остановил его воин. — Куратор, это что-то вроде наставника?

— Да, это наставник, однако, всей инквизиции разом. Королевствами правят короли, империей владеет император, а вот инквизицией руководит куратор, не шибко мудро, верно?

— И вы все свои операции записываете?

— Да, абсолютно все, описываем все в деталях, как и кого, что и куда, с кем пришлось говорить, как добывали информацию, где все же нашли цель и как ее обезвредили. Всего понемногу, от такого зависело и наше жалование, и продвижение по карьерной лестнице.

— В нашем с Алистером случае, жалование зависело от финансового положения жертвы грабежа.

— Не мне судить вас, на моей душе больше грехов.

— Стал ярим противником старых идеалов? — Засмеялся Роланд, его несколько забавляло, когда кто-то убежденный в чем-то, отступал от этого, резко, словно вырывая зуб. — Если честно, идейности вам было не занимать, фанатики, никак иначе вас не назовешь.

— Мне кажется, Роланд, я уже вышел из их числа и когда наконец-то разберусь в себе, смогу здраво продумать планы. Возродить бы в себе того человека, кем я мог бы вырасти в нормальных условиях, стереть все воспоминания, найти себе домик, чтобы жить там беззаветно — вот и все.

— Избавиться от воспоминаний тебе поможет выпивка.

— Сомневаюсь. — Признался инквизитор, но не смог побороть себя и выпил еще. Винс отдавало горечью, но словно могло заполнить пустоту внутри, словно прошлое воплотилось в живое существо, и тонуло в бутылке.

— А ты не сомневайся, я начал пить с тех пор, когда впервые убил. И знаешь, я убил ради своего друга Алистера, мы были еще подростками. В отличие от него, я ходил в школу, как и все нормальные дети и рассказывал другу обо всем, что там изучали. В отличие от него, я не старался избегать конфликтов, а очень любил их, но он все равно в них попадал. Тогда он еще не научился решать спор при помощи своего острого языка. Так было и тогда, в тот день. Я возвращался из школы, и обратил внимание на знакомых парней, у нас был общий учитель и я знал, что не было в тот день на занятиях. Я не мог не вмешаться в происходящее: они избивали моего друга.

— Но ты за него вступился.

— Верно, я толкнул одного из мальчиков, и он упал с небольшого холма. Его живот пробила ветка, которая торчала из кустов и почему-то оказалась настолько острой. Никто тогда и словом не обмолвился, все боялись, что я убью их, если они проговорятся, а Алистер еще больше запугал их, в случае чего, угрожая сказать, что это они его толкнули.

— И вам бы поверили? — Засомневался Кристофер.

— Да, они бы поверили, Кристоф, ведь всем было известно, что еще неделю назад, эта компания не ладил с погибшим, они задирали его, но потом он начал носить им сладости. Шоколад, который делают где-то в Везерлехе. В итоге родители того мальчика, думали, что он просто упал, пока гулял один, а предположений, почему так могло случиться — уйма. Он мог собирать грибы, просто гулять или подсмотреть идти к купальням, чтобы подсматривать за девушками. Они его очень интересовали. Алистер меня успокоил, сказав, что бояться нечего, что это не моя вина. А сам начал держать в страхе всех наших сверстников, заставляя их платить, снабжать его информацией о том, кто какими ценностями владеет, и тому подобное. Мы выросли вместе и вместе становились ближе к скользкой преступной тропе.

— Ты доверился вору, которому спас жизнь?

— Он спасал мою куда чаще, поверь.

Глава 7. Соколиное гнездо

Осень 1670 года, Темнолесье, Безымянный Город.

"...Это место — луч света в вечной ночи, оно словно парит над мрачными лесами. Забавно, но, несмотря на то, что для строительства была выбрана высочайшая точка, в темной низине, о поместье даже не знают..." — Из путеводителя по северу, раздел о Темнолесье, описание поместья Соколиное гнездо.

Темнолесье не могло похвастаться большим количеством городов, это понятно — мало кто захочет здесь жить, а те, у кого выбора все же не было, сбивались в небольшие общины, которым не спешили выдумывать громкие названия. Один из таких городов был почти на стыке леса и гор, через которые, по версии инквизиции, должны были спасаться беглецы. Городок не имел названия, но хорошо запоминался теми, кто в нем бывал, и рассказы о нем начинались с фразы “когда я был в Безымянном городке”. Он был выстроен в виде островков, соединенных подвесными мостами. Каждый островок лежал на разной высоте, отчего город издали напоминал ступени. Наверх вела извилистая узкая тропа, которая виляла от одного кусочка города к другому и, выходя за его пределы, устремлялась еще выше — к переходу в Везерлех.

Взору путника открывались разномастные строения: деревянно-каменные или деревянные, в основном — одноэтажные, с неаккуратными черепичными крышами. Почти каждое здание окружали толстые балки, поддерживающие стены, поскольку их здесь строили без фундамента. Иногда на крышах раскладывали шкуры, ягоды или растения, чтобы они прогревались и подсушивались под солнечными лучами. Да, свет солнца достигал этой части Темнолесья, чем могли похвастаться не все местные селения. Дома здесь строили без подвалов. Жители боялись, что скала расколется, отчего часть населения просто отправится к праотцам. Никто не знал наверняка, возможно ли это, но люди не решались рисковать, да и само сооружение подвала в скальной породе — занятие не из легких.

— Удивительно! — Поспешил заявить Титус, оглядываясь по сторонам. Дневное солнце слепило его глаза, уже привыкшие к вечному мраку. Он посмотрел вниз и увидел целое море листвы — бескрайнее, но выглядевшее так привычно, что даже не верилось, что внизу настоящая бездна. К нему, прихрамывая, подошел Роланд, который почему-то пребывал в хорошем расположении духа.

— Вовсе нет, мой друг. — Сжав крепкой рукой плечо рыцаря, воин внезапно ощутил прилив энергии. Их путь близился к завершению, и это взбодрило Роланда. — Там, в горах, путь на свободу. Везерлех! Страна замков, рыцарей и вечного лета, там на плодородных полях золотятся колосья пшеницы, а пастухи следят за огромными стадами. Почему же ты не радуешься этому?

— Инквизиция не даст нам просто выйти отсюда, мы в ловушке.

— Я думал, ты готов покинуть это место, даже вперед ногами, лежа на щите. — Удивился воин, позади рыцаря стали проходить линчеватели, с тоской посматривая высоко в горы. Они тоже понимали, что путь отсюда будет очень не прост. — Эй, Титус, выше нос! Мир прекрасен! Твоего брата съели людоеды, ты дал жару Профессору, а Алистер, за всю дорогу не буркнул в твой адрес ни слова.

— У селения нет названия? — Подкрался Кристофер, проходящие мимо люди посматривали на него с интересом, но не удивлялись присутствию инквизитора.

— Оно не нуждается в названии, сюда заходит немного путешественников. — Роланд осмотрел толпу, это были в основном молодые люди, стариков нигде не было видно. — Забавно видеть, что здесь не удивлены появлению инквизитора, тебя нужно куда-нибудь спрятать. — Закончив, воин хлопнул в ладоши, а Титус перевел взгляд на Алистера, который неподвижно стоял неподалеку, слегка пошатываясь и устремив свой взгляд вверх.

— Что он высматривает? — Роланд взглянул на своего друга, и безмолвно отвечая на вопрос рыцаря, указал рукой на скалы, где находился небольшой сосновый лес. С большого расстояния едва различалась темная крыша, выглядывающая из-за деревьев.

— Поместье, принадлежавшее его семье, Соколиное гнездо. Вон там, в тех соснах, видишь?

— Почему он не живет в поместье?

— Когда Алистер остался один, пришли люди и отобрали то, что по праву принадлежало потомку рода Де-Ветт. — Вздохнул Роланд, больше не прикрывая рану рукой — из-за подъема в гору она начала кровоточить, а аккуратный шов разошелся. — Некое объединение, то ли гильдия, то ли орден, в общем, не разберешь без бутылки вина. Может, даже наемники — Алистер никогда особо не хотел об этом говорить. Выселить подростка из пустого дома не составило никакого труда — всю прислугу вырезали, а он бежал.

— Он лишился своего дома, но не жизни, ему повезло. — Размышлял рыцарь, Роланд хотел спросить его еще что-то, но его перебил бесшумно подкравшийся Алистер, указывающий пальцем на трактир. Это было длинное здание, где путник мог остановиться на ночлег. Безымянный трактир в Безымянном городе, полнейшая гармония.

— Вы, трое, туда. — Буркнул разведчик. — Не стоит инквизитору светиться на улицах, жители не знают что он у нас ручной и не несет им угрозы. Они могут не так понять и решат убрать его.

— Алистер, я здесь стою и все слышу. — Возмутился Кристофер, поправив ремешок от ружья.

— Ой, ну прости. — С сарказмом промолвил Алистер. — Будь благодарен за то, что мы взяли тебя с собой, иначе бы сам со всем разобрался. — Договорив, разведчик ушел, даже не удосужившись сказать что-то еще, а инквизитор с гримасой обиды на лице повернулся к седому рыцарю.

— Он всегда такая сволочь?

— Привыкнешь.

Дэнтон Стоун, рыцарь-дракон Везерлеха, поправив пояс, осмотрел Безымянный городок. С каждым днем он все больше удивлялся тому, что раньше слышал о Темнолесье, ведь вроде бы, место приличное.

— Узнаешь того рыцаря — укажешь пальцем. — Скомандовал Дэнтон.

— Да, но ты ведь понимаешь, что он хороший человек?

— Да, но ты ведь понимаешь, что у меня приказ?

— Ты всю жизнь не расстаешься с мыслью, что мир окрашен только в те тона, которые есть на флаге твоей страны?

— Не все время, когда нет заданий, я ловлю себя на том, что люблю Гаарден за его литературу.

— Да ты бунтарь. — Заметила Майя.

— Я понимаю, как выгляжу со стороны, но я не плохой человек, даже убийцей себя не назову. Хотя, я ведь охотник на рыцарей. Нет, все равно не назову. Скажем так, я специалист

по их устранению, и пусть я всего лишь выполняю приказ, но делаю мир чище.

— Убивая порядочного человека?

— Послушай, Майя. — Полушепотом сказал он, наклонившись к ней поближе, дабы прохожие не слышали даже слова. — Те лесорубы сами себе не перерезали, смекаешь? Да и ты согласилась с условиями. Давай снимем комнату на ночь, они наверняка тоже останутся в трактире.

Обстановка слегка настораживала Титуса. Всем троим пришлось заселиться в одну двухместную комнату, так как все остальные были заняты. В одной из комнат, по словам трактирщика, жили два молодых парня, явно нездешние. Во второй — какой-то рыцарь и его спутница. А оставшаяся дюжина — была заселена магами и, возможно, легионерами.

Двухместная комната представляла собой помещение без окон с деревянными стенами, деревянным полом и очень высоким потолком. Кровати, на удивление, оказались удобными, как для такой гостиницы, и это очень обрадовало Титуса. Хорошее, хоть и дороговатое вино удивило его соседа-воина. Инквизитор просто сидел на кровати и старался ослабить нагрудный ремень батареи, которая постоянно гудела из-за близости его магической сущности и непрерывно подзаряжалась его энергией. В комнату заскочил Алистер и, бросив свои вещи, принялся снаряжаться.

— Пора. — Бросил Алистер, натягивая второй сапог и прыгая на одной ноге к выходу из комнаты.

— Ты едва дождался вечера, верно?

— Роланд, будь вежлив и угости вином наших ручных рыцаря и инквизитора, не жалея монет и не пей один. — Произнес разведчик и, не успев договорить, скрылся за дверью, громко хлопнув ею на прощание.

— Он дело говорит. — Согласился Роланд, протянув начатую бутылку вина рыцарю. Титус сидел на кровати, застеленной меховым одеялом и устало глядел на свой грязный кафтан, лежащий у изголовья.

— Прости, но я не пью.

— Это ты прости, ведь я не принимаю отказа. — Пожал плечами Роланд, а рыцарь, потеряв шею, еще пару секунд всматривался в бутылку до того как взять ее. — Я тебе не подержать ее дал, пей же!

— Я не пил вина целую вечность. — Все же решившись, Титус сделал маленький глоток. Поймав презрительный взгляд Роланда — понял, что выпил мало. Сдавшись, он снова припал губами к бутылке.

— Так-то!

— Слишком сладкое. — Заметил Титус и, поморщившись, вернул бутылку ее хозяину. — Извини, что настаивал на этом пути, если бы не моя спешка, вы бы не рисковали жизнью ради меня. Я даже не знаю, что нас ждет дальше.

— Не думай об этом. — Засмеялся Роланд, отпив вина и передав бутылку инквизитору, он продолжил. — Я — воин, это мое ремесло, предназначение. И такие, как я, не особо думают о том, где будут завтра, и тебе не стоит. Если бы не ты, наши с Алистером кости украсили бы место перехода через границу.

— Алистер ведь так не считает?

— Нет, но и он не держит на тебя зла. Он превосходный убийца, рожденный с этим талантом. Как бы он не оправдывался, ему это нравится. От себя никуда не уйти. Порой мне кажется, что он скрывает лицо платком и капюшоном не для того, чтобы остаться

неузнанным, а для того, чтобы я не видел его улыбки во время убийства.

— С чего ты взял, что он любит убивать? — Поинтересовался Титус, невзначай отобрав бутылку вина, чтобы вновь припасть губами к сладкому напитку.

— Видел бы ты его глаза. — Роланд поискал в сумке новую бутылку. — Его черные очи блестят, всматриваются в глаза жертвы, если ситуация позволяет. Был даже случай, когда нас пыталась обворовать девушка, которая примкнула к нам в странствиях, она мне даже понравилась. Но на вторую ночь, пока, как она думала, все спали, эта воровка попыталась ускользнуть с нашей сумкой. Видимо, не учла, что мы, как люди пережившие ад, не засыпаем настолько быстро. Как правило, мы не погружаемся в сон долгими часами, стараясь выкинуть из головы все те кошмары, которые преследуют нас постоянно.

— Весело. — Заметил инквизитор. — Но знакомо.

— Алистер тогда сорвался с места, словно гончий пес, бросился к ней, как кошка, впившись клинком ей в лопатку. — Описывал воин, активно жестикулируя, словно показывая спектакль. — Вот так он ей всадил нож, по самую рукоять. Но не убил, словно специально, хотел ее проучить. У нее были прекрасные зубки, белоснежные, но он швырнул ее лицом на камень, после чего нанес последний удар пяткой по затылку. Вот так, прямо сюда, — Показал воин. — Считаю, что убивать было не обязательно, ей ведь лет семнадцать было, сочная девица, но почему-то и слова поперек ему не сказал.

— А ты? При первой встрече ты был в этой красной маске. — Инквизитор показал пальцем на красную железную маску Роланда, лежащую рядом с сумкой. — Зачем ты носишь ее в бою? Алистер что-то говорил, про это...

— Боюсь.

— Боишься? — Не расслышал Кристофер.

— Боюсь. Боюсь своих жертв на той стороне. — Роланд хотел открыть бутылку вина, но замер. — Я верю в то, что когда я погибну в бою, меня ждет место, достойное воина. Но что если там, будут ждать они?

— Жертвы?

— Да, и тогда жертвой стану я.

— Ты знаешь? — Прошептал Титус, после небольшой паузы, глядя, как собеседник отпивает из новой бутылки. Похоже, прошлую воин подарил ему. — Алистер рассказывал что-то подобное. Хотя мой орден тесно связан с религией, и я часто досиживаю до конца проповедей — веры во мне нет. Есть долг — и это самое главное. Некое искупление прошлого греха, нужное скорее, для меня самого, чем для того, чтобы после смерти моя душа ушла к свету.

— Ну, у тебя еще есть все шансы искупить вину.

— Не думаю, что смогу исправить все, что я совершил ранее. Это настоящий тупик. — Фыркнув, Титус потянулся к бутылке, пока Роланд, встав со своей постели рылся в сумке. Рыцарь даже хотел ему что-то поведать, но где-то на улице раздался выстрел. Гости городка насторожились, криков не было, будто стрельба здесь — обычное дело. Жаль, что в их комнате нет окон. Поэтому спутники поспешили через коридор, чтобы выйти на улицу. Роланд выскочил из двери, в темноте блеснул его меч. Следом из-за его спины появился молодой, но седой парень в тонких кожаных штанах, босыми ногами переступая разбитую бутылку из-под вина.

Картина была вполне привычна для здешних мест: трое молодых парней курили, сидя на деревянных бочках. Справа от них прошла девушка с сумкой на плече и мечом на поясе.

Через площадь шли какие-то люди. Им вовсе не мешала темнота — лунного света вполне хватало.

— Где стреляли? — Остановил проходящую мимо девушку Титус.

— В горах, вверх по тропе. — Послышался холодный ответ. — Там стреляют уже третий день.

— Мы хотели идти по этой тропе? — Он развернулся к Роланду, тщательно осматривая проходящую мимо воительницу. Кажется, он ее узнал — подумал рыцарь, и ведь неудивительно, он же жил здесь когда-то.

— Все верно. — Согласился воин, хлопнув рыцаря по плечу, как бы успокаивая его. — Это нам не помеха, не забывай, сначала, мы заляжем на дно. Поверь, сражения можно будет избежать, наш умник что-то придумает.

Раздалось еще два выстрела. Спутники простояли еще пару минут, задумчиво глядя в горы, пока Роланд не повернул голову в сторону. Рядом стоял какой-то рыцарь в броне Везерлеха, со щитом, на котором был нарисован дракон.

— Кошмарно, не правда ли?

— Верно. — Согласился Дэнтон Стоун. — Настал век, когда мы убиваем своих же и голосуем за врагов на выборах верховных правителей, братья идут на братьев, мертвые дают о себе знать, а про живых мы вовсе забываем. Рыцари творят зло, пока воры помогают бедным.

— Кажется, вы и сам рыцарь, сэр...

— Дэнтон Стоун. — Представился он, протянув руку северянину.

— Роланд, просто Роланд. — После рукопожатия северянин понюхал свою ладонь, она пахла порохом.

— Знакомый запах, легионер?

— Не знаю, что меня больше удивляет: то, что ты, не видя символа Легиона, точно сказал кто я, или то, что рыцарь Везерлеха стоит предо мной в Темнолесье. — Рукоять меча грела руку Роланда, а позади стоял Титус, с интересом поглядывая на них и переводя взгляд Роланда на рыцаря и наоборот, словно обдумывая ситуацию.

— Я не враг вам, мне нет дела до Легиона. Просто два крепких человека, один даже седой, явно бывалые ребята. И вовсе не похожи на воров или убийц. Уж больно честный взгляд, так что да, до вас у меня нет дела.

— А до чего есть?

— Видели ли вы в городе бронзовых рыцарей, хотя бы одного?

— Вообще ни разу. — Тут же кивнул Титус. — А тебе зачем?

— Майя. — Подозвал Дэнтон, и чародейка вышла из толпы. Роланд, и Титус, узнали ее, но не подали виду, как и она. — Пошли прогуляемся, поищем последнего Борна.

— Нечего искать, вот он. — Процедила она, указав на Измаила, который небрежно шел к ним. Она постаралась защитить друга от беды, указав на того, кого встретила когда-то в таверне Пепелище, так она справилась бы с двумя проблемами — спасти друга, полностью обезопасив его и от рыцаря, и от наемника. Но почему-то Титус вскочил на пути Дэнтон к Измаилу.

— Зачем он тебе?

— Эй, седой, отвали, именем короны!

— В зад себе эту корону затолкай! — Неохотно вступился за рыжеволосого Роланд.

Дэнтон что-то отхлебнул из фляжки, после чего, словно дракон, выпустил пламенную

струю, от которой едва удалось отскочить его противникам. Как только рыцарь-дракон попытался достать меч, что-то заставило его отлететь в сторону. Дэнтон пролетел сквозь стену таверны, рухнув на инквизитора, который не ожидая такого поворота событий, спокойно упивался вином. В образовавшейся дыре показался стальной громила Кастиэль.

— Не разжигайте во мне пламя! — Выкрикнул Дэнтон, поднимаясь на ноги, уже вооружившись щитом, мечом и острым гневным взглядом. Правый глаз заливала кровь, которая лилась из разбитой брови. — Сдавайтесь именем короны, сучьи дети!

— Кстати о детях. — Шепнул на ухо инквизитор. После чего сзади ударил рыцаря в пах дубовым прикладом своего ружья, отчего Дэнтон упал на колени. Следующий удар все тем же прикладом пришелся по затылку. Рыцарь потерял сознание.

Рассвет был уже близок, но тьма еще не спешила рассеиваться. Поместье, возведенное на возвышении, было единственным четырехэтажным зданием в ближайших землях и выглядело довольно величественно: стоило посмотреть в одно из окон верхнего этажа, и взгляду открывался весь Безымянный город, из другого окна можно было любоваться Темнолесьем — бескрайним океаном листвы, простиравшемся до самого горизонта, и освещаемым неверным светом луны.

Всматриваясь в темноту, один из охранников бродил в небольшом сосновом лесу. Около поместья было высажено не менее двухсот сосен. Вокруг были скалы и обрыв, с которого открывался прекрасный вид. Благодаря такому расположению любому гостю этого поместья могло бы показаться, что он находится в нерушимом форте, стоящем на краю мира. Охранник следил, чтобы его сторожевая собака не отбежала далеко, он не держал ее на поводке, а только приказывал оставаться рядом. Пусть чувствует себя свободной, но подчиняется ему! И вот, в мгновение ока, пес забежал за дерево и исчез. Неужели ему что-то послышалось? Не спеша, охранник приближался к месту, где собака скрылась с глаз.

— Глотка! — Сторож звал пса, но он не возвращался. — Глотка! — Повторил он попытку — зверь со странной кличкой не появлялся из-за камня. Тогда он крикнул громче: — Глотка!

— Как скажешь. — Прошептал кто-то позади своим холодным, лишенным эмоций, голосом. Охранник почувствовал не только холод интонации, но и ледяное лезвие кинжала скользнувшего по его горлу.

Страх сковал его разум холодом, в то время как тело горело от боли, умирающий продолжал чувствовать прикосновение холодной стали к шее, из которой теперь бежала кровь. Охранник рухнул на камень и увидел своего пса со стрелой, торчащей из загривка. Он хотел что-то сказать человеку, перешагнувшему через него, но не успел, уснув навсегда.

На первом этаже поместья были два входа, закрытые прочными дубовыми дверями. На втором этаже можно было увидеть дюжину окон, как на третьем и четвертом. Внизу был цокольный этаж со стальными решетками на узких окнах. Один из охранников, который в то время находился на четвертом этаже, напомиравшем обычный чердак, но обставленный дорогой дубовой мебелью, как раз хотел полюбоваться видом на Безымянный городок. Но вдруг заметил, что в одной из комнат открыто окно.

— Я, вроде, закрывал его. — Неуверенно прошептал он, хоть эта фраза не предназначалась для чужих ушей, ее все же услышал неизвестный ему человек. Охранник, одетый в кожаные доспехи, подошел к окну, с опаской глянув вниз, будто ожидал увидеть там кого-то. Никого не было, и только он собирался вздохнуть с облегчением, как свет внезапно погас. Позади него была свеча — она потухла, хотя ветра не было, а это могло

значить только одно — ее погасили мокрыми пальцами. — Кто здесь? — С опаской спросил охранник, пытаясь не спровоцировать неизвестного, стоявшего позади, и тщетно всматриваясь в темноту.

— Я. — Насмешливо ответил кто-то из тьмы, тот, кто позволил охраннику развернуться и наблюдать свой силуэт в тени. — Я с тобой. — Уточнил неизвестный.

— Кто ты?

— Алистер. Хозяин этого поместья, а кто ты?

— Охранник этого поместья, но я служу не тебе а, значит — никакой ты не хозяин. — Продемонстрировал свою логику воин, взглядом пытаясь отыскать хоть какое-то оружие.

— На кого ты работаешь?

— Ты не знаешь, куда ты попал, приятель. — С улыбкой произнес охранник, он решил, что оказался в выигрыше: подсвечник хорошо подойдет в качестве оружия, а этот наглец на полголовы ниже.

— Знаю. — Пояснил незванный гость. — Я попал в свое поместье, которое у меня отобрали давным-давно, а именно на четвертый этаж, в комнату, где когда-то был кабинет моего отца. И ничем ты меня не удивишь: на улице один охранник, в доме шесть, а стальной подсвечник длиной в полметра — не подойдет, слишком уж он увесистый — я убью тебя раньше, чем ты его схватишь.

— Ошибаешься. На улице четверо охранников.

— Уже один. — Поправил гость. — Я оставил его в живых, на случай, если ты не стал бы говорить. Оставил ему немного целых ребер, чтобы не задохнулся к моему возвращению, если не будет пытаться развязаться, то ребро не проткнет легкое.

— А в доме семеро! — Запаниковал охранник.

— Как посмотреть, тебя уже можно не считать. — После этих слов, сторож схватился за подсвечник, а некто метнулся к нему из темноты, накинул что-то на шею и вытолкнул в открытое окно. Человек пролетел до второго этажа — на большее не хватило длины троса. Раздался хруст — позвоночник не выдержал резкой остановки. Потом послышался щелчок — трос тоже не выдержал второго колебания тела, хоть и не такого сильного. Тело рухнуло в кустарник, а силуэт отошел от окна.

Роланд проснулся не из-за жажды, которая кого угодно могла заставить покончить с собой, а из-за довольного напарника, просившего взглянуть на какие-то листы бумаги с печатями. Алистера вовсе не беспокоил связанный рыцарь, сидевший в углу комнаты, и даже Майю он узнал не сразу. Едва продрал глаза ото сна, воин, мучаясь диким похмельем, развернул документы.

— Алистер, что это? — Спросил Титус, отойдя от связанного рыцаря. Он давнo проснулся и торопился выступить как можно скорее, ведь из-за разрушенной стены, трактирщик очень сильно негодовал.

— Документы: отказ от поместья и дарственная, оформленная на Алистера, подкреплена признанием некого Красного Барона Монро в том, что он силой захватил поместье у Теодора Де-Ветта. — Роланд читал и не верил собственным глазам. Затем переведя взгляд, продолжил. — А также документ, который подтверждает право владеть землей, доказательство того, что эти угодья принадлежат семье Де-Ветт.

— Как ты добился этого?

— У меня были весомые аргументы. — Пояснил Алистер, стирая кровь с ножа. — Я мечтал это сделать, пока скитался по чужим землям, но в итоге, когда дело дошло

исполнения...

— ...было слишком просто? — Продолжил рыцарь, который уже был готов отправиться в путь. Так же, как и Роланд, который недавно спал в доспехах, обнимая ножны с мечом. Алистер тяжело вздохнул и рухнул на кровать.

— Слишком просто. Кто это там на полу, связанный?

— Дэнтон Стоун, он рыцарь.

— Ненавижу рыцарей. — Добавил Алистер в комнату ввалились Кастиэль с Измаилом, последний нес стул. — Вот, правильно, усадите его и расскажите что произошло.

— Не вопрос. — Буркнул двухметровый стальной легионер, поднимая связанного рыцаря за одну из веревок, словно куль с мукой, он перекрутил его в руках и усадив на стул, продолжил. — Там трактирщик спрашивает, когда мы дадим ему дюжину монет на ремонт?

— Ремонт дырки? — Обомлел Алистер, только сейчас обратив внимание на огромную дыру в стене. — Я вас оставил отдохнуть, а вы транжирите наши сбережения, пробиваете стены и похищаете рыцарей, а ну, вытаскивайте кляп из его рта!

— Грязная курица! — Сразу же крикнул Дэнтон, его выводило из себя присутствие чародейки. — У нас же был уговор, что ты покажешь мне бронзового рыцаря, а не кого попало! Я ведь спас тебя! Правду говорили об этих местах, к черту вас всех!

— Ясно. — Кивнул Алистер. — И действительно, Майя.

— А что я? Думала, ты будешь рад меня видеть! — Возмутилась она, все затихли, Кристофер смотрел на нее пристальнее всех, словно лицо чародейки было ему знакомо. — Мою подругу убили, меня взяли в плен, он меня спас, тут вы...

— Стоп! — Крикнул Роланд, проходя от кровати к столешнице, где еще оставалась бутылка с вином. — Я вообще потерял нить разговора. Почему этот рыцарь пришел сюда, чтобы убить Измаила!?

— Да ему нужен был Титус.

— Да! — Крикнул Дэнтон, прохожие просто проходили мимо дыры в стене, поглядывая на перепалку и большое скопление людей в комнате. — Но эта сука указала на вашего друга. У меня приказ: убить рыцаря Ордена Пламени, все, наработался!

— Где линчеватели? — Холодно спросил Алистер, не отвлекаясь от чистки своих ногтей, которые уже начали чернеть от болезни. Но он теперь ничего не боялся. Ведь Алистер стал обладателем той самой монеты, оставалось только решить: использовать ее или нет.

— В храме, замаливают грехи. — Сообщил Кастиэль.

— Веди их в поместье Соколиное гнездо.

— А пленный?

— Сейчас будем решать. — Кастиэль со скрежетом кивнул, уходя, он толкнул Измаила локтем и они оба вышли из комнаты, оставив всех в неловкой тишине.

— Ну? — Возмутился связанный.

— Я без понятия, ты не мог прийти позже, или вообще в другой день?

— Ну, ты уж прости, доходяга.

— Есть предложения?

— Есть. — Кивнул Титус, приблизившись к пленному, на ходу доставая из-за пазухи медный амулет. — Это наш знак отличия, дашь своему королю, скажешь, что убил меня. Ты получишь награду, оставишь ее себе, и прославишься как истребитель Ордена Пламени.

— Нет.

— Что значит, нет, жить надоело? — Удивился Титус.

— Да ты вместе со своими дружками вырезал весь городок лесорубов. Простых людей, они не могли бы ничего вам сделать, разве что опилками забросать. Я не стану помогать плохим парням, я настоящий герой, таким и хочу остаться.

— Не я убил тех людей, а мой брат.

— Да-да. — Добавил Роланд, попивая из бутылки. — И вообще, это он убил своего брата, второго Борна.

— Я должен в это поверить?

— Если жить хочешь — поверишь. — Добавил воин.

— Какие шансы, что вы, кучка баранов, отпустите меня?

— У нас уже есть рыцарь.

— Не понял, Роланд. — Сказал Кристофер, теперь и Майя обратила на него внимание, взглянув на инквизитора с таким отвращением, что казалось, нападет на него в ту же секунду.

— Ну, смотри. — Северянин начал считать на пальцах. — Безупречный и неоспоримый воин-северянин у нас уже есть, и это я. Самовлюбленный стрелок есть, инквизитор есть, чародейка есть, манекен под латные доспехи есть и даже разговаривает. Рыженький и слегка поехавший наемник тоже есть, заметьте, всех по одному. Зачем нам второй рыцарь?

— Вы тут все поехавшие! — Бурчал связанный Дэнтон.

— Послушай. — Заговорил самовлюбленный стрелок. — Мы тут как бы на волосок от смерти, проблем и без тебя хватает, нужно укрепляться, знаешь ли. Собрался целый отряд людей, которым никак не выстоять врозь. И тут ты еще, клещ огнедышащий, пришел и давай огнем плевать, нам оно нужно? В твоём-то деле, что самое главное?

— В работе с жидким огнем? — Задумался рыцарь. — Не поперхнуться.

— Вот, а для нас — главное не обзаводиться лишними врагами. Этот седой выскочка, хороший человек, но собратья по ордену предали его. И тут, выходит, он злодей, а ты герой. Как так, если мы спасаем себя и людей, а ты только выполняешь приказ?

— Не пойму, при других обстоятельствах, ты бы не отпускал его и убил сразу.

— Роланд, оглянись, о нас знает весь городок. Если бы я боялся, что он расскажет о нас, да, убил бы, но когда враги спустятся с выгодной позиции, да-да я говорю об инквизиции, они здесь все обойдут. Кто-то нас сдаст, скажет, что мы в ушли в поместье, и начнется штурм.

— Постой! — Возмутилась чародейка. — Так на кой черт ты ведешь людей в тупик?

— Под нос инквизиции?

— Черт! Да!

— Отличный вопрос. — Алистер поднялся, опираясь на Роланда и Титуса. — Я отвечу на него, но для начала, давайте подумаем, кто у нас вообще есть? Дюжина легионеров, и тройка отменных офицеров. Нас учили воевать, и неравный бой никогда не был помехой.

— Их будет много. — Добавил Кристофер.

— Соотношение примерно один к десяти. Но у нас будет настоящая крепость!

— У них хватит сил, чтобы пойти на штурм! — Продолжал инквизитор.

— Подход к поместью один, он слишком узкий, и не позволит врагам зайти с другой стороны. У них будет лишь один путь, который не позволит большому количеству людей одновременно пойти в наступление а у нас, мой свежее испеченный маг, теперь целых четыре этажа каменного убежища.

— У них ружья!

— А у нас дом моего отца, обвиняемого в связи с гильдией убийц! — Алистер произнес последние слова с криком, словно взбесившись, что его план ставят под сомнение. — Даже не говоря о том, что мой отец был известным любителем оружия, а в поместье все эти годы была развернута штаб-квартира наемников, которые поставляли воинское снаряжение для всего Везерлеха! Пока я не подвесил за ногу человека, укравшего у меня дом, он рассказал мне много интересного.

— Жалко. — Заметил Титус. — Сказал бы ему спасибо.

— Успеешь, он еще жив, просто висит. Я все эти годы жил в лесу, пока какой-то козел спал в моей постели, думаешь, я спущу такую обиду за пару минут? Пусть повисит, он будет полезен. — Развернувшись и глубоко вдохнув, Алистер радостно и широко улыбаясь, взглянул на пленника. — Ну что, приятель, я снова внимательно тебя слушаю, пойдешь домой, к папочке с мамочкой?

Поместье Соколиное гнездо, возвышавшееся над Безымянным городом, было самым целым и крепким зданием на ближайшие нескольких миль. Черепицу мягко освещали лучи заката, поэтому крыша поместья была хорошо заметна, несмотря на окружающие ее высокие деревья. На втором этаже располагалось что-то вроде комнаты для переговоров. Ею пользовались люди, когда-то захватившие это поместье, именно здесь они заключали сделки. В центре помещения с высоким потолком стоял большой стол из красного дерева, покрытый дорогой эмалью, на нем стояло пару дюжин свеч. Из-за такого освещения, казалось, что он стоит в центре пустоты, а стен вовсе нет. За столом сидели выжившие: Роланд, Алистер, Титус, Кастиэль, Кристофер, Майя, Измаил, и линчеватели.

— Он сдаст нас? — Спросил Титус.

— Не имеет значение, что сделает этот рыцарь. — Алистер не отвлекался от пищи, ведь стол был накрыт просто шикарно: вяленое, жареное и вареное мясо, салаты, картофельные блюда и икра. Бывшие владельцы от голода здесь не умирали. — Инквизиция придет в любом случае, мы будем ждать.

— Я спускался в подвал, там коридор и многочисленные замурованные проходы.

— Знаю, Титус, мой отец был очень предусмотрителен. Он строил целые комнаты, помещения под склады, даже кузницу выстроил, но проходы в эти помещения замурованы, только непонятно зачем. — Прожевав большой кусок ветчины, Алистер продолжил. — А что с арсеналом?

— Каким арсеналом? — Удивился рыцарь.

— Не тебя спрашивал. — Пояснил Алистер, развернувшись назад. Над камином, позади него, висел какой-то мужчина, его борода свисала почти до самого пола, это был лидер наемников. — Так что там с оружием?

— Арсенал на третьем этаже!!!

— Вот, мы нашли арсенал, но что там есть?

— Ружья! Порох! Винтовки! Арбалеты!

— Хватит! — Рыкнул Алистер, бросив в висевшего костью, взятой со стола. — Заткнись, мать твою!

— Алистер, я был инквизитором и знаю, на что они способны.

— Кристофер, друг мой, расслабься. — Продолжал Алистер, пока Роланд допивал уже тринадцатый бокал вина, все немного расслабились, кроме чародейки — имя инквизитора было таким же, как у ее брата, потерянного в детстве. — Стены крепки, и эти недомерки

укрепили оконные рамы. Они собрали целый арсенал, коим можно снабдить небольшую армию — мы имеем все шансы отбиться.

— Алистер. — Подал голос Кастиэль. — Какой у тебя план? — Все заинтересовались и уставились на хозяина дома, присутствующие не скрывали своего страха перед неизвестностью. Но Алистер, улыбнувшись, несмотря на болезненную слабость, поднялся из-за стола, вытирая губы. Он встал на стул, а затем вскочил на стол и направился к удивленному инквизитору.

— С кем я делю свой ужин и кров? — Начал говорить Алистер — никто и никогда не видел его таким: полным надежды, вдохновения и уверенности. Ногами он переворачивал миски с салатами, закрытые бутылки с вином, ломал фарфоровые блюда, но словно не замечал их. — За одним столом бывшие враги, но кто из вас хочет поднять на них свой меч? Отвечая на твой вопрос, Кастиэль, я задам тебе встречный! Ты подобно фениксу, возродился из пепла, тебя сожгли живьем, думаешь, им под силу тебя уничтожить? Твои латы — не проклятье, это дар неуязвимости. Лишился семьи? Пусть так, но у тебя новая семья, стой за нее! Ведь твой отряд жив, уцелел тогда, верно? Ты дашь судьбе вновь отобрать у тебя все? Для всех вас! — Прогорланил он, разведя руками. — Это поместье может стать домом. Я был на войне, когда люди защищали свои дома, чем эта война отличается от той? Кастиэль, станешь ли ты плечом к плечу со мной, сразишься ли ты на моей стороне?

— Да.

— Тогда, ты принят в семью. — Поклонился разведчик. — Все сидящие здесь, вы приняты в мою семью. Инквизиция подумает, что одолела нас, сразу же, как узнает, что мы спрятались здесь. Вас защищают стены этого поместья, и мы должны отстоять его у врага. Инквизиция может отсосать у меня, Кристофер, без обид.

— Да нет, ничего. — Посмеялся он.

— Инквизиторы, придя к нам на порог, подумают, что мы проиграли и они загнали нас в тупик.

— Разве это не тупик? — Спросил кто-то из линчевателей.

— Кто хоть раз охотился? Что бывает со зверем, загнанным в угол? Он выпускает когти, в дело идут клыки, животное сражается так ярко, что охотник может быстро превратиться в жертву. Там, внизу, наверняка, еще есть маги, легионеры, может, просто преступники, которые пытаются покинуть страну. Это армия! Армия, которая может стать нашей!

— Что ты предлагаешь? — Спросил одноногий легионер, спасенный от людоедов.

— Мартин, займись укреплениями, просто возьми несколько линчевателей, пройдитеесь по поместью, проверьте все стены, мы должны выстоять. Вынесете ненужную мебель на улицу и сможете сделать баррикады. Роланд, отправляйся в городок, собирай всех магов и легионеров, которых найдешь, но будь предельно осторожен.

— Люди не захотят сражаться на нашей стороне, зачем это им?

— Тогда аккуратно им намекни, что они или погибают, либо сражаются. Если мы сведем баланс один к двум, то шансов станет куда больше, понимаешь? В твоих интересах заняться этим немедленно, проверяй все трактиры.

— Что делать мне? — Выкрикнул Измаил.

— Ловкий значит, да? Лезь в горы, следи за инквизицией, ты наш сигнальный огонь при нападении. Что касается Кастиэля, бери остальных линчевателей, размещай охранные посты, сделаем из этого поместья настоящий форт. А ты, Майя, обучи этого инквизитора магии.

— Что прости?

— Он маг, но ничего не умеет, обучи его.

— Я думала, ты пошутил, назвав его магом. — Призналась чародейка, инквизитор попятился.

— Шуток быть не должно, мы на грани гибели. Мы собрались здесь по воле судьбы, она имеет очень странное чувство юмора, близкое к иронии. — Пояснил хозяин поместья, который слегка затих и убедился, что все внимание приковано только к нему. — Все мы здесь самые настоящие тени. — Сложив руки за спиной, он осмотрелся, ловя многочисленные взгляды, не понимающие его последней фразы. Взоры собравшихся были обращены только к нему, затих даже плененный лидер наемников, висящий на камине. — Верно, мы — тени. Людьями мы назывались раньше, когда-то давно, когда имели выбор, свободу и были совершенно другими. Всех что-то поменяло, уничтожило саму память о нас прежних. Мы более не отголоски прошлого, не прячемся от света, не боимся быть замеченными — здесь каждый чувствует себя спокойно. Даже несмотря на то, что смерть, возможно скоро спустится к нам с горы. Когда они придут, чтобы лишить нас жизни, завершить начатое дело, инквизиторы увидят не людей, они увидят скопление диких животных, у которых вместо разума единственный инстинкт — стремление выжить любой ценой. — Сделав паузу, для того чтобы кто-то мог сказать свое слово и выпив вина из бокала, стоявшего у его ног, Алистер понял, что никто не хочет нарушить создающуюся тишину. Было слышно тяжелое дыхание Кастиэля, стук пальцев Измаила по столу. Все просто слушали, некоторые опустив голову, думая о чем-то грустном, и возможно, вспоминая то время, когда действительно не были просто теньями от себя самих. Алистер поставил вино на стол и вытер губы, решив продолжить. — Мы не имеем лиц, но мы есть везде. Нам больше нет покоя там, среди людей, где нас не ждут. Боги не желали нашего рождения, мы здесь против их воли. Мы порождение людей, как и тени, подумайте еще! Мы тени, которые отбрасывают силуэты воровства, предательства, человеческого греха, всего, в чем обвиняют нас!. Легион уничтожили не дезертиры, а обычные наемники, выполнявшие свой заказ, и опять же! Не наемников нужно винить, а заказчиков! Королевские распри отделили тени от наших честных имен и именно за этими теньями охотятся инквизиторы. Титуса предал его собственный брат, а вместе с ним — весь их орден. Ну а ты, Майя, лишилась семьи из-за инквизиции. Что осталось от тебя в тот момент? Кристофер, ты как никто другой должен знать, что такое быть тенью.

— Мы — тени. — Почти утвердительно сказал Роланд.

— Брат мой, скажи это громче.

— Мы — тени! — Повторил он, встав из-за стола. — Ты знаешь меня давно, мой меч сокрушит твоего врага, любого, на которого ты укажешь. И для меня будет честью погибнуть в бою, умереть, сражаясь вместе со всеми вами.

— А теперь! — Заявил Алистер, вдохнув полной грудью. — Попрошу встать всех тех, кто готов сражаться за себя в этот нелегкий час. Но примите к сведению, не все смогут пережить этот бой, я не слеп и вижу это. Будьте готовы к тому, что можете погибнуть за людей, которых едва знаете. — Алистер осмотрелся, первым встали седой рыцарь и стальной легионер, затем Измаил, и, как по команде, за ним поднялись все остальные. Стиснув зубы, разведчик кивнул седоволосому рыцарю, после чего жестом указал чтобы он, следовал за ним. Несмотря на приближающуюся опасность, у соратников проснулся аппетит. Они начали трапезу, ведь, возможно, другого шанса поужинать у них уже не будет.

Дэнтон Стоун смотрел на строй королевских гвардейцев, силясь разглядеть их в ночном мраке, и осторожно промакивая плащом кровь, которая текла из разбитой брови. Позади него выстроились инквизиторы, крепко сжимавшие ружья, не нужно было оглядываться назад, рыцарь-дракон хорошо слышал их. Из толпы гвардейцев Везерлеха отделился человек, который спокойно пошел навстречу рыцарю.

— Пора домой? — Расслабился рыцарь, окровавленной рукой он бросил гвардейцу амулет, а тот быстро его поймал, уставившись сначала на трофей, а затем снова на рыцаря.

— Увы, но нет, милорд.

— Что все это значит? — Рыкнул Дэнтон, рукоять его меча скрипнула в кулаке, при этом все гвардейцы схватились за оружие, словно были его врагами. — Есть другое задание?

— Сегодня мы пришли встретить вас, но опоздали. Вы погибли в Темнолесье.

— Немедленно объяснись!

— Все во благо короны, которой выгодно, чтобы признанный народный герой пал от рук врага, на чужой территории, в землях королевства Нортленд. — Гвардеец швырнул амулет в сторону, куда-то в кусты. — Война с севером неизбежна, а чтобы нас поддержали союзники и те, кто не вмешивался в первую войну, выгоднее, дабы инициатором распри были именно северяне. Страна с репутацией агрессора. — Добавил он.

— Такова плата за жизнь, которую я посвятил службе Серому Легиону? Неужели наша родина не ценит преданных героев и готова пожертвовать ими, как пешками на игровой доске, разве такого заслуживают патриоты?

— Вот ради патриотизма и из уважения к вам, милорд, я позволю вам вернуться в Темнолесье, невзирая на приказ короля. Возвращайтесь назад, мы скажем, что убили вас, но потребуется доказательство, что-то, из вашей экипировки.

— Это предательство!

— Предатель — не я, не делайте глупостей. У вас нет семьи, нет друзей, но вас будут помнить на родине.

— Моя страна предала меня! — Выдавил сквозь гнев Дэнтон, чувствуя, что кровотечение усилилось. Дэнтон вцепился стальными перчатками в эмблему дракона на массивном наплечнике, и сорвал ее, швырнув в гвардейца. — Все те подвиги, которые я совершал ради короля! — Продолжал рыцарь, сорвав с себя красный плащ и отбросив в сторону. — Так чествуют героев!? Я всем сердцем любил родину! — Он перешел на крик и метнул свой щит с драконами под ноги гвардейцу, который едва успел отскочить.

— Дайте мне рыцарское слово, что не наделаете глупостей, тогда я не пожалею, что оставил вас жить.

— Я больше не рыцарь. — Истерически засмеялся Дэнтон, отстегнув наплечник, после чего отцепил нагрудник с орнаментом дракона, и он просто рухнул к его ногам. Легким движением руки прославленный воин отстегнул от пояса меч в ножнах и молча развернулся назад, начав спускаться с горного хребта, чтобы вернуться назад, в Темнолесье. Инквизиторы расступились, пропустив рыцаря, они провожали его взглядами, о чем-то перешептываясь.

Роланд, словно по принуждению, выпил залпом треть бутылки крепкого вина. Он взял ее в вином погребе, так кстати оборудованном наемниками. Поставив бутылку на пол, он посмотрел на сидящих напротив друзей. В темной комнате, которую освещала догорающая свеча, сидели трое — воин, рыцарь и разведчик. Роланд с трудом выдохнул воздух, после чего дрожащей рукой потянулся за новой бутылкой, сегодня, он был намерен осушить их все.

— Я знал, но все равно мне трудно в это поверить. — Признался он.

— Понимаю. — Согласился рыцарь, поглядывая на Алистер, который старался меньше говорить. — Он просто не хотел тебя волновать.

— Поэтому не мог сказать мне? Что это за забота такая, он даже тебе сказал! Насколько все плохо?

— Спорный вопрос. — Не сдержался разведчик. — С одной стороны, я доживаю последние дни на этом свете, но с другой, монета может исцелить меня. Этот артефакт... я не знаю, чего от него ждать, настал тот самый день, когда у меня нет плана действий.

— У тебя он есть всегда, придумай его.

— Пойми. — Отобрал бутылку рыцарь. — Она может не только исцелить, если это вообще правда, она может добить Алистера, и что еще хуже, не освободить душу обладателя, а поработить его.

— Что если я использую ее сам, для друга?

— Я не позволю! — Буркнул Алистер, пытаясь рассмотреть артефакт — монету, которая по весу напоминала птичью кость. Она была черной, как и его вены. С обеих сторон изображение ворона, сидящего на короне. — И вряд ли получится.

— Да. — Согласился рыцарь, вернув бутылку. — Если верить информации из книг нашего ордена, у нас была огромная библиотека, то артефакт может использовать только обладатель энергии, которая породила этот предмет. Если Алистер так тесно связан с Богом Теней, то и артефакт может подчиниться только ему.

— А его брат, Измаил?

— Безумцы принадлежат другим богам. — Подумал Титус. — Все же есть высшие силы, и у них свои планы на человеческие души и судьбы мира, хоть раньше я не верил этому. Или наш друг не просто смертельно болен, но и вдобавок сошел с ума, тогда ему не страшно будет умирать. Хотя как я могу судить о подобном?

— Я сделаю иначе. — Заявил Алистер, спрятав монету во внутренний карман кожаной куртки. — Так, как не поступил бы раньше. Я приму решение, когда все будет тихо и спокойно, когда вся эта буча с инквизицией уляжется. В худшем случае, если я буду смертельно ранен, использую монету на поле боя.

— Кто бы мог подумать. — Заметил рыцарь, а воин окончательно затих. — Я знал, что от путешествия с вами я могу ожидать всего, чего угодно, но такое сражение... Будет ли оно вообще? И если будет, что дальше, ведь мне некуда больше идти.

— Твой дом теперь здесь, Титус.

— Ты приглашаешь меня жить в твоём доме?

— Для меня это не просто дом, мой друг. Из того, что я помню об отце, так это то, что у него был интересный план, некие наработки для улучшения этого места, список идей, до которых у него не дошли руки. Это поместье, построено здесь не просто так, а красивый вид, которым можно любоваться, стоя на балконе — не единственное его преимущество. Видишь ли, фундамент возведен, на границе между странами, и словно зная это, отец купил лицензию на гильдейское дело.

— Он хотел основать гильдию?

— Официальную гильдию, с полномочиями, вносящую налоги в казну. — Пояснил он.

— Но что дает расположение поместья на пограничье?

— Много чего. — Алистер потянулся к комоду, прихватив стопку бумаг внушительного размера. — Вот, я проверил, все эти документы подлинные. Вот купчая, разрешение на

строительство, пристройку, создание гильдии, торговая лицензия и многое другое. Расширив это здание мы сможем стать торговой гильдией в одной стране и наемниками в другой.

— Твой отец получил лицензию на создание формирования из наемных солдат?

— Ее получил тот баран, который висит у нас над камином. Не важно, понимаешь, ты уже не рыцарь, и останешься, как я понял здесь, но тебе не обязательно бросать свое дело. Выбери часть подвала под хранилище, перенеси туда из Везерлеха артефакты и набери преданных людей. Роланд займется делом гильдии наемников, кто-то возглавит гильдию торговцев. Это золотой источник, а под шумок можно заниматься чем угодно, ведь у нас есть прикрытие. И даже если не брать это во внимание, ты видел здесь хоть одного стражника?

— Твой отец далеко смотрел, раз собирался провернуть такую авантюру с гильдией.

— Он смотрел еще дальше. — Встав с кресла и приковав к себе внимание, война и рыцаря, Алистер прошел к окну и раздвинул шторы — все увидели ночное небо, усыпанное звездами, а внизу красовался бескрайний океан листвы. — Когда-то он сказал нам с братом, что со временем этот край будет независим. И здешние обитатели сделают его таковым, ведь это люди, которым не дали второго шанса, и бросили доживать здесь свои жалкие деньки. Пока в Темнолесье нет лидера, а значит и порядка. Но если появится какая-либо политическая система, которая наладит связь с городками, объединит кланы разбойников, искоренит всех, подобных Профессору...

— Ты говоришь о полноценной стране?

— Я говорю о свободной стране. — Уточнил Алистер.

— Это займет века. — Заметил Титус и подошел к окну, встав рядом с Алистером.

— Не обязательно, сперва нужно набрать людей, наладить лестницу рангов в самой гильдии, заработать капитал, чтобы улучшить жизнь людей. Узнать в чем нуждаются города, мы поможем им и новобранцы появятся сами. Встань на их защиту один раз, и они станут защищать тебя вечно. В этих краях нет ни одной действующей шахты, хотя явно есть что добывать! Только пара лесопилок, смогут озолотить гильдию, ведь срубив одно огромное дерево, можно построить целый корабль! Тут растет что угодно, хотя нет солнца, так почему не засеять участки, где лес будет вырублен?

— Алистер! — Крикнул кто-то в коридоре, голос был незнаком, но можно было предположить, что это кто-то из линчевателей, которые патрулировали дом и искали то, из чего можно возвести баррикады во дворе.

— Я занят!

— Тот рыцарь, из Везерлеха! Он вернулся, хочет сражаться с нами!

— Скажи, что мы превосходим его числом, пусть подумает еще раз!

— Ты не понял! Он хочет сражаться за нас...

— Что делать?

— Кастиэль даст ему поручение, скажет, где его место в строю. Если он хочет сражаться за нас, пусть так и будет. Накормите и напоите рыцаря, дайте ему постель, покажите, где он может привести себя в порядок, но сообщите, что, возможно, это последние дни его жизни.

Глава 8. Так бывает

Первый день зимы, 1670 года

“Можно вымотать зверя, но старайтесь не загонять его в тупик. Если вы все же сделали это, будьте предельно осторожны и не приближайтесь, держите дистанцию, ведь ему не остается ничего иного, кроме как сразиться до последнего.” — Памятка охотнику, автор не указан.

Это был первый день зимы, и в Темнолесье впервые за долгие годы выпал снег. Было довольно тепло, поэтому он просто долетал до земли и таял. Подняв глаза вверх, линчеватель, дежуривший у главного входа, заметил, что небо стало однотонным, приняв светло-серый цвет. Снежинки касались его лица и тут же превращались в капельки воды.

— Давно снега не видел. — Заметил Дэнтон Стоун, стоявший возле него.

— Нас скоро сменят, поедим, выпьем, и отправимся в теплую постель. Честно признаться, суставы крутит.

— Мы уже полторы недели живем в этом поместье, а инквизиции не слышно, больше никаких выстрелов в горах, зачем нам караулить? — Рыцарь-дракон сплюнул на мраморные ступеньки, скривив недовольную гримасу, словно ребенок. — Когда они наконец нападут?

— Так и хорошо, что не нападают! Ты подожди, будешь еще доволен, что нам дали время, мы же собрали два десятка рекрутов, и представь, половина из них легионеры! Думаю, больше выживших легионеров не осталось. А не стреляют они, потому, что мы перехватываем магов и забираем к себе.

— Этот ваш Алистер не удосужился даже встретиться со мной!

— А зачем тебе с ним встречаться? — Удивился линчеватель, который и сам уже неделю не видел их лидера. — Он там сидит и работает, наш командир говорит, что Алистер составляет какой-то план. Мол, у этого места большой потенциал. — Вдохнув полной грудью свежий декабрьский воздух, воин выразил свою искреннюю радость по поводу погоды, он любил зиму, невзирая на мороз и легкий ветер, который дул время от времени.

— Парень из нашего отряда, ты с ним в прошлый раз дежурил, нашел недалеко старую шахту, когда-то ее начали разрабатывать и почему-то забросили. Кастиэль скомандовал паре наших легионеров разведать что там и как, и вот представь, если мы действительно обнаружим золото!

— Член там висячий, а не золото. — Процедил рыцарь.

— Скептик ты, а вот сюда пришел, живешь с нами и не уходишь, а значит, тебе здесь нравится. И не говори, что выбора нет, у всех он есть. Родная страна предала тебя, а мы приютили, и нет, чтобы спасибо сказать, ты только ноешь, как все плохо и как тебя все достало. — Договорив, он отступил в сторону, чтобы его не задела открывающаяся дверь. Это вышел северянин, который с уважением похлопал линчевателя по плечу. — Доброе утро, Роланд.

— Доброе? Где же оно доброе? Я впервые вижу снег в Темнолесье, проснулся от того, что яйца от холода, начали отстукивать гимн Везерлеха, пока горячим не залился, колотить не перестало.

— Надо же. — Вмешался Дэнтон. — А как же невосприимчивость к холоду, которую приписывают вам, воинам севера?

— Там где и твой рыцарский титул, умник, по уши сам знаешь в чем! Я всю жизнь в

Темнолесье провел, думаешь, я сосульками гадить умею, если я северянин?

Кристофер уставился на Майю, она сидела напротив него за длинным столом. Шлем инквизитора, лежащий у него на коленях, уже был отполирован до блеска, но он продолжал оттирать от него мнимые пятна. Чародейка уже выходила из себя, бывший офицер словно пропустил ее предположение мимо ушей, и она наконец повторила:

— Я думаю, ты мой брат, пропавший в детстве!

— Скорее всего. — Процедил Кристофер, стиснув зубы.

— Я помню имя своего брата, его забрала инквизиция, вместе с моими родителями. Нашими родителями, братец. Выходит, их они убили, а тебя взрастили как себе подобного. Брось этот шлем! Поговори со мной! Я не могу уже думать об этом, моя голова раскалывается.

— Я сразу же понял, что ты моя сестра, — Пояснил Кристофер, поставив шлем на стол так, чтобы красные окуляры были направлены на Майю, и она поневоле смотрела в свое отражение в шлеме. — Я тот, кто убил наших родителей, поэтому я не говорил тебе вообще ничего. Они просидели в темнице, пока мне не исполнилось шестнадцать лет, потом, меня завели туда, дали меч, и приказали убить заключенных, не проявляя каких-либо эмоций.

— Нет! — Не хотела верить она, отвернувшись от шлема. — Тебе промыли мозги, вот ты и убил их!

— Возможно, но я понял, кого убивал. Я слышал свой крик со стороны, внутри себя, но подавлял его. Не инквизиция погубила их, а я, но знаешь, сестра, они были рады меня видеть, хоть и знали, зачем именно я пришел. Последнее, что сказала мать, что любит и прощает меня.

— Ты не виноват и не предполагал, кем действительно являешься!

— Будто я сейчас знаю. — Проговорил Кристофер, тем самым доведя Майю до слез, она выскочила из-за стола, и помчалась прочь из зала, чуть не сбив Алистера с ног. Проведя ее усталым взглядом, их лидер зашел внутрь и сел напротив бывшего инквизитора. Он был бледен, почти как мертвец, а под глазами были заметны темные пятна.

— Доброе утро, Алистер. — Поздоровался Кристофер.

— Отличный день, чтобы умереть. — Согласился собеседник, выложив из кармана небольшую книжку и толкнув ее в сторону бывшего офицера. Она проехала по дубовому столу и попала Кристоферу прямо в руки. — Мой тебе подарок.

— Страницы белые. — Кристофер бегло перелистал книжицу. — Что это?

— Так и должно быть, это называется “блокнот”. Он, для того чтобы записывать, а не читать, мой друг.

— Зачем он мне?

— Сейчас дойдем и до этого. Измаил вернулся с гор, сообщив, что инквизиция сворачивает лагерь. И скоро они пойдут назад, так что есть шанс, что наши враги пройдут мимо. Хотя я в счастливые совпадения не верю, кто-то скажет, что все маги пошли не вверх, а сюда и тогда, настанет тот самый долгожданный день. Уже вечером, они будут спускаться. И я опасаясь того, что уже не успею с тобой поговорить, судьба изменчива.

— Звучит как завещание.

— Запиши в этом блокноте все, что знаешь из прошлой жизни. Чертежи, структуру работы инквизиции, схему вашего штаба, может точки ключевые какие-нибудь. — Осознав то, что собеседник не совсем понимает, к чему он клонит, Алистер решил зайти с другой стороны. — В случае нашей победы инквизиция не спустит все на тормозах.

— Но что может сделать гильдия, если вы действительно собрались ее создавать?

— Это здание — целый механизм, Кристофер, и мы можем привести его в действие. Мы — шестерни малого размера, с виду — незначительная деталь. Но мы приводим в движение более крупную, и ее назовем гильдией, но ведь когда-то и она покажется нам недостаточно большой, понимаешь? Хотя может, в свою очередь привести в движение еще более крупный элемент.

— Все Темнолесье?

— Ты смысленный парень, Кристофер, и я думаю, ты поймешь, что даже Темнолесье — просто очередная составляющая, и на ней работа не заканчивается. — Алистер встал из-за стола и направился к выходу, но внезапно остановился. — Кристофер, если ты и правда, ее потерянный брат, то советую поговорить с чародейкой по душам. Никто не знает, как сегодняшний вечер обернется для всех нас.

Наступила ночь, но присущая ей тишина была прервана марширующим взводом инквизиции, который приближался к поместью. Никаких факелов, только красное свечение окуляров во тьме, такое зрелище могло деморализовать кого угодно. Кристофер зарядил ружье, и сидя в темной комнате, осторожно поглядывал в окно, он видел, как бывшие соратники выстраиваются в шеренгу напротив поместья.

На первом этаже командовали Роланд и Кастиэль, они собрали позади себя всех бойцов, которых успели хоть как-то снарядить, вооружить, и подготовить к стычке. Все эти воины были готовы сорваться с места, выбить дверь изнутри и броситься на инквизицию, под пули. Но все же не нарушали приказа и соблюдали гробовую тишину. Посмотрев в окно, можно было понять, что в Темнолесье разыгралась настоящая вьюга — высота сугробов почти достигала колена. Непривычный белый ковер был освещен факелами. Через толпу солдат, стоявших в холле, пробрался облаченный в кожаный доспех Титус, и дойдя до Роланда, начал шепотом докладывать: — Алистер занял позицию, ждите его приказа. — На что Роланд согласно кивнул, хоть едва сдерживался, дабы не рвануть в бой.

Алистер дышал, как в последний раз, в дрожащей руке он держал черную монету. Казалось бы, что сложного в том, чтобы использовать ее, ведь Титус сам отдал ему артефакт, осталось только решиться и освободить свою душу. Но силы воли не хватало. Не сейчас — говорил он сам себе, у меня еще есть силы сражаться, и после, возможно, он все же проверит, что эта монета способна подарить на самом деле.

— Алистер. — Шепнул Измаил, вернув брата в действительность, в горы, где он находился с другими лучниками и стрелками, заряжающими ружья. Территория поместья была как на ладони. Инквизиция смиренно стояла ровными, словно вычерченными под линейку рядами — враги ждали приказа. В темноте виднелись их красные окуляры, наводящие ужас.

— Приготовиться к стрельбе. — Скомандовал Алистер, спрятав артефакт глубоко в карман. — Целиться точно под красные огни, шлемы у них непробиваемы, но не грудные клетки. Раньше меня не стрелять. И помните, после нашего залпа должно остаться как можно меньше стрелков.

— Их там не меньше пятидесяти. — Шепнул кто-то с ружьем, позади Измаила — наемник уже взвел арбалет, который брал в руки очень давно, тот самый, двухзарядный, сделанный из металла.

— Я не говорил, что это будет легко. — Пояснил разведчик, внимательно смотря, как из строя инквизиции вышел офицер. Он прошел ближе к дому, подняв руки вверх, чтобы

скрывавшиеся в доме люди не начали стрелять. Посланец остановился в паре метров от дома, чуть не угодив в медвежий капкан, присыпанный снегом.

— В городе нам сказали — Слова инквизитора эхом раздавались по округе, словно шлем усиливал звук, что в этом поместье пребывают нарушители закона Нортленда, беглые легионеры, маги и чародеи, и самый противный тип, который встречается довольно редко, предатель инквизиции! В городе сказали, что здесь есть инквизитор, вставший на сторону врага! Обесчестивший наш орден! Предатель, плюнувший на наш кодекс! Если он здесь, пусть выйдет к нам, и понесет достойное наказание. — Сняв свой шлем, офицер инквизиции продолжил. — И никто не пострадает! — Улыбаясь, продолжал убеждать он, пока Кристофер гневно целился бывшему соратнику промеж глаз, стараясь изо всех сил, чтобы сдержать ярость, и не подвести остальных.

— Эй. — Шепнула Майя, стоявшая позади него. — Они не отдадут тебя инквизиторам, не бойся.

— Ну, предатель, выходи! — Кричал офицер, улыбки на его лице уже не было. Он уже догадывался, кто мог предать орден, ведь всю ходили слухи о бывшем "Псе инквизиции", который вроде как "размяк". С Кристофером офицер, предводитель засады и нынешнего штурма, связывал еще один слух, который хотел проверить. — Эй, предатель, правда, что ты убил своих родителей на экзамене?

— Не слушай его. — Продолжала шептать Майя, заботливо положив руку на спину брата.

— Прикончил своих родителей, вшивых магов, таких же выродков, как ты. — Инквизитор сплюнул, почти на сам капкан, он похоже и не собирался останавливаться. — Поговаривали, что им даже не давали мыться все те годы, что они сидели, ожидая своего сыночка. Ты безымянная тварь! Ты...

— У меня есть имя! — Завопил Кристофер. — Меня зовут Кристофер, твою мать! — Прозвучал выстрел, где-то, синхронно выругались Титус и Роланд, а офицер-провокатор, схватившись за пробитую пулей грудь, рухнул на снег, угодив головой в капкан. Он захлопнулся, размозжив ему череп. Вдруг, как по команде, за оружие схватились все инквизиторы, но они неожиданно начали падать один за другим. Прозвучали выстрелы и крики раненых. Из дверей поместья выбежала дюжина бойцов, которые с криками рванули на строй неприятеля. В это время, с гор спускались люди во главе с Алистером, вознесшим над головой короткий стальной меч.

Титус парировал удары двоих медноголовых, а убив их, бросился к третьему, пронзив его мечом. Выстрел, прозвучавший совсем рядом, оглушил рыцаря, но не смог дезориентировать, в такой мясорубке хороший слух — последнее, что ему было нужно. Рядом пронесся воин в красной железной маске и сшиб кого-то с ног. Поваленный прожил до тех пор, пока на его голову, не наступил Кастиэль. Где-то прозвучал крик, который рыцарь услышал несмотря на свою временную глухоту — это был кто-то из линчевателей, пытающийся собрать кишки, выпавшие из распоротого живота. За небольшой промежуток времени безмятежно лежащий белый снег стал багровой слякотью, усеянной трупами.

Алистер ворвался в бой, сразу же проведя лезвием своего клинка по горлу какого-то инквизитора, затем в тот же момент увернулся от выстрела другого противника, через мгновение, сразив неудачливого стрелка. Появившегося в поле зрения инквизитора он бы ликвидировать не успел, и скорее всего, погиб бы на месте, если бы тот не рухнул замертво благодаря меткому выстрелу Измаила. Что-то сбило его с ног, и вместо того, чтобы

сгруппироваться, он придерживал в кармане монету, словно сейчас она имела самый большой вес в его жизни. Артефакт не выпал, Алистер упал кому-то в ноги, ребро разведчика хрустнуло, и он перестал свободно дышать. Потом он почувствовал, как крепкие стальные руки Кастиэля отрывают его от земли и ставят обратно на ноги.

— Осторожнее! — Буркнул товарищ по оружию, тут же поймав пробегающего мимо инквизитора, подняв его, как ребенка, Кастиэль подбежал со своей ношей к обрыву и швырнул ее вниз, отчего обреченный завопил, падая во тьму. — Мы несем потери! Роланд, справа заходи!!!

Роланд плохо слышал — ухо было разбито до крови, но смысл приказа был ясен как день. Справа у инквизиции самое большое скопление стрелков, а слева все уже перешли на ближний бой. Он, сорвавшись с места, даже не думая о возможном сопротивлении, разрубил одного из инквизиторов почти пополам, кровь, словно вода из гейзера, окропила всех стоящих рядом. Идти было сложно, скользко, иногда можно было зацепиться о чью-то отрубленную конечность или мертвое тело соратника, но самое гадкое — запутаться в чьих-то кишках. Нужно было выйти из боя живым!

Титус отбил удар, но внезапно поскользнулся. Рыцарь упал на бок и тут же получил удар сапогом по ребрам, прозвучал очередной выстрел и кто-то рухнул на него, прижав седого рыцаря к земле. Лицом в кровь и снег. Глотнув воды с кровью, и чуть не захлебнувшись, Титус попытался выползти, но на него упало еще одно тело. Он прокрутился под завалом, и хотел столкнуть его вниз, но внезапно узнал в убитом Измаила. Застывшими глазами безумец словно смотрел прямо в глаза рыцаря, словно хотел что-то сказать.

— Измаил погиб! — Прокричал кто-то, помогая встать Титусу.

Кристофер выбежал на улицу, чтобы увидеть настоящую бойню. Почти все спасенные ими маги лежали в кровавой грязи, кто-то еще живой, пытался выползти из-под чьего-то трупа. Почти невозможно было отличить союзников от врагов — все были испачканы кровью, которая была везде, и хоть начиналась метель, запах смерти не развеивался.

На Роланда навалилось двое, один врезал ему прикладом, повалив на колено, а другой коленом расшиб бровь. Едва собрав силы, северянин схватил одного за пах, сжав так сильно, что он завизжал, перекричав шум боя. Роланд пронзил его мечом, а кончиком, торчавшим из тела, разрезал сухожилие второму нападавшему. Кое-как поднявшись, но, практически не ощущая тела, он неистово закричал, словно в северянине проснулось что-то звериное. Взмах двуручного меча влево, затем вправо, выпад в сторону, удар наотмашь, затем снова налево! Вокруг него погибало все больше людей, а его меч, только и успевал скрежетать по костям, рубить плоть.

Он чувствовал, как орудие становилось невесомым, но удары, наоборот приносили куда больше вреда. Роланд практически без усилий срубил голову пробегающему мимо инквизитору, очень ровно, едва не задев шлем. Сзади, на него кто-то напал, другой противник пытался подойти справа, третий — приближался слева и инстинктивно поняв, что он уже попросту не может сражаться, так как трое нападающих повалят его на землю, пронзил себя и одного из врагов своим же мечом. Рухнув на колени вместе с уже мертвым врагом, под крики, призывавшие инквизицию к отступлению, он понял, произошло и упал. Северянин дрожащей рукой скинул с себя красную железную маску, которая сразу же утонула в кровавой луже. Для него, это был самый лучший бой — за самого себя, а не во имя какого-то правителя.

Дэнтон был озадачен, его любимого "огнедышащего напитка" не хватало, он сделал

последний глоток из фляги. Алхимическое зелье начало взаимодействовать со слюной, оставался только один элемент, чтобы жидкость вспыхнула — воздух. Скривившись, он извергнул пламя на убегающих инквизиторов. Клубы яркого пламени окутали врагов, и они ничего не могли поделать — это наука, а не магия и именно ее рыцарь-дракон уважал сильнее всего. Прозвучал выстрел, один среди многих, он отличался лишь тем, что был очень близко к нему. Рядом с Дэнтоном упал знакомый линчеватель — именно с ним он дежурил утром у главного входа в это проклятое поместье. Раздался всплеск крови, смешанной с водой, знакомое лицо кануло в это месиво, закрыв собой с последнее белое пятно снега на земле — вместе с ним иссякла и сама и вера в победу.

Кристофер только что сделал выстрел, и очередной инквизитор приблизился к нему, обнажив клинок, жестикулируя свободной рукой, и что-то выкрикивая. Он не слышал что именно, будучи оглушенным собственным выстрелом. Он все равно не успел бы перезарядить ружье, поэтому — оставалось только одно — решаться на ближний бой. Вместе с притоком силы, загудела и батарея, та самая стабильная батарея, которую инженеры инквизиции так хвалили, мол, она в десяток раз вместительнее старой. Так почему она перегружена? Неужели это его сила, как это возможно?

Сжав в кулак, как он думал — только волю, Кристофер увернулся от взмаха инквизиторского клинка и нанес удар в живот нападавшему, не ожидая увидеть такой эффект! Кулак словно оброс льдом, полутораметровый ледяной шип пронзил тело бывшего сослуживца, обдав сражающихся позади друзей и врагов кровью. Вот оно! Энергия в нем, это лед, единственная магия, которую Кристофер не успел еще повидать на своем веку. Он разозлился еще сильнее, и буря усилилась, сражение продолжалось и походило уже на драку в грязи. Крови было по щиколотку, просто неглубокий кровавый бассейн, из которого торчали спины врагов, а сражающиеся лениво толкались. Сражение было не таким, как вначале.

Роланд уже не чувствовал боли, он приоткрыл глаза и понял, что его голова покоится на коленях у Титуса, тело согрелось, ведь он лежал в теплой крови. Метель окончательно стихла. Северянин еще раз осмотрел поле боя своими ярко-синими глазами. И понял, что если инквизиторы и остались, то они могли пошевелить только пальцем. В стороне слышались стоны и женский плач. У самого поместья сидел Дэнтон, зажимая пулевое ранение в ноге, а где-то на коленях стоял Кастиэль, пытаясь отдышаться. Недалеко от него, в горе трупов, Роланд узнал рыжеволосого брата Алистера.

— Справились? — Крутил головой воин, словно та была очень тяжелой. Рыцарь поддерживал дрожащими окровавленными руками

— Да, друг, мы сделали это. — Через силу процедил Роланд, чувствуя, как жизнь покидает его. Взгляд упал ниже, на рукоять своего же меча, торчащего из живота. Наверное, он не мог двигаться из-за поврежденного позвоночника — подумал северянин, да, такую рану он не смог бы зашить. Вдруг послышался всплеск воды, к ним подбежал Алистер, который сразу рухнул на колени возле него и Титуса, забрызгав их кровью.

— Нет! — Прокричал разведчик, оба впервые увидели слезу, которая появилась на щеке Алистера.

— Ему уже не помочь. — Заметил рыцарь, глядя, как и без того ослабевший Алистер, схватился за плечи друга, лежащего на его коленях. Из плеча разведчика сочилась кровь, по его догадкам это было пулевое ранение, доказательство того, что неуязвимых людей нет. Но Алистер словно не чувствовал боли. Дыхание северянина ослабело настолько, что можно

было предположить, что он уже отлетел в мир иной, но оба отказывались этому верить. Алистер дрожащими руками принялся искать монету, артефакт, который мог спасти кому-то из них жизнь или вовсе погубить душу.

— Он не умрет вот так!

— Да что ты делаешь? — Запаниковал Титус. — Она может ему вовсе не помочь! И даже если так, он упокоится в мире своих богов, но ты, будешь вечно гнить в рабстве, терпя пытки. Думаешь, он хотел бы для тебя такой участи?

— Он не умрет! Не так, и не сейчас! — Со всей злобой, сверкая глазами процедил Алистер, сжав в руке черную монету. По ладони сочилась ярко-алая кровь.

— Я не позволю тебе сделать это. — Уверенно сказал рыцарь, он уже хотел вмешаться, но из-за умирающего воина, лежавшего у него на руках, не успел среагировать, и отразить летящий кулак Алистера, нацеленный прямо в бровь. В ушах зазвенело, глаза увидели только яркую вспышку, и он ощутил, что завалился на спину. Когда зрение вернулось, он увидел, как Алистер чтобы вынул и отшвырнул меч, пронзивший его друга, после чего приложил монету к груди Роланда, который стремительно терял последние силы. Вскочив на ноги, и накинувшись на разведчика, прижав его руки к мокрой от крови земле, Титус заметил только пепел, оставшийся от монеты, словно артефакт рассыпался. Глаза разведчика были полны ужаса, губы дрожали, и рыцарь отпустил его, бросив пристальный взгляд назад. Роланд лежал на спине, Титус подбирался к нему очень осторожно, прислушиваясь к дыханию друга. Седоволосый рыцарь сорвал стальной нагрудник, взглянул на окровавленную тунику, разрезанную на животе, и тут же разорвал ее. На теле не было ни единого пореза, и даже старые шрамы, словно растворились. А на месте смертельного ранения, теперь красовался ожог, словно клеймо, от той самой монеты — маленький ореол с вороном и короной, выглядел он так, словно был там всегда.

— Я поступил правильно. — Заявил Алистер, встав, он вытер с лица кровь. — Ни один бог не получит мою душу, мой друг, так что, я что-то придумаю. Я всегда придумывал что-нибудь, всегда выходил сухим из воды. — Титус с выражением страха и смятения на лице оглянулся назад.

— Ты не знаешь что сделал! Ты проклял себя, обрек на вечную службу, без права оспорить это.

— Что-то придумаем. — Заявил Алистер, как вдруг услышал выстрел. Кто-то из инквизиторов сумел доползти до ружья, решив напоследок отдать должное своей миссии, и застрелить хоть кого-то. Ведь в бою у него не получилось этого сделать, его все время откидывали в стороны, несколько раз ранили, пока какой-то рыжеволосый психопат не всадил нож в его поясницу.

Алистер в последний раз окинул взглядом Титуса, он был испуган, словно снова стал ребенком. Глупые рыцари — подумал последний разведчик серого легиона, ведь действительно, в жизни так бывает. Он опустил глаза вниз, когда-то, около нового сквозного отверстия, откуда, сейчас сочится кровь, торчало два арбалетных болта. Похоже, никому не удастся обмануть судьбу дважды. Он хотел что-то прошептать, но не смог, а просто рухнул на колени, подняв тучу брызг и затем повалился на бок, отчего кровавой бассейн издал очередной шлепок.

Титус ничего не мог сделать: ни выдать из себя звук, ни пошевелиться. Именно так он чувствовал себя тогда, когда нужно было делать роковой выбор, в день, когда он потерял и друга, и любимую. Но проще ли было ему сейчас? Пока Кастиэль втаптывал лицо

стрелявшего как можно глубже в землю, смяв его шлем так, что в него сложно было бы вставить руку, не то что голову, рыцарь стал понимать, что ошибался. Неужели человек, который навязывал ему то, что нельзя помогать людям, лезть грудью на амбразуру пожертвовал душой, чтобы спасти друга и теперь бездыханный лежит на земле?

Виноват ли Титус в том, что не смог спасти никого, позволил близкому человеку подписать себе приговор к вечному рабству? Неужели это та свобода, которой он бредил? Буквально на четвереньках, рыцарь подполз к Алистеру и перевернул его на спину. Когда-то разведчик говорил ему, что если человек умирает с чистой душой, зрачки сужены, так как он видит свет. Увиденное поразило его, словно это он выстрелил в Алистера, на лице которого застыло выражение ужаса и отчаянья, а глаза... глаза были черными как смола. Бывшие черными и при жизни, они полностью лишились белков, словно зрачки раскрылись так сильно, что охватили глазные яблоки. Будто умирающий стремился увидеть хоть частичку света в месте, где тьма заполонила все вокруг.

— Прости. — Проговорил рыцарь, извиняясь за то, что не сумел помешать. Это была уже не простая и не обещающая ничего веселого смерть, это было доказательство того, что все же, что-то есть по ту сторону бытия. Но может, это просто из-за болезни? Он же болел, верно? Смертельно болел! Как бы то ни было, это безвыходная ситуация, как поворот, ведущий в тупик, придется возвращаться. Он закрыл ладонью веки умершего друга, как послышался всплеск от шагов подходящего соратника.

— Так бывает. — Процедил Кастиэль, неподалеку стоял онемевший Кристофер, осматривая Роланда.

— Так бывает? — Удивленно переспросил Титус.

— Так бывает.

— Все что ты можешь сказать, это то, что так бывает, Кастиэль?

— Я знал его подольше, чем ты, приятель. Я по-своему буду выказывать свое почтение, скорбь от утраты, и не только о нем. Так бывает. — Повторил двухметровый легионер, осматривая поле боя. — Люди гибнут, и это случается часто. Просто свикнись с этим, и прими как должное. Успокой себя мыслью, что он погиб за благое дело.

— Я познакомился с одним Алистером, а похороню другого.

— Боюсь. — Начал Кастиэль, осмотревшись вокруг. — Хоронить придется не только его.

Глава 9. Гильдия теней

Начало зимы 1670 года

“Нет ничего вечного, кроме самой идеи сделать что-то вечное. А то, что ты строишь на века, проживет чуть дольше тебя, станет лишь кратковременным напоминанием о тебе, о создателе.” — Принц севера Уильям, основатель Серого легиона и герой войны с королевством Везерлах.

В Темнолесье больше не шел снег. Кто-то говорил, что таким образом проявлялись способности Кристофера, но доказать или опровергнуть это было нельзя — магию сложно объяснить.

Погибшие были похоронены на безлесном возвышении. Титус прошел мимо невысоких холмиков земли, под которыми покоились Измаил и линчеватели. Он подошел к могиле Алистера, возле которой собрались его соратники. От них отошел Дэнтон Стоун, он хлопнул Титуса по плечу, выражая соболезнования. Бывший рыцарь занял его место, а воин-дракон пошел в направлении поместья.

— Я никогда не прощу ему этого. — Заявил Роланд. Подойдя ближе, он вонзил в рыхлую землю свой двуручный меч, затем снял с пояса маску и повесил на рукоять. По поверхности красного металла пробежал слабый солнечный луч. Роланд смотрел на маску, но думал не о ней, а вспоминал черное летнее небо, разорванное молниями.

Тогда шел ливень, но солдаты Серого легиона тщетно пытались сохранять боевой дух перед осадой самой неприступной крепости Везерлеха. Она стояла на вершине холма, откуда были видны обе столицы враждующих королевств — Везерлеха и Нортленда. Легион принца мог попытаться взять крепость количеством, но ее крепкие стены усложняли задачу, поэтому осада продолжалась целый месяц. Принц королевства Нортленд собрал своих командиров для обсуждения заключительного штурма.

— Осаду необходимо отложить! — Единогласно заявляли командиры, лишь пару человек в самом темном углу палатки соблюдали тишину. — Идти вверх по склону под таким дождем, в полном снаряжении — смерть! Перебьют как скот, даже не поморщатся там, у себя на стенах, попивая свой гадкий отвар из трав.

— Это чай! — Послышалось из угла.

— Да какая разница?! Перебьют всех, до последнего оруженосца!

— Трусливый щенок! — Ответил Роланд.

— Роланд прав. — Согласился Алистер. — Погода — помеха осажденным. Лучники не могут попасть в того, кого нельзя разглядеть в кромешной тьме, а подожженные стрелы не испепелят наши осадные орудия.

— Нападать ночью? — Переспросил принц Уильям.

— Я со своим отрядом взберусь на стены. — ответил Алистер. Часовые будут отвлечены нападением Роланда, который устроит небольшую бойню под главными воротами.

— Безумие! — Заявил один из офицеров.

— Да с чего вы вообще взяли, что враг отвлечется на группу солдат под воротами? Что они вообще хоть кого-то отправят в сражение за пределы стен? — Принц поглядывал на Алистера и Роланда, понимая, у них уже есть план.

— Милорд, это ведь просто. — С ухмылкой заявил Роланд, благодарственно кивнув

разведчику. Мы возьмем с собой крышку тарана, под ней не будет видно отсутствия самого тарана, и враг решит, что мы собираемся пробить ворота малой группой. Они вышлют отряд мечников, так как лучники не смогут пробить щиты, да и нашего войска вблизи нет, никто не ждет подвоха. Решат, что перебьют нас и вернуться назад.

— Верно. — Согласился Алистер. — Они ведь не знают, что там такой мясник, как ты. А я тем временем взорву пороховое хранилище крепости. Им нечем будет отбиваться, когда мы пойдем в бой.

— Значит решено? — С надеждой спросил Роланд.

— Решено. — Подтвердил Уильям.

— Я не боюсь. — Сказал тогда Кастиэль. — Везерлех считает эту крепость непробиваемым щитом, но у меня предчувствие, что мы его пробьем. Это ломает их боевой дух.

— Наконец-то хоть что-то сказал. — Пожал плечами Роланд. — В целом, я с ним согласен. Сравняем их самомнение с грязью.

Алистер ушел к палатке на отшибе лагеря, но Роланд догнал его.

— Кого ты собираешься брать с собой на стены?

— Если бы я не сказал, что пойду без своих людей, принц бы никогда не одобрил мой план. Пойду один: безупречнее меня с этой задачей никто не справится.

— Тебе обязательно нужно кого-то с собой взять на стену!

— Это еще зачем?

— Чтобы помог донести твою самонадеянность. Ты собираешься взбираться на стену с тяжелым грузом, представь, если она рухнет, то и осадные орудия не понадобятся.

— Вот видишь, приятель. Ты знаешь обо мне так много, даже больше, чем мне хотелось.

— Может быть. А еще знаю, что ты душу продал, что бы стать таким хорошим стрелком.

— Во-первых, я не хороший стрелок, я лучший стрелок. Во-вторых, нельзя продать то, чего нет.

— Да и вообще, почему ты все еще споришь со мной, а не повышаешь боевой дух своих солдат? Взбодрить как-то, сказать что-то приятное, заставить поверить в победу... Роланд, иди к своим людям и уничтожь за меня бутылку вина, я хочу взять пару своих разведчиков и еще раз пройти окрестности, завтра очень тяжелый день.

Следующим вечером лило еще сильнее, настолько, что шагая под дождем Роланд сильнее ощущал стук капель о щит, чем удары стрел.

— Как там Алистер? Не соскользнул ли он со стены? — думал воин.

Алистер рассказывал, что в ту ночь он несколько раз чуть не упал из-за порывов ветра. Одна из попыток оказалась успешной и разведчик повис на краю стены, дожидаясь пока пройдет один из часовых. Находясь с этой стороны, стражник чувствовал себя в полнейшей безопасности: ведь бой шел под стенами. Мгновение — и рука Алистера и потянула часового в пустоту. Теперь разведчик мог приступить к своему любимому делу — взлому замка. Когда дверь слегка приоткрылась, он резво заскочил внутрь, доставая небольшой сверток из-под куртки. Дело оставалось за малым — установить заряд, и покинуть стену. Взрыв порохового запаса послужит сигналом к наступлению.

Подбегавшие к башне стражники, которым было приказано прикатить несколько бочек с порохом на другую сторону стены, увидели убегающего человека капюшоне, который вскочил на каменные зубья стены и нырнул вниз. Не успели они посмеяться над самоубийцей, как их снесло взрывной волной и засыпало камнями.

Нет, Алистер не отрастил себе крылья — внизу его ждали лишь стог мокрого сена и его отряд.

— Вот это я называю точность! — Выкрикнул он!

— Так вот зачем нужно было делать этот стог. — Ошарашено почесал затылок один из разведчиков, а другой незаметно вытащил из стога грабли, так, что бы этого ни в коем случае не увидел сам командир.

— Повеселились и хватит. Сигнал уже был дан, угадайте, дети, что это значит?

— Мы идем брать крепость?

— Я бы назвал это истреблением, или зачисткой, но суть ты уловил. — Осмотревшись на свой отряд, он стал выходить из себя. — Черт! Рты позакрывали и живо на штурм! Летающих людей не видели?! Живо!

Спустя неделю правители Нортленда и Везерлеха подписали мирный договор. Взятую днями ранее крепость пришлось сдать обратно как жест доброй воли и одно из условий перемирия. Окончанию войны радовались лишь единицы, остальные просто пытались смириться с тем, что это была лишь военно-политическая интрига, а их побратимы погибли впустую.

Роланд, прихрамывая, ковылял рядом со своей лошастью, он не стал мучить раненое животное. Вдоль колонны пробежал отряд разведчиков с Алистером во главе. Его проводили приветственными криками, однако без перешептываний не обошлось.

— Проклятые разведчики! — Буркнул кто-то идущий рядом с Роландом. — Без обид, но ты сам посуди, все едва ноги волочат, а эти бегают. Все понесли большие потери, а что они? Ни единого бойца не потеряли, да еще появились только тогда, когда мы ворота сломали. На все готовое пришли! — Закрой пасть. — Буркнул воин. — Если бы не они, нас бы еще больше полегло. Алистер лично снес к чертям пороховой склад, благодаря этому, единственной проблемой на пути к стенам Поблагодари!

— Ну да, спасибо, что живой вернусь... — Начал тот и внезапно замолк, Роланд лишь потом обратил внимание на то, что он рухнул замертво, с торчащим из затылка арбалетным болтом.

Раздался свист, после чего возле Роланда земля взлетела вверх, а лошадь упала замертво от точного попадания ядра. Северянина отбросило. В ушах стоял звон, но он кое-как дополз до своего меча и поднялся с ним на ноги, звуки постепенно возвращались. На обоих склонах показались враги, вооруженные мечами и топорами, в крепких доспехах без единого герба.

— Защищать принца! — Выкрикнул Роланд.

Мимо пронесся Кастиэль на лошади, но через мгновение был выброшен из седла пушечным ядром.

Перевес был на стороне неизвестных противников: уставшие и истощенные солдаты погибали один за другим. Неужели Везерлех нарушил мирный договор? Но эти воины были не похожи на их солдат, да как они оказались на территории Нортленда?

Алистер со своим отрядом пытался опередить строй и проверить путь на наличие засад или помех, которые могли задержать колонну. Он рассчитывал увидеть поваленное дерево, но никак не ожидал нарваться на подготовленных солдат.

Многими днями позднее, Алистер признался, что в его памяти отложился только один момент: одетый в красно-черное противник, в чьих руках был арбалет на два гнезда. Сработал пусковой механизм, и болты пронзили грудь разведчика, заставляя его упасть.

Последнее, что он слышал перед тем, как потерять сознание — неистовый крик своего друга.

Поток воспоминаний прервал голос Кастиэля, который, как всегда, не выражал никаких эмоций:

— Простишь. Он отдал жизнь за тебя. Он не смог бы жить с тем, что не сдержал обещание.

— Ну, когда-то ты простишь его. — Вмешался Титус, который смотрел на лук и стрелы, лежащие на земле, и нагнулся, чтобы положить их более аккуратно. Затем достал из кармана жакета платок Алистера и бережно повязал на рукоять меча.

— Что дальше? — Спросил Кристофер, он был в инквизиторской форме, и держал под мышкой свой медный шлем, окрашенный черной краской. Бывший офицер решил не расставаться с привычными вещами, а лишь слегка изменил их.

— Закончим дело семьи Де-Ветт. — Сказал Роланд, потерев рукой место, где осталось клеймо от артефакта. — Гильдия теней, считайте, что она родилась тогда, когда погиб Алистер. Мы укрепим и очистим поместье, используем гильдейские лицензии для торговли и привлечения наемников, наладим свое дело и заработаем на нем.

— Мы — тени? — Прошептал Титус, вспоминая речь усопшего.

— Верно, мы никто иные как тени. — Согласился воин. — Отдадим дань уважения нашему другу, займем себя делом. Как он сказал тогда, мы все одна большая семья. Так давайте заключим это все официально, и станем тем самым механизмом, о котором так живо говорил Алистер, воскресим его через гильдию.

— А тебя пробрало от беседы с ним.

— Меня одного?

— Нет. — Признался Титус. — Я согласен, как и многие стоящие здесь, более чем уверен в успехе этой затеи. Но есть одно “но”, и его придется взять за правило, думаю, ты понимаешь, о чем я. Лицензии получены на имя семьи Де-Ветт, для всех кроме нас, Алистер будет жив, станет эдаким лидером, невидимым глазу.

— Мало что поменяется. — Заметил Роланд, но согласно кивнул. — Но для нас он всегда останется жив. — Нужны годы, чтобы воплотить в жизнь хотя бы часть его планов.

— Инквизиция. — Встрял в беседу Кристофер. — Инквизиция не простит этого. Но у меня есть идея, даже не столько моя, сколько его. — Кристофер указал на могилу взмахом ладони. — Я вернусь назад, встану в строй инквизиции. Стану причиной размолвок в ее рядах, стану вашими глазами и ушами, но кто-то должен быть мостом между мной и Гильдией Теней. — Неуверенно сказал Кристофер, заметив, что вдалеке стоит Майя.

— Верно, Гильдия Теней. — Кивнул Роланд, после чего перевел взгляд на Титуса. — Но нам понадобятся люди, которые могут держать в руках оружие, строить, рыхлить землю, охотиться. В общем, все, кто сможет и захочет к нам примкнуть.

— Найти людей, которые хотят стать свободными от гнета инквизиции, вернуть ей должок или напротив — желающих трудиться в обмен на монеты и безопасность? Найти таких людей не составит труда. Хоть целую армию!. Когда я был в Империи, видел многих желающих освободиться от жизни в неволе, настоящем рабстве, под строгим присмотром Императора. То же и в других странах, ты предлагаешь мне вербовать людей?

— Предлагаю стать моим напарником, каким был Алистер.

— Постараюсь не быть таким козлом, но так-то я согласен. — Титус кивнул и пожал руку северянину, после чего легкой свободной походкой пошел вниз, всматриваясь на

бескрайний океан ливны. Он знал, что несмотря на пережитое им, самое сложное все равно остается впереди...

Больше книг на сайте - Knigoed.net